Годъ 7-й. Кн. XXV.

# ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1895, № 2.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

МОСКВА.
Высочайше утв. Т-во Скоропеч. А. А. Левенсонъ. Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ, Петровка, д. Левенсонъ.
1895.

Digitized by Google

Печатано съ разрѣшенія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей
Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.
**Москва, 20 іюня 1895 г.**

Digitized by Google

## СОДЕРЖАНІЕ.



Digitized by Google

---

Digitized by Google

# БѢЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЭЗІЯ И РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

Главнымъ хранилищемъ русскаго былевого эпоса въ настоящее время является Великороссія и преимущественно сѣверъ ея. „Олонецкая губернія — это наша Исландія", по замѣчанію Ореста Миллера [1]). Другія области, не отличаясь такимъ богатствомъ, все же сохраняютъ болѣе или менѣе значительные отдѣльные слѣды богатырскаго эпоса,—слѣды, если и не всегда интересные въ литературномъ отношеніи, то зато безусловно важные въ вопросѣ о степени распространенія былинъ и ихъ исторіи. Въ позднѣйшее время обращаютъ на себя вниманіе былины, записанныя въ Сибири и обогатившія, между прочимъ, новѣйшее изданіе Этнографическаго Отдѣла [2]); въ томъ-же изданіи собраны также былины изъ областей Уральской и Терской. Еще ранѣе былъ затронутъ вопросъ объ остаткахъ эпоса въ области Войска Донского [3]). Со времени знаменитаго спора Погодина и Максимовича о старобытности малорусскаго населенія возникла цѣлая литература о слѣдахъ русскаго богатырскаго эпоса въ Малороссіи.

Бѣлоруссія только въ самое недавнее время сдѣлалась предметомъ научныхъ этнографическихъ изысканій, причемъ и до сихъ поръ остается еще не мало вопросовъ, которые почти что не затронуты. Къ числу послѣднихъ относится и вопросъ объ эпосѣ въ Бѣлоруссіи.

Въ Бѣлоруссіи, насколько это извѣстно изъ обнародованнаго матеріала, пока не записано ни одной древней былины или даже побывальщины со складомъ, *близкимъ къ былинѣ*. Такимъ образомъ, пока оказывается, что нынѣшняя Бѣлоруссія не сохранила древняго



Digitized by Google

богатырскаго эпоса—ни своего собственнаго, ни общерусскаго и въ такомъ видѣ, какъ напримѣръ, сѣверъ Россіи. Иной вопросъ: былъ ли у нея когда-нибудь подобный эпосъ?—Исторія земель, вошедшихъ въ составъ Бѣлоруссіи, повидимому, могла представить благопріятныя для этого данныя. Вспомнимъ хотя бы начальную исторію Полоцкаго княжества и Всеслава Полоцкаго, вызвавшаго у автора „Слова о полку Игоревѣ" такое поэтическое упоминаніе и не безъ основанія сопоставляемаго съ былевымъ Волхомъ, Вольгой. [4]) Весьма возможно, что когда въ достаточной степени будетъ всесторонне разработано прошлое Бѣлоруссіи, въ общерусскомъ эпосѣ найдутся мѣстныя, бѣлорусскія черты подобно тому, какъ въ немъ отмѣчались уже черты новгородскія, суздальскія.

Впрочемъ, даже если подвергнуть сомнѣнію существованіе эпоса въ Бѣлоруссіи, то все-же несомнѣннымъ остается замѣчательное развитіе и богатство бѣлорусской обрядовой пѣсни, а „отъ изученія колядныхъ и свадебныхъ пѣсенъ могутъ получиться откровенія для исторіи народнаго эпоса", какъ замѣчаетъ А. Н. Веселовскій. [5]) Еще большія, пожалуй, откровенія можно получить отъ изученія сказокъ, а Бѣлоруссія и въ области сказки занимаетъ видное мѣсто.

Въ виду всего указаннаго, быть можетъ, будетъ имѣть значеніе и настоящая замѣтка, имѣющая цѣлью обратить вниманіе на нѣкоторыя черты и цѣлые мотивы въ бѣлорусской народной поэзіи, которые роднятъ ее съ эпосомъ вообще и русскимъ богатырскимъ въ частности.

Однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ эпическихъ мотивовъ является „молодецкій конь". — „Подъ лѣсомъ, да подъ высокимъ ходитъ стадо коней; въ томъ стадѣ одинъ конь говоритъ: „никто меня не поймаетъ, не осѣдлаетъ". [6])

По одной пинской пѣснѣ [7])

**Подъ *Муровомъ*, подъ городочкомъ,—**
**Ой, тамъ ходитъ вороное стадо,**
**А въ томъ стаді неимущій конь...**

Или, наконецъ, въ пѣснѣ Бобруйскаго уѣзда [8]) поется: въ полѣ коники ходятъ, изъ нихъ

**Да одзинъ коникъ силъ невеличекъ,**
**А касатенькій, волосатенькій...**

Digitized by Google

Кто-жъ его поймаетъ?—Обозвался молодой Андрейка: онъ того коня поймаетъ и поѣдетъ въ чистое поле „на полеванне“ [9]).

Мы позволимъ себѣ усматривать здѣсь отраженіе того богатырскаго коня, который гуляетъ на свободѣ, пока не понадобится богатырю, и съ которымъ обыкновенному человѣку не совладать. Рустемъ долго не могъ подобрать себѣ коня, пока не нашелъ такого, который былъ предназначенъ ему одному; „цѣна его—земля Иранская!“ [10]) Дюкъ выбиралъ себѣ коня неѣзжана да изо ста бралъ, изъ тысячи [11]). На конѣ Ильи Муромца пришлось однажды сидѣть Василью калѣкѣ: безъ ума его носитъ конь, безъ памяти, такъ что несчастный всадникъ радъ бы ужъ выпасть, еслибы только могъ это сдѣлать. (Онъ былъ привязанъ къ коню) [12]).

Въ одной румынской колядкѣ [13]) раскaзывается, какъ молодецъ выслужилъ себѣ необыкновеннаго коня. Быть можетъ, отдаленный намекъ на подобное же добываніе коня сохранился въ такихъ словахъ бѣлорусской пѣсни, какъ слѣдующія: служилъ Ваня у царя и выслужилъ послугу: *коня съ сѣдломъ* и Натальюшку съ вѣнцомъ [14]).

Такъ или иначе пріобрѣтенный конь дѣлается вѣрнымъ товарищемъ молодца: онъ дѣлитъ съ послѣднимъ и радость, и горе, выручаетъ его изъ бѣды, „бесѣдуетъ“ съ нимъ. Наиболѣе характерна слѣдующая бесѣда хозяина и коня:

„Ой, коню, коню“, говоритъ хозяинъ: „продамъ я тебя за 300 злотыхъ, за 4 червонца!“ — „Молодъ Иванко!“ отвѣчаетъ конь: „не продавай меня; помнишь-ли? Мы были ў турэцкуй земли

За нами гнаўсе
Туръ да татара—
Злый духъ нагавый;
А я, якъ скочыў—
Морэ перасвочыў.
Не замачыў я
Ни хамуцячка,
Ни сядзѣлячка,
Ни свайго хваста,
Ни шаўковаго,
Ни твайго бота,
Дай зашповаго,
А ни супьяна (сбруи),
А ни Ивана пана. [15])

Бѣлорусскихъ и малорусскихъ пѣсенъ на эту тему много; иногда конь напоминаетъ хозяину, какъ онъ его вынесъ изъ подъ стрѣлъ и пуль, перенесъ чрезъ море, причемъ

«Узяли мы ясную стрѣлку,
Ясную стрѣлку, красную дзѣўку. [16])

Вообще малорусскіе варіанты яснѣе опредѣляютъ мѣсто дѣйствія: „когда турки насъ за Дунай загнали“, говоритъ конь въ малорусской пѣснѣ,—



Digitized by Google

«Більшь потопали, якъ виринали; Ні чоботка, ні стременочка,
А ти, мій пане, и чоботка не вмочивъ Ні стременочка, ні сіделочка» [17]).

Нѣкоторыя пѣсни отличаются отъ предыдущихъ въ томъ смыслѣ, что конь лишь обѣщаетъ хозяину стать ему „ў великой пригоди". Такова, напримѣръ, рѣчь коня по одной пѣснѣ Гомельскаго уѣзда [18]): когда ты будешь жениться, я помощу калиновые мосты, поставлю золотые столбы, повѣшу хусты шелковые: какъ повезешь ты дѣвушку — забрящатъ мосты калиновые, засіяютъ золотые столбы, замашутъ хусты шелковые".

Обыкновенно о своей службѣ конь говоритъ въ отвѣтъ на высказанное хозяиномъ намѣреніе продать его. Подобная черта со стороны хозяина могла бы показаться черною неблагодарностью; въ бѣло-и малорусскихъ пѣсняхъ она недостаточно ясно мотивирована. Для уясненія истиннаго смысла этого разговора приведемъ одну румынскую колядку [19]): хозяинъ говоритъ коню, что думаетъ продать его. Конь не понимаетъ,—за что такая немилость; ужъ не за слѣдующее-ли: „когда мы бились на морскомъ берегу съ турками и франками, франки насъ разгромили, турки разбили, побросали насъ въ море, гдѣ многіе потонули; — я поплылъ по морю вдоль и поперекъ. Однимъ я виновенъ: запнулся о перо мурены и замочилъ полу твоего кафтана, край твоего кармана; но я понадѣялся на себя: выйдя на берегъ, осушилъ ихъ дуновеніемъ моихъ ноздрей и ничѣмъ ихъ не попортилъ". Хозяинъ успокаиваетъ коня: *онъ хотѣлъ лишь испытать его*.—Ты испыталъ меня еще на прошломъ Крещеніи, въ запуски съ 15 конями подкованными. Я, неподкованный, принатужился, напередъ прибѣжалъ, сдѣлалъ честь тебѣ, какъ храбрецу,—себѣ, какъ доброму коню [20]). Такимъ образомъ, и въ бѣлорусской пѣснѣ, которую при посредствѣ малорусскихъ пересказовъ легко возвести къ югу, слова хозяина, повидимому, имѣютъ цѣлью только испытаніе коня.

Хозяинъ гордится своимъ конемъ, похваляется имъ:

Поттымъ яворамъ Лукашка зъ конемъ,
Предъ королемъ хвалицца зъ конемъ:
Нема у короля такого коня.
Коникъ скачіў, мора пираскачіў.
Мора пираскачіў, копуцика не замочіў [21]).

Ср. колядку изъ сборника г. Безсонова: славное паня хвалится конемъ предъ королемъ· „у тебя, короля, нѣтъ такого коня (т. е.

Digitized by Google

какъ у меня): золотая грива, серебряныя копыта, шелковый хвостъ; шелковый хвостъ слѣдъ заметаетъ, серебряныя копыта камень сѣкутъ, золотая грива на солнцѣ блеститъ [22]).

Подобный-же мотивъ похвальбы конемъ распространенъ и въ малорусскихъ пѣсняхъ [23]).

Похвальба конемъ и частыя упоминанія о какой-то необыкновенной скачкѣ коня подали поводъ академику А. Н. Веселовскому сдѣлать нѣсколько интересныхъ сближеній и обобщеній. Мотивъ „похвальбы“ попадается и отдѣльно, — замѣчаетъ г. Веселовскій, — но намъ интересно было бы опредѣлить его мѣсто въ колядкѣ, главное содержаніе которой исчерпывается мотивомъ „бесѣды“. Не слѣдовалъ-ли за похвальбою бѣгъ въ запуски? [24]) Дѣйствительно, въ народной поэзіи мотивы подобнаго рода принадлежатъ къ числу излюбленныхъ, наиболѣе популярныхъ. Русскій богатырскій эпосъ знаетъ состязаніе въ бѣгѣ коней между княземъ Владиміромъ и Иваномъ Гостинымъ сыномъ, между Дюкомъ и Чурилой; въ былинахъ объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ и нѣкоторыхъ о Дюкѣ бѣгу коней предшествуетъ похвальба; у Дюка и Чурилы самый споръ сводится къ тому, чтобъ именно перескочить рѣку (Почай, Нѣпру). Состязаніе въ бѣгѣ коней входитъ въ одну изъ древнѣйшихъ французскихъ эпопей — въ пѣснь о Рено Монтобанскомъ, встрѣчается въ старо-французскомъ романѣ объ Иракліи. Въ одной новогреческой пѣснѣ Константинъ ставитъ въ закладъ царю свою голову въ томъ, что его конь перегонитъ царскихъ коней — и выигрываетъ споръ [25]).

Въ болгарской пѣснѣ [26]) Михаилъ, славный юнакъ, похвалился своимъ конемъ, который-де перегонитъ и солнце, и вѣтеръ. Когда объ этомъ провѣдало солнце, послѣдовалъ бѣгъ, въ которомъ побѣдителемъ остался юнакъ. Наконецъ, укажемъ на приведенную румынскую колядку, уже близко подходящую къ мало-и бѣлорусскимъ пересказамъ.

А. Н. Веселовскій, сопоставивъ всѣ подобныя пѣсни, пришелъ къ предположенію, что въ колядкахъ (румынской, мало-и бѣлорусскихъ) похвальба и бѣгъ могли имѣть первоначально то-же значеніе, что и въ былинахъ, напримѣръ, объ Иванѣ Гостиномъ сынѣ [27]).

Одинъ необыкновенный конь хозяину дороже цѣлаго табуна. Малороссійская пѣсня [28]) говоритъ о какомъ-то молодцѣ, который ходитъ у Дуная, гдѣ потонулъ табунъ лошадей:

Digitized by Google

«Ой, не такъ мені жаль за пів-ста кіньми,
Ой, якъ мені жаль за *моімъ* конемъ.
Да въ того коня золота грива;
Золота грива груди покрывае,
Шовковый хвостикъ слідъ замітае,
Тернові очка звізди рахуютъ,
Лосёві ушка ради слухаютъ,
Срібни копыта камінь лупаютъ.

Съ тѣмъ-же мотивомъ встрѣчаемся мы въ пинскихъ пѣсняхъ: черезъ рѣчку перегоняли „стадо" коней; мостъ подломился и стадо потонуло.

«Ой, не жаль-же мні вороного стада,
Да якъ жаль-же мені *сивця-воронця*,
Сивця-воронця, білого копитця,
Що й копитцемъ лугъ пробігае,
А хвостыченькомъ землю замітае,
А гривонькою все поле вкривае,
А ушицами всі слухи слышить [29]).
А очицами ўсе ўсюды бачить,
Усе ўсюды бачить—непріятэля» —

добавляетъ другая пинская пѣсня [30]).

Въ виду того, что эти пѣсни даютъ интересное описаніе наружности коня, мы позволимъ себѣ привести еще одинъ варіантъ, записанный уже въ Могилевской г. [31]):

Што за конь, за прадобрая лошадзь!
Вушками конь ўсе войско сослыхаицъ,
Вочками конь ўсёе войско сосмотраицъ,
Губками конь сине море выпиваицъ,
Зубками конь зелень травушку зъидаицъ,
Грывкою конь ўсё поле усцилаицъ,
Копытами конь бѣлы камень разбиваицъ,
Хвосцикомъ конь слѣдъ-дорогу замитаицъ.

Въ общемъ, конь бѣлорусскихъ пѣсенъ довольно близко подходитъ къ типамъ коней сказки и былинъ. Маленькій, касатенькій, съ длинною гривой, большимъ хвостомъ, добродушными, но зоркими глазками, на первый взглядъ, если хотите, неказистый,— онъ производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ сказочный „конекъ-горбунокъ" или богатырскій „немудрый" „бурушка косматенькій".

„Есть у меня да еще бурушка,
Есть у меня да каурушка:
Трехъ годковъ жеребушечка,
Маленькій, косматенькій,
Глазочки, какъ яблочки,
Копытечки по рѣшетечку,
Гривушка семи саженьковъ,
Хвостичикъ и семидесяти". [32])

Таковъ конь Ивана Гостинаго, посрамившій въ бѣгѣ лучшихъ жеребцовъ князя Владиміра. Бѣлорусскій конь отличается необык-

Digitized by Google

новеннымъ „скокомъ“, быстротою бѣга. Конь русскихъ сказокъ и былинъ поднимается выше дерева стоячаго, чуть пониже облака ходячаго, горы и долы промежъ ногъ пускаетъ, быстрыя рѣки перескакиваетъ, широкія раздольица хвостомъ устилаетъ. [33])

„Изъ былевой пѣсни, воспѣвавшей вмѣстѣ съ соколомъ и его вѣрнаго товарища—коня“, говоритъ академикъ А. Н. Веселовскій, „тотъ и другой переселились въ колядку. Вмѣстѣ съ ними и охотничій соколъ“ [34]). Къ сожалѣнію, наиболѣе поэтическій образъ сокола, присутствующаго при послѣднихъ минутахъ своего господина, образъ, такъ прекрасно обрисованный въ болгарской и сербской народной поэзіи [35]), въ бѣлорусской—не нашелъ распространенія; можно указать лишь слѣдующее:—убитый молодецъ

Въ степу спочивае,
Надъ нимъ ясны соколъ
Головку стыкае. [36])

Ср. столь обычное въ малор. п.:

..... N въ полѣ спочивае
Надъ нимъ сидитъ сизый соколъ, въ головоньку ськае. [37])

Зато въ бѣлорусской поэзіи очень распространенъ образъ сокола, переносящаго черезъ воду свадебный поѣздъ, образъ „сокола-свата“.—Молодецъ ѣдетъ на охоту, видитъ на яворѣ сокола и хочетъ его застрѣлить. „Не стрѣляй меня“, говоритъ соколъ: „я тебѣ буду великой пригодою: какъ будешь жениться и будешь брать невѣсту за водами, за морями, пріѣдешь къ синему морю, станешь кликать перевозчиковъ и не докличешься ихъ: я тебя молодого перевезу на правомъ крылѣ, твою жену съ тобою, твоихъ сватовъ на лѣвомъ крылѣ, приданое посерединѣ, музыку на шеѣ, а подруженекъ на хвостѣ; твоего коня уплывъ пущу“. [38]) Иногда вмѣсто сокола является орелъ—птица, сизый орелъ, даже голубь, который вымаливаетъ себѣ пощаду, обѣщая сказать „три радости“. Указанный мотивъ является однимъ изъ обще-распространенныхъ. Такъ, въ малорусской колядкѣ—на яворѣ сидитъ соколъ и вьетъ гнѣздо. Подходитъ молодецъ и хочетъ стрѣлять; соколъ проситъ пощады:

Коли ты будешь ой женитися,
Я тобѣ стану та въ пригодонцѣ;
(Срѣбными пôдкôвками выбрязкуючи,
Ясновъ шабельковъ вывиваючи,
Сивовъ шапочковъ насуваючи,
Рясными суконцями потрясаючи)
Тебе молодого самъ перепроваджу,
Твою княгиню на крыльцѣ возьму,
А твои гроши возьму на ноши. [39])

Въ сербской свадебной пѣснѣ сивый соколъ такъ отпрашивается: Настанетъ время, будешь меня, Петро, просить; у водъ Дуная и свѣтлаго озера будешь меня просить провести твоихъ сватовъ и перенести тебя съ Анной". Ср. сербско-хорватскую пѣсню: сидитъ иволга въ зеленомъ бору. Мимо проходитъ молодой стрѣлокъ и хочетъ застрѣлить ее. — „Не стрѣляй меня", говоритъ иволга: „я тебѣ скажу, на комъ тебѣ жениться".—По болгарской пѣснѣ юнакъ хочетъ женить своихъ сыновей—близнецовъ на двухъ сестрахъ—близнятахъ. Отправившись на поиски, онъ видитъ въ лѣсу „птицу-златокрыльцу" (по мнѣнію Потебни—сокола) и прицѣливается въ нее. Птица, въ видѣ выкупа за себя, ведетъ юнака въ неизвѣстный градъ, гдѣ онъ и находитъ невѣстъ. Въ датской пѣснѣ воронъ переноситъ невѣсту изъ заточенія черезъ море къ жениху. [40])

Мотивъ „сокола — свата" входитъ въ былину о Михайлѣ Казарянинѣ, „какъ существенная черта", по выраженію Потебни. [41]) По порученію князя Владиміра, Михайло поѣхалъ на охоту къ морю синему. Возвращаясь уже назадъ, наѣхалъ въ полѣ сыръ кряковистый дубъ; на дубу сидитъ тутъ черной воронъ, описываемый нѣсколько необыкновенными чертами. Удивился Михайло, вынимаетъ изъ налушна тугой лукъ, изъ колчана каленую стрѣлу и хочетъ убить ворона. Воронъ отпрашивается и вмѣсто себя указываетъ Михайлѣ „добычу богатырскую"—русскую дѣвицу, полоняночку, молоду Марфу Петровичну. [42]) Подобный-же эпизодъ съ соколомъ, ворономъ входитъ также въ нѣкоторыя былины объ Алешѣ Поповичѣ, Дюкѣ, Добрынѣ. [43])

Бѣлорусская пѣсня знаетъ и другой сходный образъ, гдѣ главная роль принадлежитъ уже змѣю.—Въ чистомъ полѣ лежитъ камень; надъ тѣмъ камнемъ люта гадина. Шелъ туда славный паничъ, цѣлитъ—мѣтитъ, хочетъ забить люту гадину, тугой лукъ натягиваетъ, золотую стрѣлку направляетъ. Тогда змѣя проговариваетъ: ой, не бей меня, не губи, славный паничъ, я скажу тебѣ три радости: Богъ даетъ волю, панъ—коня (или землю), царь — дочку. [44]) Подобнаго змѣя знаютъ и малорусскія пѣсни. [45]) Съ другой стороны, Потебня отмѣтилъ тотъ-же величальный мотивъ „змѣя—свата" въ нѣкоторыхъ былинахъ о Добрынѣ и змѣѣ.

Добрыня купается въ Почаевой рѣкѣ; появляется восьмиглавая змѣя; Добрыня хочетъ рубить ей головы; смолилась тутъ змѣя:

Digitized by Google

не казни, Добрынюшка, змѣиныя головы, я иду къ синему морю, къ великому королю; а есть у этого короля дочь:

**Брови-то у ней черна соболя,**
**И очи у ней ясна сокола,**
**По косицамъ-то у ней звѣзды частыя.**

Змѣя достаетъ эту красавицу для Добрыни. [46]).

Переходимъ къ пинской колядкѣ, [47]) въ которой хозяину поется слѣдующее: вели осѣдлать себѣ коня,

**Возмы хортыки да на рятязи,**
**А соколыки на білы ручики,**
**Да поѣдь собі на полеванэ**
**Да на погулянэ.—**

Ср. малорусскую пѣсню: [48]) подъ наметомъ сидитъ панъ N, держитъ коня да за поводья, держитъ хорта да на ретязи, держитъ сокола да на рученькахъ.—Въ этихъ словахъ за бытовымъ образомъ охотника ясно обрисовывается эпическій образъ богатыря, выѣзжающаго на добромъ конѣ, съ вѣрнымъ псомъ и соколомъ, какъ отмѣчаетъ то-же и проф. П. Владиміровъ.—У Збута королевича на рукѣ сидѣлъ ясный соколъ, а къ стремени былъ привязанъ выжлокъ... [49]) Или—Противникъ Ильи ѣдетъ на конѣ, а

**У правой ноги борзой-ли кобель проскакиватъ,**
**Съ плеча на плечо ясенъ соколъ перелетыватъ.** [50])

„Вотъ ѣдетъ Ашамазъ",—расказываетъ кабардинское сказаніе о „Насранжаке,"— „съ соколомъ, усѣвшимся на концѣ его плеча, и съ собакой, прыгающей у груди коня" [51].—Гильдибрандъ, подъѣзжая къ Берну, встрѣтилъ мужа, который ѣхалъ съ двумя псами и ястребомъ. [52])

На соколовъ иногда переносится то, что въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ обыкновенно связывается съ образомъ голубей, именно принесеніе печальной вѣсти. Такъ, въ одной изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ разсказывается о томъ, какъ

**Налетѣли два голубы—соколы**
**(вар.—налетѣли соколы со стороны)**
**Сѣли, упали у вдовушки на дворѣ...**
**Голосками ўдовушку ўзбудили.**

Встань, вдовушка молодая, послушай, что люди говорятъ; люди кажутъ, сосѣди говорятъ: „чужіе мужья съ работушки идутъ, твоего мужа воронà коня ведутъ, сѣделечко на бѣлыхъ рукахъ несутъ". [53])

Digitized by Google

Въ пѣснѣ Минской губерніи вдову будитъ стадо сизыхъ голубей. [54]) Этихъ пернатыхъ вѣстниковъ знаютъ и любятъ былины.—Когда Добрыня въ отъѣздѣ спитъ, прохлаждается,—прилетаетъ голубь съ голубкою и садится на сырой дубъ; сталъ голубь съ голубушкой прогуркивать: ты, молоденькій Добрынюшка, спишь да прохлаждаешься, надъ собой невзгодушки не вѣдаешь; а вѣдь твоя молода жена идетъ замужъ за Алешу.—Добрыня просыпается и спѣшитъ домой. [55])

Двѣ бѣлорусскія птицы замѣчательно подходятъ къ слѣдующему поэтическому мѣсту сербской пѣсни о царѣ Лазарѣ и царицѣ Милицѣ. [56])

Прилетѣло два черныхъ ворона съ Косова поля широкаго и упали на бѣлую кулу, на кулу славнаго Лазаря. Одинъ крячетъ, а другой говоритъ: „Это-ли кула славнаго князя Лазаря? Иль въ кулѣ нигдѣ никого нѣтъ?“ Никто того изъ кулы не слышитъ, лишь слышитъ одна царица Милица; она выходитъ предъ бѣлую кулу и спрашиваетъ двухъ черныхъ вороновъ... Вороны принесли печальную вѣсть объ исходѣ Косовской битвы.

Воронъ—зловѣщая птица и въ бѣлорусской народной поэзіи: воронъ сидитъ высоко, видитъ далеко, да мало отраднаго можетъ сообщить; то видитъ онъ заснувшаго на вѣки единственнаго сына вдовы... [57]) то видитъ, какъ отецъ ходитъ по двору и ломаетъ руки, тоскуя о пропавшей дочеви... [58])

Сидитъ воронъ, воронъ на березѣ, клича воронъ на войну. [59])

Наконецъ, обратимъ вниманіе еще на одинъ образъ, „замѣчательный, какъ по своему поэтическому размаху, такъ и по присутствію миѳологическаго элемента“. [60]) По былинамъ у Дюка есть стрѣлы, украшенныя перьями какого-то необыкновеннаго орла, [61])

Не того орла, который вѣдь летаетъ во чистомъ поли,
А того орла, который сидитъ на мори,
На мори сидитъ, на камени;
Аще тотъ орелъ сворохнется,
Сине морюшко сколыблется...
и т. д.

Гости-корабельщики собираютъ перья, роняемыя этимъ орломъ и продаютъ,—по варіанту Кирши Данилова, [62]) *дѣвицамъ*.—Этотъ миѳическій орелъ встрѣчается въ Калевалѣ: онъ такъ громаденъ, по представленію финновъ, что зѣвъ его подобенъ шести водо-

Digitized by Google

падамъ; однимъ крыломъ разсѣкаетъ онъ морскія волны, а другимъ небесныя тучи. Въ другой пѣснѣ говорится объ орлѣ, перья котораго пышутъ пламенемъ. Въ Исландіи думаютъ, что орелъ производитъ бурныя грозы взмахомъ и запусканіемъ своихъ когтей.“ [63]) Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже О. Миллеръ [64]) обратилъ вниманіе на подобныя же *чудесныя перья* павы въ обрядовыхъ пѣсняхъ, причемъ у него есть ссылка на одну бѣлорусскую пѣсню. Позднѣйшія изданія цѣлаго ряда прекрасныхъ бѣлорусскихъ сборниковъ неизмѣримо расширили послѣднюю область сравненій, и въ настоящее время можно указать не мало бѣлорусскихъ образовъ павы, летящей и роняющей перья; [65]) мало того, можно указать и такой образъ: [66])

**На зеленоўмъ дубочку**
**Сѣдзиць чорны оролъ,**
**Буйну головушку разбиваючи,**
**Кровь горячу разливаючи.**
**Распусьціў крылья сей по синю морю;**
**Пороняў пирья по чистому полю.**

Если даже этому орлу и не придавать того значенія, которое г. Халанскій признаетъ за орломъ приведенной былины, то все таки нельзя отрицать близкаго сходства самыхъ образовъ пѣсни и былины. Замѣтимъ, что въ пѣснѣ „птица роняющая перья“ обыкновенно служитъ запѣвомъ, что̀ до извѣстной степени замѣчается и въ былинѣ.

Переходимъ къ слѣдующей группѣ мотивовъ, вызываемыхъ сопоставленіемъ былинъ о Дюкѣ, Чурилѣ и Соловьѣ Будиміровичѣ. Разумѣю прежде всего необыкновенные по своей баснословной роскоши и замысловатости дворы и терема. Большинство изслѣдователей въ описаніи этихъ дворовъ и хоромъ видитъ отраженіе книжнаго и даже не туземнаго вліянія; нѣкоторые, однако, объясненія ихъ ищутъ въ чертахъ быта и обстановки русскаго общества прошлыхъ вѣковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ указывается связь ихъ съ народной символикой и величальными мотивами [67]).

**—Дворъ у Чурилы на Почай на рѣки [68])**
**(Дворъ у него на семи верстахъ [69])**
**Да около двора — все булатній тынъ,**
**Да верси-ты были все точеныя,**
**Воротики-ты всё были все стекольчатыя,**
**Подворотенки — да дорогъ рыбей зубъ...**
**Да на томъ дворѣ-де, на Чуриловомъ,**
**Да стояло теремовъ до семи до десяти.—**
**У Дюка — три терема высокіе да златоверхіе [70])**

Digitized by Google

„Въ бѣлорусскихъ волочобныхъ пѣсняхъ, говоритъ Потебня, „славнаго пана“ узнае́шь не по чему, какъ по надворью“. У него дворъ тыномъ тынинъ — ўсе жалѣзнымъ, вороцитки ўсе золотыя, подворотница — рыбо́я косточка [71]). „Черезъ его дворъ да Дунай цече [72])“.

Въ теремѣ у Чурилы —

На неби сонце — и въ теремѣ сонце,
На неби мѣсяцъ — и въ теремѣ мѣсяцъ,
На неби звѣзды розсыплются, —
Въ теремѣ звѣзды розсыплются [73]).

Ср. одинъ изъ главныхъ величальныхъ мотивовъ:

Ды ў томъ царемѣ три вокошечка,
Три вокошечка сцекляныя;
У першимъ вокнѣ ясенъ мѣсяцъ,
У другимъ вокнѣ ясно соўнце,
У треццимъ вокнѣ дробны звѣзды [74]),

Слѣдуетъ уподобленіе мѣсяца пану Ивану, солнца—его женѣ, звѣздъ—ихъ дѣтямъ. Въ послѣднемъ пріемѣ и заключается существенная разница между обрядово́ю пѣснью и былиной: былина въ данномъ случаѣ чужда какого-бы то ни было уподобленія, и всѣ эти мѣсяцы и пр. понимаетъ иногда черезъ-чуръ ужъ буквально. Постройка теремовъ въ былинахъ о Соловьѣ Будиміровичѣ носитъ свадебный характеръ. Вообще былины о Соловьѣ уже всецѣло вращаются въ области обрядовой пѣсни; это скорѣе не богатырская былина, а свадебная пѣсня, лишь обставленная и разукрашенная пріемами стариннаго былевого эпоса. А. Н. Веселовскій указываетъ въ ней цѣлый рядъ мотивовъ, въ родѣ трехъ теремовъ, образовъ зеленаго сада, потоптанной травы, сорваннаго цвѣтка и др., присущихъ велико-мало-и бѣлорусскимъ свадебнымъ пѣснямъ [75]). Не останавливаясь на нихъ, укажемъ, что и самый образъ Соловья-жениха, пріѣзжающаго изъ-за моря на кораблѣ, находитъ аналогію въ свадебныхъ пѣсняхъ; среди послѣднихъ г. Халанскій собралъ рядъ великорусскихъ параллелей; укажемъ, что и въ бѣлорусской народной поэзіи женихъ иногда является въ челнѣ или на кораблѣ. [76]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибытіе гостей-корабельщиковъ обрисовывается прямо чертами былины о Соловьѣ Будиміровичѣ:

Затьвитали жъ то наши быстрыя рѣчушки яны не тьвѣтами да ўсе кораблями.
Вохъ, да не при мѣстушку нашъ новый корабликъ серодъ синяго мора,

Серодъ синяго морушка, ли крутого дялѣ беражку,
Супроти строенья нашего N., а у N была дочь хорошая,
Чарнобровая, чарноглазая...
На караблѣ—молоды карабельщики, яны горды, ўпарты,
Аляксандрицкія бѣлыя рубашачки ўзяли поскидали,
Гаранітурявыя яны съ прозументами да й понадѣвали,
Да й надѣвши съ прозументами, *ў гусяльки зайграли* [77]).

Своеобразное представленіе о блескѣ и роскоши прибывшихъ; въ былинахъ о Соловьѣ Будимировичѣ оно, конечно, богаче и замысловатѣе, но смыслъ остается одинъ и тотъ-же: и въ бѣлорусской пѣснѣ корабельщики, какъ въ былинахъ Соловей съ дружиной, успѣваютъ произвесть на жителей впечатлѣніе, дѣлаются предметомъ удивленія и заинтересовываютъ самое красную дѣвицу.

По нѣкоторымъ бѣлорусскимъ пѣснямъ соловей является строителемъ. Особенно интересенъ одинъ варіантъ:

А въ лясу, въ лясу, на жовтымъ пяску
*Салавъі гудуць*, церкву будуюць
Съ трема акнами, читырьма углами [78]).

„О соловьѣ, сколько извѣстно,—замѣчаетъ Потебня [79]) — никогда не говорится, что онъ *гудетъ*. Если предположить здѣсь замѣну (вышеприведеннаго) „Волохи гудуць", т. е., въ древнемъ смыслѣ слова, играютъ на инструментахъ, то этимъ, конечно, не устраняется вопросъ: что повлекло за собой такую замѣну? Можно-бы думать о вліяніи былинъ о Соловьѣ Будиміровичѣ и его трехъ теремахъ, или даже о Соловьѣ разбойникѣ — былинъ, которыя, впрочемъ, если и были когда-либо извѣстны въ бѣлорусскихъ мѣстностяхъ, то давно забыты". Приведенныя слова, намѣчающія любопытный вопросъ, вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно характеризуютъ отношеніе изслѣдователя къ матеріалу бѣлорусской пѣсни и отраженію въ ней чертъ русскаго эпоса.

Мы не станемъ настаивать на томъ, что „салавъі гудуць" явилось здѣсь именно подъ вліяніемъ былинъ, но замѣтимъ, что скептицизмъ Потебни по отношенію къ извѣстности въ Бѣлоруссіи былевого эпоса—нѣсколько чрезмѣренъ. Это яснѣе обнаружится при разсмотрѣніи бѣлорусскихъ сказокъ; въ пѣсняхъ-же, гдѣ приходится имѣть дѣло съ отдѣльными чертами, полунамеками, дѣйствительно не такъ легко указать несомнѣнные слѣды отраженія былинъ; однако, и здѣсь, при всей скудости матеріала, встрѣ-

Digitized by Google

нѣтъ сыновей, и такимъ образомъ ему самому приходится итти на войну; тогда его замѣняетъ дочь [90]). Или громада рѣшила:

— «А хто сына мае, нехай къ войску выправляють,
А хто не мае, нехай наймають».

Вдова, не имѣя сына и, очевидно, не будучи въ состояніи нанять кого-нибудь, выпрявляетъ свою дочку Ґаннусячку. Въ былинахъ интересную параллель можно указать въ типѣ Савишны, жены Ильи Муромца.

— На Кіевъ напалъ Тугаринъ, и Владиміръ шлетъ за Ильей; а того, какъ разъ на ту пору не оказалось дома. Тогда Савишна, слыша „грозенъ наказъ княженецкій", обрядилась, какъ слѣдуетъ, и сама отправилась на Тугарина.

А и Тугаринъ не взвидѣлъ бѣла дня,
Убѣжалъ онъ въ свои улусы Загорскія,
Проклинаючи богатыря Илью Муромца.
А богатырь Илья Муромецъ
Знать не зналъ, вѣдать не вѣдалъ,
Кто за него бился съ Тугариномъ. [91])

Замѣтимъ, что и войтовна на войнѣ дѣйствуетъ не менѣе энергично:

Скоро войтовна ўступила,
Половина войска уныла.

Скоро войтовна махнула,
Дакъ мое войско уснуло.

Намъ остается еще отмѣтить отрывокъ (въ 54 ст.) пѣсни о „Сяврукѣ", записанный въ Суражскомъ уѣздѣ, Черниговской губ. [92]). Этотъ отрывокъ характеренъ уже по одному своему началу:

Ой хто жъ того нязнавъ,
Якъ бѣлый свѣтъ настаўъ?
Якъ и солнушко взойшло,
Якъ и ярби мѣсячко,

Якъ и частыя звѣздочки,
Якъ и тцемныя хмарычки,
Якъ и сильныя дожчачки?

Запѣвъ этотъ смѣло можно поставить рядомъ съ извѣстнымъ былевымъ:

Высока-ли высота поднебесная,
Глубока глубота океанъ-море... [93]) и т д.

Основа пѣсни—единоборство Сяврука; въ концѣ выступаетъ Сяврўшиница, но на этомъ пѣсня и обрывается.—„По характеру

Digitized by Google

и по всѣмъ пріемамъ былевого стиля видно, что эти стихи составляютъ только начало былины, созданной на сѣверѣ Россіи и занесенной въ Черниговскую губернію въ весьма древнюю эпоху вольными или невольными выселенцами или побродягами великорусскими.“ [94]) Мы съ своей стороны предложимъ сначала сравненіе данной пѣсни съ извѣстными пѣснями о Кострюкѣ или Мастрюкѣ.

Бѣлорусская пѣсня, если отдѣлить запѣвъ, начинается упоминаніемъ о томъ,

Якъ царь да сыновъ пожанивъ,
Якъ царь дочарей поотдавъ.
Сяврукъ на весельли бывавъ,
Сяврукъ и горелки пивавъ,
(Сяврукъ позоватымъ бывавъ).

Припомнимъ, что пѣсни о Мастрюкѣ начинаются именно описаніемъ свадьбы Грознаго [95]).

На свадебномъ пиру у царя Ивана Васильевича были „князи, бояра, могучіе богатыри и гости званые, пятьсотъ донскихъ казаковъ“, да съ Марьей Темрюковной прибыло „триста татариновъ, четыреста бухариновъ, пятьсотъ черкашениновъ“... [96])

Съ другой стороны, въ той-же пѣснѣ упоминается о Мастрюкѣ, что онъ „изошелъ семь городовъ, поборолъ 70 борцовъ“. Мы склонны думать, что эти разнородныя черты отразились въ слѣдующемъ мѣстѣ бѣлорусской пѣсни:

Якъ пошовъ жа то Сяврукъ,
Семсотъ городовъ пройшовъ,
Семсотъ казаковъ созвавъ,
Семсотъ да бояриновъ,
Семсотъ да татариновъ,
Семсотъ полковъ Донскихъ казаковъ.

Затѣмъ слѣдуетъ любопытнѣйшій эпизодъ бѣлор. пѣсни. Сяврукъ вызываетъ борцовъ —

Якъ бѣжатць къ яму борци,
Изъ борцовъ да на выборца,
Якъ да удалыя Калужанци,
По батюшци Микитовичи,
По матушци Мариниши сыны;
Яны усики зажимаючи,
И рукавики засучиваючи,
И сапожаньки подцягиваючи,
И чулочики подвязываючи.

Эти борцы „братаны“ уже несомнѣнно указываютъ на былевыхъ противниковъ Мастрюка [97]). Самый пріемъ борьбы въ бѣлорусской пѣснѣ близко напоминаетъ свой великорусскій оригиналъ и вобще пріемы богатырской борьбы былинъ. Замѣчательно, что



Digitized by Google

Сяврукъ изъ борьбы выходитъ не побѣжденнымъ, а побѣдителемъ; отъ удара его сама „Москва уляжнулася". Такое отступленіе могло явиться слѣдствіемъ общаго паденія пѣсни и забвенія того основного тона, которымъ проникнуты соотвѣтствующіе великорусскіе варіанты. Пока сохранялось извѣстное обаяніе личности царя-государя Ивана Васильевича, пока Мастрюкъ въ сознаніи народа являлся представителемъ заѣзжаго, враждебнаго намъ элемента, до тѣхъ поръ побѣда Мастрюка была невозможна въ пѣснѣ.

„А не то у меня честь во Москвѣ, что татары-те борются,
То-то честь въ Москвѣ, что русакъ тѣшатся! [98])

Вотъ что развивала великорусская пѣсня. Этого мы не находимъ въ бѣлорусской пѣснѣ, которая уже утратила ясное представленіе объ эпохѣ, лицахъ и послѣдовательномъ и логичномъ ходѣ разсказа; наоборотъ, въ бѣлорусской пѣснѣ, пожалуй, можно подмѣтить отраженіе духа той вольницы, при посредствѣ которой великорусскій оригиналъ попалъ въ Бѣлоруссію и которой, кстати сказать, хотѣлось „тряхнуть Москвою"; не даромъ, быть можетъ, удержалось это характерное замѣчаніе „Москва уляжнулась".

Отрывокъ заканчивается появленіемъ жены Сяврука—Сяврушаницы „бѣло-удалой Чаркашаницы", которая

Семь сотъ городовъ прошла—. По сябѣ борца не найшла.

Ср. изъ пѣсни о Мастрюкѣ:

Изошелъ онъ семь городовъ, поборолъ онъ 70 борцовъ,
И по себѣ борца не нашелъ. [99])

Вмѣстѣ съ тѣмъ и само прозваніе „Чаркашаница" напоминаетъ намъ прозваніе Мастрюка Черкашенинымъ.—Если мы вспомнимъ Марью Темрюковну и ея вмѣшательство послѣ борьбы Мастрюка, если притомъ обратимъ вниманіе на то, что даже въ нѣкоторыхъ великорусскихъ варіантахъ изъ жены Ивана она обратилась въ „поляницу крымскую", „богатыршу удалую", [100]) то не трудно будетъ и въ данномъ образѣ бѣлорусской пѣсни отличить ту-же Марью Темрюковну.

Отмѣченная нами бѣлорусская обработка пѣсни о Мастрюкѣ является не единственною. Въ сб. П. В. Кирѣевскаго приведена записанная въ области Войска Донскаго пѣсня о томъ же Севрукѣ, существенно отличающаяся отъ бѣлорусской только исходомъ борьбы: Севрукъ побѣжденъ донцами:

Digitized by Google

Какъ подымутъ Севрука
Вонъ по выше себя,
Какъ ударятъ Севрука
Объ сыру землю,—
Севрукъ глаза вытращилъ,
Севрукова кожа лопнула,
Всѣ ребрушки посыпались,
Всѣ косточки повылохались.

А Севрукова мать по новымъ сѣнцамъ похаживаетъ, бѣлыя ручки поламливаетъ, клянетъ сына за то, что затѣялъ борьбу.— Интересны заключительные слова:

Пошла слава по всему Сѣверу,
Очутилася и въ Кіеву.

При чемъ здѣсь Кіевъ, сказать не рѣшаемся. Быть можетъ, здѣсь есть вліяніе былинъ, но настаивать на этомъ не будемъ. Но мы совершенно согласны съ тѣмъ, что подъ „Сѣверомъ“ въ пѣснѣ „разумѣется извѣстная „Сивера“, промежутокъ между Русью Великой и Малой, съ Сѣверскимъ Козачествомъ“, т. е. именно та Чернигово-Сѣверская земля, въ предѣлахъ которой записанъ варіантъ г. Шейна и къ которой тянетъ и донская пѣсня.

Обращаемся къ бѣлорусскимъ сказкамъ. Въ русскомъ эпосѣ на ряду съ былинами, передающими отдѣльные эпизоды изъ жизни богатырей, существуютъ былины сводныя, объединяющія за-разъ нѣсколько богатырскихъ подвиговъ. Такъ, былина, записанная Гильфердингомъ отъ Щеголенкова, передаетъ: исцѣленіе Ильи, встрѣчу его съ разбойниками, съ Идолищемъ, съ Соловьемъ и, наконецъ, пріѣздъ въ Кіевъ. Преимущественно въ сводномъ видѣ былины спускались до степени побывальщинъ, а затѣмъ и простыхъ сказокъ. Одна изъ такихъ сказокъ недавно записана въ Смоленской г. [101]): „Якъ Илья Мурамецъ пубядіў Салаўя разбойника, Абжору, Алькадима“.—„Жіў пудъ Брянскымъ мужичекъ, и тольки радіўся у няво сынъ, крястили яво Ильлею“. Росъ Илья тридцать лѣтъ, „нидвижимъ быў ни руками, ни ногами“. Исцѣленіе происходитъ при помощи старичка. Выпивъ кружку квасу, Илья почувствовалъ такую силу, что если бы „Госпоть утвярдіў стоўбъ у небу и землю, тобъ я мохъ мать сыру землю пуврнуть уверьхъ нагами!“ Слѣдующая „половина“ кружки убавляетъ эту силу на половину [102]). Выздоровѣвшій Илья несетъ отцу и рабочимъ обѣдъ и во время ихъ послѣобѣденнаго сна самъ „двадцать пять десятинъ за два часа вырваў дубоў, паўкладаў ўсё ў Дясну“ [103]). Итакъ, какъ видимъ, всѣ былевые мотивы, связанные съ исцѣленіемъ Ильи, здѣсь удержаны.



Digitized by Google

Выступленіе на богатырское поприще сопровождается пріисканіемъ богатырскаго коня. Илья проситъ отца купить ему у сосѣда кобылу: лежала та кобыла 30 лѣтъ „ногами недвижима“; отецъ Ильи покупаетъ ее *безъ торгу*. Лишь только Илья обошелъ кругомъ кобылы, та вскочила и заржала; Илья отправляетъ ее гулять въ чистое поле. И по былинамъ конь Ильи сначала былъ „шелудивымъ“, пріобрѣтенъ безъ торгу, сталъ богатырскимъ конемъ послѣ вываживанія въ саду и выкатыванія въ росѣ. [104])

Непосредственно слѣдующій эпизодъ встрѣчи съ Соловьемъ обрисованъ въ сказкѣ сжато. Соловей сидитъ на двѣнадцати дубахъ въ какомъ-то Кривомъ лѣсу. Илья ссадилъ его стрѣлою, привязалъ къ сѣдлу и поѣхалъ „къ царю“. Самый пріѣздъ къ послѣднему описанъ подробно, но уже нѣсколько спутанно. Въ „королевскомъ“ домѣ было богатырей „сборище“. Богатыри видятъ подъѣзжающаго Илью и дивуются, что это за новый богатырь. Чтобъ испытать его, повѣсили на воротахъ чугунную доску: если подъ воротами будетъ проѣзжать богатырь „плохой“, то доска раздробитъ ему голову. Илья, однако, не пострадалъ, такъ какъ его защитила „чугунная шлапа“.—Этотъ весь эпизодъ въ данномъ случаѣ, очевидно, неумѣстенъ; по былинамъ онъ входитъ въ разсказъ о встрѣчѣ Ильи съ соловьемъ и *его семействомъ*, сказка же, забывъ первоначальный смыслъ „подворотенки“, сохранила лишь смутное воспоминаніе о какой-то „чугунной“ доскѣ и объяснила ее по своему.

Далѣе, уже согласно былинамъ, богатыри при появленіи Ильи не хотятъ подвинуться, чтобъ дать ему мѣсто; тогда Илья „якъ падвинуў—стина выскачила вонъ; каторыхъ пазадавіў, каторыя павыкатились“. Особо отъ этихъ богатырей сидѣлъ Абжора багатырь; „іонъ три вóла зъидаў адинъ, пять вушатыў пива выпиваў“. Вздумалъ Абжора побрататься съ Ильей и схватилъ его за руку; да не понравилось Ильѣ, что онъ сильно жметъ, скинулъ шляпу съ головы и ударилъ Абжору такъ, что тотъ чрезъ стѣну прокатился [105]).

Абжора, конечно, ясно указываетъ на свой былевой прототипъ; даже названіе Идолища Обжорой, „обжорищемъ поганымъ“, встрѣчается въ былинахъ.

„Король“, узнавъ про пріѣздъ Ильи, зоветъ его къ себѣ и проситъ заставить Соловья засвистѣть. Илья, предварительно

Digitized by Google

укрывъ короля и королеву, велитъ Соловью свиснуть самымъ малымъ свистомъ. Соловей, однако, свиснулъ во весь голосъ, за что Илья раздробилъ его на мелкіе кусочки. „Тада узяў крошичку парубемши и дунеть на крошичку—салавейкый та крошичка и палятить, салаўемъ, а кажный салавейка съ крошичку, а якъ чокнить, аглушаить—и пустіў ихъ усихъ у свѣтъ". Интересный образецъ, какъ случайное совпаденіе именъ подаетъ поводъ къ зарожденію цѣлой легенды. Въ былинахъ, насколько мы знаемъ, не встрѣчается подобнаго упоминанія; но въ малорусскихъ сказкахъ есть разсказъ о томъ, какъ Илья Муромецъ, тоже разсерженный полнымъ свистомъ Соловья, изрубилъ его въ маковыя зерна [106]), изъ которыхъ образовались соловьи.

Послѣдній эпизодъ разсматриваемой бѣлорусской сказки — встрѣча Ильи съ Алькадимомъ. Поѣхалъ Илья въ Кіевъ, въ ту сторону, гдѣ живетъ Алькадимъ-богатырь. Этому Алькадиму все снилась погибель отъ Ильи; вотъ онъ и велѣлъ дѣлать себѣ гробъ, а самъ крѣпко заперся въ домѣ за 7 дверями. Но и тамъ не укрылся онъ отъ Ильи, и былъ убитъ, подобно Абжорѣ. Что это за богатырь Алькадимъ, трудно сказать. Если обратить вниманіе на странное, очевидно, утратившее свой первоначальный смыслъ,упоминаніе о гробѣ, то ужъ не сохранилось-ли здѣсь воспоминанія о встрѣчѣ Ильи съ Святогоромъ и о гибели послѣдняго въ гробѣ?

Обратимъ вниманіе, что послѣ встрѣчи съ богатырями, съ Обжорой-Идолищемъ и съ „королемъ" Илья отправляется „въ Кіевъ". Выходитъ,такимъ образомъ, что все предыдущее разыгрывалось не въ Кіевѣ. Но и по нѣкоторымъ былинамъ, напр. Гильф. № 120, дѣйствіе происходитъ такъ: Илья Идолища убиваетъ въ Кряковѣ, а уже затѣмъ ѣдетъ въ Кіевъ. Во всякомъ случаѣ столкновеніе Ильи съ богатырями и эпизодъ съ королемъ, пожелавшимъ услышать свистъ Соловья, ясно указываютъ на извѣстный, такъ называемый, первый пріѣздъ Ильи въ Кіевъ. Любопытно, что о Кіевѣ въ сказкѣ упоминается лишь вскользь, а имени Владиміра въ ней даже вовсе нѣтъ. По общему своему колориту эта бѣлорусская сказка близко напоминаетъ варіантъ сказки объ Ильѣ Муромцѣ", записанный въ Вологодской губ. [107])

Подобнаго-же типа, только еще болѣе удаленная отъ своего

Digitized by Google

былевого первообраза сказка была записана въ с. Городищѣ, Быховскаго у. Могилевской губерніи, Е. Романовымъ. [108])

Илья лежитъ на одномъ боку 23 года; его исцѣляетъ „дзядуля—Господзь“[109]). „Живи-жъ, Ильюшка, на здоровье и очищай свѣтъ!“—говоритъ на прощанье Господь, и сказка не разъ упоминаетъ о томъ, что дѣятельность Ильи имѣетъ въ виду именно очищеніе свѣта. Однако, на первыхъ порахъ Илья пробуетъ обратиться къ труду своихъ отцовъ: сталъ „лядо“ сѣчь, да не столько сѣкъ, сколько рвалъ съ корнемъ и бросалъ въ рѣку „Дунай“; запрудилъ рѣку на семь верстъ, такъ что, не вмѣшайся во время отецъ Ильи, наводненіе постигло-бы „весь свѣтъ“.—Кому предназначено очищать міръ, тотъ не можетъ удовлетвориться пространствомъ въ нѣсколько десятинъ; избытокъ силъ всегда ищетъ достойной себя дѣятельности и въ узкой сферѣ приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы.—Это какъ будто сознаетъ самъ Илья, и тотчасъ послѣ своего неудачнаго крестьянскаго труда собирается „ѣхаць у бѣлый свѣтъ“. Конь, котораго онъ для этого пріобрѣтаетъ, „бывъ ня чистый, коросьливый, маленькій. Тоды тэй Ильлюшка пускаець яго у чистое поле на двананцать сутокъ, штобъ двананцать травинъ зьѣвъ“... Выборъ палицы, о которой разсказываетъ далѣе сказка, ничего общаго съ былинами не имѣетъ и цѣликомъ заимствованъ изъ сказокъ. Отправляясь въ путь, Илья проситъ у отца и матери благословенія—черта и былинами особенно отмѣчаемая. Первая встрѣча Ильи происходитъ съ Соловьемъ, который въ данной сказкѣ превратился въ Сокола, нѣчто въ родѣ пограничнаго стража въ царствѣ Прожоры—Обжоры—Идолища. „Нягидный“ Соколъ сидитъ на 12 дубахъ, у него 12 роговъ; свистомъ своимъ онъ на разстояніи 12 верстъ сбиваетъ съ ногъ человѣка. Прожора поѣдалъ людей, по 10 человѣкъ въ день, и на обязанности Сокола лежало доставлять ихъ царю. Илья убилъ Сокола и Прожору — и „очистилъ свѣтъ“. Такъ распорядилась бѣлорусская сказка съ былевыми типами Соловья и Идолища, щедро прикрывъ ихъ чисто сказочной обстановкой. Далѣе идетъ разсказъ о томъ, какъ Илья помогалъ „ставить прудъ на 12 камняхъ“. Похожденіе это не изъ круга былинъ, тѣмъ не менѣе не чуждо нѣкоторыхъ былевыхъ чертъ. Такъ, когда Илья пробуетъ пойти по „ганкамъ“, устроеннымъ рабочими, послѣднія не выдерживаютъ тяжести богатыря и ломаются. Какъ извѣстно, и былины говорятъ,

Digitized by Google

что подъ Ильею полъ подгибается, княженецкія гридни съ боку на бокъ пошатилися, ставники въ окнахъ помитусились [110]). Безсребренность есть отличительная особенность Ильи былинъ [111]), и въ сказкѣ богатырь этотъ отказывается отъ всякаго вознагражденія за свою помощь рабочимъ.

Отправляясь далѣе, Илья пріѣзжаетъ „у цэркву, у соборъ отца Миколая. Заѣхавъ ёнъ у той соборъ, помолився Богу низкимъ уклономъ и отцу Миколаю поклонився за своё здоровья".—По нѣкоторымъ варіантамъ былинъ Илья по пріѣздѣ въ Кіевъ прежде всего отправляется въ Божью церковь къ обѣднѣ,

„А онъ крестъ-то сложилъ да по писаному,
А поклонъ-отъ онъ ведетъ да по ученому". [112])

Но по былинамъ—этимъ пріѣздъ Ильи въ Кіевъ не ограничивается. По сказкѣ-же—Илья помолившись въ соборѣ, тотчасъ поѣхалъ обратно „въ свое царство". Такимъ образомъ, поѣздка богатыря въ Кіевъ сводится къ простому паломничеству. Стольный городъ Кіевъ съ солнышкомъ Владиміромъ заслоненъ соборомъ отца Миколая.

Вернувшись домой, Илья „сичасъ лёгъ на бацьковой посцели, полежавъ ёнъ три дни и перастався. И поступивъ у святъ—святый Ильлюшка. „Вотъ", говора, „буду я громовой тучай завѣдуваць". Илью похоронили въ склепѣ. „Господзь такъ давъ: нихто яго ня знавъ, ня видзѣвъ—отправився ёнъ водой у склепи у Кіявъ, у пящеры, плывъ по Сожи, по рацѣ. И оявився, и получивъ сабѣ святъ у пещеры. И цяперъ тамъ". „Ильѣ", замѣтилъ г. Буслаевъ [113]), „въ довершеніе національнаго идеала недоставало только ореола святости: и русскій народъ признаетъ своего богатыря въ чудотворцѣ, котораго мощи почиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ".

Ср. был.:—

Пріѣзжае онъ во славной во Кіевъ градъ,
А во тымъ-ли онъ пещерамъ да во Кіевскимъ;
А прилетала невидима сила энгельска,
А взимали то ёго да со добра коня
И заносили во пещеры-ты во Кіевски;
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ...
— И понынѣ его мощи нетлѣнныя [114]).

Digitized by Google

Дѣйствительно, и нынѣ показываютъ въ пещерахъ мощи пр. Ильи Муромца. Извѣстны любопытныя показанія объ немъ Эриха Лассоты, Кальнофойскаго, русскаго паломника 1701 года — отца Леонтія. Сохранилось даже изображеніе преподобнаго Ильи Муромскаго, „іже вселіся впещеру пр^х. Антонія вкіевѣ, идеже до нѝѣ нетлѣненъ пребываетъ“, какъ сказано въ надписи [115]).

Въ данномъ случаѣ не имѣетъ значенія вопросъ о тождествѣ Ильи былинъ и Ильи чудотворца. Важно лишь, что народъ признаетъ это тождество; отраженіемъ именно такого вѣрованія явилось и заключеніе бѣлорусской сказки.

Разъ въ сознаніи народа Илья сталъ святымъ, на него легко могли быть перенесены черты другого одноименнаго Ильи—Пророка, громовника.

Любопытна сказка, записанная въ Черниговской г., Новозыб. у., въ которой выступаетъ уже и князь Владиміръ [116]).

— „Живъ бывъ: себѣ Иванъ прекрасный, сирота несчасный, и служивъ ёнъ по князя́мъ, по пана́мъ и по всѣмъ богатырямъ; не имѣвъ ёнъ себѣ ни платья цвѣтнаго, ни слова добраго. Нанявся ёнъ къ князю Ладымяру, Кіявскому содержателю, многомилосливому. Прослуживъ ёнъ у князя три года,— тоже не имѣвъ ни платья цвѣтнаго, ни слова добраго“.— Дождались Свѣтлаго Воскресенья. Князь „Ладымяръ“ сталъ, „своихъ прислугъ суряжать“. А былъ у него между прочимъ „Алёшка — легокъ на языкъ, сладокъ на слова“. Этотъ Алешка докладываетъ князю, что Иванъ „обижается“ (очевидно, изъ-за того, что не получилъ къ празднику цвѣтнаго платья). Тогда Владиміръ призвалъ Ивана, далъ ему „куни нячиняны и шуба няши́тая“, велѣлъ пошить шубу и явиться въ ней къ заутрени. Получивъ такое неисполнимое, въ виду краткости срока, приказаніе, Иванъ горько заплакалъ и пошелъ топиться въ Днѣпрѣ. Какъ вдругъ является къ нему баба, „якъ сѣнная копа“, перевозитъ его черезъ рѣку къ Аленѣ Сиволобовнѣ и предлагаетъ этой послѣдней Ивана въ мужья. Бракъ устраивается, Алена своихъ слугъ засаживаетъ за работу, и къ Заутрени Иванъ является въ новой шубѣ. Сверхъ того Алена даетъ ему три яичка: „Однымъ ты иечкомъ князя Ладымяра похристосуй, другимъ попа, а третья вязи ў дворъ“. Вышло, однако, такъ, что третье яичко Иванъ отдалъ Алешкѣ, за что и попалъ въ бѣду. „Князь Ладымяръ

Digitized by Google

собиравъ богатыхъ и убогихъ на обѣдъ". На пиру Алешка упомянулъ, что „Иванъ сибѣ жану наживъ, краше въ свѣтѣ нѣтъ".— Ладымяръ на это и кажа: „послать его къ Вовку Минчигрею за самограйными гуслями, — Минчигрей яго истребить, а жана яго у насъ останетца". — Благодаря помощи жены Иванъ счастливо добываетъ гусли и отдаетъ ихъ князю. Дальнѣйшая жизнь супруговъ уже не нарушалась ничѣмъ. Ср. двѣ сказки у Афанасьева [117]). — Въ первой изъ этихъ сказокъ дѣйствующими лицами являются Данило Безсчастный — дворянинъ, Владиміръ князь съ княгинею, Алеша Поповичъ — бабій пересмѣшникъ и Лебедь — птица, красная дѣвица; во второй — Данило и Лебедь замѣнены Васильемъ царевичемъ и Еленой прекрасной. Обѣ сказки, воспроизводя тотъ-же сюжетъ, что и бѣлорусская приведенная сказка, отличаются отъ послѣдней большею сказочностью, фантастичностью разсказа, особенно вторая.

Былевые герои, встрѣчаемые во всѣхъ этихъ сказкахъ, говорятъ объ извѣстномъ вліяніи былинъ. Дѣйствительно, въ русскомъ былевомъ эпосѣ есть даже цѣльныя былины о нѣкоемъ Данилѣ Ловчанинѣ, пострадавшемъ изъ-за красоты жены [118]). — Князь Владиміръ задумалъ жениться; одинъ изъ его дурныхъ совѣтниковъ указываетъ на жену Данилы Ловчанина. Князь сначала не рѣшается у живого мужа жену брать и даже гнѣвается на совѣтника, но тотъ не смущается:

«Мы Данилушку пошлемъ во чисто [поле,
Во тѣ-ли луга Леванидовы,
Мы ко ключику пошлемъ ко гремячему,
Велимъ пымать птичку бѣлогорлицу
Принести ее къ обѣду княженецкому;
Што иншо убить ему льва лютово,
Принести его къ обѣду княженецкому» [119]).

Это порученіе должно было такъ или иначе погубить Данила и сдѣлать свободной его жену. Замыселъ, однако, не удался: Данило, правда, погибъ, но надъ тѣломъ его лишила себя жизни и жена Данилы.

Былины о Данилѣ Ловчанинѣ едва-ли не самыя трагическія въ русскомъ эпосѣ. По своему мотиву онѣ, конечно, имѣютъ много общаго съ вышеуказанными сказками, но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ нѣтъ данныхъ, чтобъ видѣть въ сказкахъ простую переработку былевого матеріала или наоборотъ. Одинъ и тотъ-же

Digitized by Google

мотивъ, легшій въ основу сказокъ и былинъ, въ тѣхъ и другихъ разрабатывался совершенно самостоятельно, и носитъ свой особый отпечатокъ, выразившійся, какъ въ самой обстановкѣ дѣйствія, такъ и въ развязкѣ. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія сказка, приведенная у П. В. Шейна („Матеріалы" II, № 20, стр. 42), гдѣ также идетъ дѣло о преслѣдованіи мужа съ цѣлью обладанія женой, но кромѣ самаго мотива ничего общаго съ былинами нѣтъ. Если же въ другихъ сказкахъ появляются былевые герои, то это—дѣло уже болѣе поздняго времени, когда было замѣчено общее сходство фабулы сказокъ и былинъ, вслѣдствіе чего и совершилось перенесеніе былевыхъ лицъ въ сказку; насколько поверхностно было это вліяніе, видно изъ того, что оно ограничилось одною внѣшностью и, напримѣръ, вовсе не коснулось развязки. Обратимъ вниманіе на то, что роль Мишатычки (или Путятина) въ сказкѣ поручена Алешѣ, несомнѣнно, подъ вліяніемъ представленія о немъ, какъ о вралѣ, „бабьемъ пересмѣшникѣ".

Въ сборникѣ г. Добровольскаго кромѣ вышеразсмотрѣнной сказки находятся еще: одинъ незначительный отрывокъ въ нѣсколько строкъ [120]) и сказка о томъ, какъ Илья Муромецъ караулилъ умершаго отца и за это получилъ свинку-золотую щетинку, козу-золотой рогъ и конька-сивчика-бурчика [121]). Здѣсь имя Ильи, конечно, совершенно случайно замѣнило Ивана. Обратное перенесеніе произошло въ одномъ изъ бѣлорусскихъ варіантовъ сказки о Царенкѣ, Поваренкѣ и Сученкѣ, гдѣ главному герою приписано, между прочимъ, похожденіе Ильи. — Ванька Ширамышка (Сучкинъ сынъ) отправляется въ чужое царство, къ нѣкоему королю. У этого короля была крѣпость и застава: нельзя тамъ ни пройти, ни проѣхать. Только стоитъ тамъ дубъ; на томъ дубѣ сидитъ Соловей разбойникъ, свистъ котораго на разстояніи 12 верстъ убивалъ человѣка. Конь Ваньки отъ этого свиста палъ на колѣни; тогда Ванька пустилъ на дубъ свою „стрѣлу-булаву" и сбилъ ею Соловья [122]). Наконецъ, у г. Романова [123]) находится еще сказка о полученіи Ильею силы.

Кромѣ Ильи и его противниковъ бѣлорусская сказка знаетъ также „Ивана и Стаўра Гадымывичей" [124]); но, за исключеніемъ именъ, эти лица не имѣютъ ничего общаго съ былевыми. Гораздо интереснѣе всѣхъ подвиговъ Стаўра выборъ имъ богатырскаго

Digitized by Google

коня. Въ табунѣ Ставёръ не нашелъ подходящаго коня: на какого ни наложитъ руку, всякій упадетъ на колѣни, а иной и совсѣмъ пропадетъ. Наконецъ, конюхъ „Ивашка—сѣрый серемяжка, золотыя пуговицы“ даетъ Ставру совѣтъ вернуться домой, тамъ возлѣ амбара стоитъ погребъ, а въ погребѣ лошадь Ставрова дѣда; она уже 30 лѣтъ ѣстъ тамъ ярую пшеницу. Ставёръ послушался совѣта и нашелъ, такимъ образомъ, богатырскаго коня, а при немъ и „одежду богатырскую“ [125]).

Подобный выборъ коня вообще широко распространенъ въ эпосѣ; достаточно припомнить, напримѣръ, какъ Добрыня жалуется матери на то, что нѣтъ у него ни коня, ни сбруи богатырскихъ. Мать совѣтуетъ ему поискать сначала въ конюшняхъ; если же тамъ не окажется годнаго коня:

«Опускайся въ погребы глубокія:
Стоитъ добрый конь богатырскій
На двѣнадцати цѣпочкахъ серебряныхъ,
На двѣнадцати тонкихъ поводахъ,
На тыихъ-ли на поводахъ шелковыихъ,
А не нашего шелку—шемахинскаго.
Тамъ есть сбруя богатырская,
Вси успѣхи молодецкія» [126]).

Ранѣе этимъ конемъ владѣли отецъ и дѣдъ Добрыни. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Ставеръ къ такому богатырскому коню по былинамъ никакого отношенія не имѣетъ.

Таковы герои русскаго богатырскаго эпоса въ бѣлорусскихъ сказкахъ [127]). Былевой князь Владиміръ, Илья со своими противниками Идолищемъ и Соловьемъ-разбойникомъ (быть можетъ, и Святогоръ), Алеша Поповичъ, Данило Ловчанинъ, Ставеръ (и, быть можетъ, Иванъ Годиновичъ) болѣе или менѣе отразились въ бѣлорусскихъ сказкахъ. Эти отраженія до сихъ поръ отмѣчены въ губерніяхъ Могилевской, Черниговской и Смоленской, т. е. въ мѣстности, наиболѣе соприкасающейся съ Великороссіей; отсюда естественно можетъ зародиться вопросъ, не проникъ-ли въ Бѣлоруссію великорусскій эпосъ только въ сравнительно недавнее время, какъ результатъ позднѣйшаго культурнаго вліянія сосѣдней области. Но въ данномъ случаѣ необходимо имѣть въ виду, что глубь Бѣлоруссіи еще далеко не въ такой степени разслѣдована, какъ окраины, и кто знаетъ, что хранится въ какой-нибудь глуши, ускользнувшей отъ поисковъ изслѣдователей? Да и вообще можно-ли по этому поводу сказать что-либо опредѣленное, когда каждый новый сборникъ приноситъ какую-нибудь замѣчательную новинку

Digitized by Google

Съ другой стороны, бѣлорусскія былевыя сказки отличаются такой самостоятельностью и оригинальностью, — конечно, только относительными,—что рѣшительно не могутъ быть точно подведены подъ опредѣленный великорусскій оригиналъ; онѣ носятъ на себѣ, на нашъ взглядъ, ясный отпечатокъ продолжительнаго пребыванія въ Бѣлоруссіи. Не мѣшаетъ припомнить письмо Оршанскаго старосты Филона Кмиты Чернобыльскаго къ Остафію Воловичу, кастеляну Троцкому, *изъ Орши*, 1574 года, августа, 5 дня [128]). Въ этомъ письмѣ весьма опредѣленно упоминаются Илья Муравленинъ и Соловей Будимировичъ, по поводу чего академикъ А. Н. Веселовскій замѣчаетъ: „я не стану преувеличивать значенія сообщаемаго здѣсь; въ крайнемъ случаѣ оно можетъ служить свидѣтельствомъ *географическаго* распространенія былинъ, такъ-какъ Воловичу должны-же быть понятны аллюзіи на богатырей, да и Кмита поминаетъ ихъ, какъ нѣчто общеизвѣстное“ [129]).

Наконецъ, по нѣкоторымъ стариннымъ записямъ былинъ Илья въ свою первую поѣздку освобождаетъ *Себежъ*, нынѣ уѣздный городъ Витебской губ. Разбирая это пріуроченіе подвига Ильи къ бѣлорусскому городу, Вс. Миллеръ категорически заявляетъ, что „въ XVI вѣкѣ, когда можно предположить такое пріуроченіе, имя Ильи богатыря было широко извѣстно бѣлорусскому населенію“. [130])

Что касается собственно пѣсенъ бѣлорусскихъ, то происхожденіе и давность такихъ, какъ пѣсни объ Алешѣ Поповичѣ и Сяврукѣ, не подлежатъ сомнѣнію. Другія-же отдѣльныя черты бѣлорусскихъ пѣсенъ, находящія нѣкоторую аналогію и въ русскомъ богатырскомъ эпосѣ, тѣмъ не менѣе, быть можетъ, существуютъ совершенно независимо отъ этого эпоса, но, быть можетъ, позволительно будетъ между первыми и послѣднимъ установить болѣе тѣсную взаимную связь... Ужъ не къ этой-ли связи сводится, напр., совпаденіе характерныхъ запѣвовъ:

| | |
|---|---|
| Намъ не жалко пива пьянаго, | Ср.—Не дорога пива пьяная, |
| Намъ не жалко зелена вина, | Да дорога пасядзенька, |
| Только жалко смиренной бесѣдушки; | Муская пагуьанька; |
| Во бесѣдѣ сидатъ люди добрые, | А ў бесѣдзѣ сидать люди добрые, |
| Говорятъ они рѣчи хорошія | Гукаюць яны муское; |
| Про старое, про бывалое [131]). | Усё доброе яны знаюць [132]). |

**А. М. Лобода.**

# ПРИМѢЧАНІЯ.

1) „Исторія русской словесности" Галахова, 3 изд., стр. 25.

2) „Русскія былины старой и новой записи. Подъ ред. акад. Н. С. Тихонравовъ и проф. В. Ѳ. Миллера", Москва, 1894 г.

3) „Сборникъ донскихъ народныхъ пѣсенъ. Составилъ А. Савельевъ". Ср. Ж. М. Н. Пр. 1867 г., III, и „Сборники по народной словесности за 66 годъ", ст. О. Миллера.

4) Безсоновъ. Замѣтка къ I ч. „Пѣсенъ, собр. П. Н. Рыбниковымъ", стр. XVII.—О. Миллеръ, „Илья Муромецъ",—193—194; ср. „Исторія р. слов." Галахова, 3 изд. I, стр. 48—49.—Квашнинъ-Самаринъ, „Русскія былины въ историко-географ. отношеніи". Бесѣда, 71 г., IV, стр. 96 и его-же ст. въ „Русск. Вѣстн." 74 г. 9, стр. 29.

5) „Разысканія въ области р. духовнаго стиха". Прилож. къ 45 т. Зап. Ак. Н., стр. 290.

6) Шейнъ, „Матеріалы для изученія быта и языка сѣверо-западнаго края", т. 1, ч. I, стр. 75.

7) Д. Г. Булгаковскій, „Пинчуки", стр. 37 (№ 13).

8) П. В. Шейнъ, „Бѣлорусскія народныя пѣсни", стр. 102 (№ 149).

9) Есть много малорусскихъ варіантовъ, ср., напр., Чубинскаго: „Труды этногр.-статист. экспедиціи", т. III, стр. 274; Головацкаго „Нар. пѣсни Галиц. и Угор. Руси" ч. III, отд. II, стр. 46.

10) „Книга царей"—франц. перев. Моля I, 449—451, см. Стасовъ, „Происхожденіе р. былинъ". Вѣстникъ Европы, 68 г., I.

11) Гильфердингъ. „Онежскія былины", № 225.

12) Ibid, № 186.

13) Teodorescu, ср. А. Н. Веселовскій, „Разысканія". Прил. къ Зап., 45, стр. 272.

14) П. В. Шейнъ, „Матеріалы", I, стр. 369, 447.

15) Пѣсня изъ собранія г. Довнаръ-Запольскаго; малор. у Чубинскаго—III, колядки, № 39, А. В. Б. Головацкій „Пѣсни", III, отд. II стр. 43—44, 127 ср. П. Владимірова „Введеніе въ исторію русской словесности" Ж. М. Н. Пр. 1895, № 4 стр. 336—337.

16) Шейнъ, „Матеріалы", I, 84 стр., № 84. Чубинскій—III, № 39, А.

17) Чубинскій, „Труды", III, № 39 А.

18) „Гомельскія народныя пѣсни", зап. Зинаидой Радченко, стр. III, № 4, ср. „Опытъ описанія Могилевской г." А. Дембовецкаго, колядка № 9.

19) Изъ Teodorescu „Notiuni despre colindele romane" 79 г. I с., стр. 88—91, см. г. Веселовскаго, „Разысканія". Приложеніе къ 45 т. Зап. Ак. Н., стр. 278—280.

20) Колядку привожу по переводу А. Н. Веселовскаго.

21) Шейнъ, „Матеріалы", I стр. 82, № 79.

22) „Бѣлорусскія пѣсни", I, стр. 75, № 118.

Digitized by Google

23) Чубинскій, „Труды", III, кол. № 19 А. и др. вар.; далѣе № 39, Г. ср. ibid № 20. Головацкій—„Нар. пѣсни Галицкой и Угорской Руси" ч. III, отд. II ст. 546, ср. ibid стр. 41, 52.

24) „Разысканія", прил. къ 45 т., 282 стр.

25) См. „Разысканія"—гл. о балладныхъ и эпическихъ мотивахъ колядокъ и его-же „Южно-русскія былины"—„Сборникъ", т. XXXVI, стр. 62—63.

26) „Сборникъ отъ български народни умотворения—часть първа. Събралъ и издава К. А. Шапкаревъ". София 1891 г., стр. 4, № 11, ср. „Болгарскія пѣсни" Безсонова, („Временникъ М. Общ. Ист. и Др. 21, 22), колядка, № LXIII.

27) „Разысканія", ibid, 282 стр.; ср. иное мнѣніе Потебни—„Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ", II, стр. 678.

28) Чубинскій, „Труды", III, кол. № 22. Ср. Головацкій, „Пѣсни" ч. II № 20 стр. 66; № 47, стр. 608. Ч. III, отд. II № 1, стр. 35.

29) Чубинскій, „Труды", III, стр. 295, № 31.

30) Изъ собранія г. Довнаръ-Запольскаго; въ предстоящ. изд. № 314.

31) Шейнъ, „Матеріалы", I, стр. 478, № 587. Ср. описаніе коня въ малорусск. п. Чубинскій „Труды" III, стр. 285, 288 — 289, 293; Головацкій „Пѣсни" ч. III, отд. II, стр. 41—42.

32) „Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ", III № 1.; ср. Гильф. № 230

33) Ср. А. Н. Веселовскаго „Южно-русскія былины", гл. III, „Сборникъ" XXXVI, стр. 17—26; Ѳ. И. Буслаевъ „Народная поэзія" стр. 160—161.

34) „Разысканія", ibid. 275.

35) Ср. Безсоновъ „Болгарскія пѣсни", „Временникъ" 21, XXIV.

36) Булгаковскій, „Пинчуки", стр. 140, № 9.

37) Максимовичъ, 1834 г. стр. 164; ср. Сахарова „Сказанія р. нар." I, стр. 209.

38) Шейнъ, „Бѣлорусскія нар. пѣсни", № 149; ср. №№ 152, 153, 154; Безсоновъ, „Бѣлорусскія пѣсни", I, стр. 10—11, № 11.

39) Я. Головацкій, „Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси", ч. II, стр. 68 № 22; ср. ibid стр. 11, № 11.

40) См. „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ пѣсенъ". Потебни, II, стр. 274—275—278—279.

41) Ibid, стр. 282.

42) Кирша Даниловъ, XXI.

43) См. Кирѣевскій, II, стр. 80—81, Рыбниковъ, I, стр. 274, Гильф. № 49. Ср. также „Воронъ въ народной словесности" г. Сумцова—Этнограф. Обозрѣніе IV, особенно стр. 82—83.

44) Безсоновъ, „Бѣлорусскія пѣсни", I, стр. 12, № 14; ср. стр. 72, № 113.

45) Чубинскій, III, стр. 440, Головацкій, III, II стр. 39.

46) Гильф. № 123; ср. XXII гл. Потебни, „Объясненіе малор. и ср. п.", II.

47) Булгаковскій, стр. 34, № 11.

48) Антоновичъ и Драгомановъ, I, стр. 7; ср. П. Владимірова цит. с., стр. 337.

49) Кирша Даниловъ, XLVII.

Digitized by Google

50) Гильф. № 233.

51) В. Миллеръ, „ Экскурсы въ область русскаго эпоса“, Р. Мысль, 91 г., кн. 8, стр. 110.

52) Тидрекъ-сага.

53) „Бѣлорусскій сборникъ“, Е. Романова, т. I, стр. 31, № 56.

54) Шейнъ, „Матеріалы“, I, № 598, ср. ibid № 591; Романовъ, I, стр. 408, № 71, Довнаръ Запольскій, сбор. пинск. пѣсенъ, № 515; малор. ср. у Чубинскаго Ѵ, стр. 834, 835, и др.

55) Гильф., № 80, стр. 494, ср. 354 стр. и др.

56) Вукъ Ст. Караджичъ, II т. № 45.

57) Булгаковскій, стр. 40, № 9.

58) Романовъ, I, стр. 8 № 17.

59) Романовъ, I, стр. 66, № 6.

60) Г. Халанскій, „Великорусскія былины Кіевскаго цикла“, гл. ХѴII.

61) Гильф., № 115.

62) Кирша Даниловъ, № III.

63) Халанскій, ibid, стр. 188.

64) О. Миллеръ, „Илья Муромецъ“, стр. 590—591.

65) Напримѣръ въ одномъ сборн. Безсонова, №№ 17, 18, 27, 115; о распространеніи его въ малор. п. нечего и говорить.

66) Шейнъ, „Матеріалы“, I, № 580, стр. 473.

67) Ср., напр., г. Веселовскаго, „Южно-русскія былины“, гл. II, г. Халанскаго „Великорусскія былины“, гл. ХѴII, ср. гл. XIII, Потебни „Объясненіе малорусскихъ и сродныхъ п.“ II, гл. LI и LII.

68) Гильф. № 223.

69) Кирша Даниловъ, ХѴII.

70) Гильф. № 243.

71) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни № 91.

72) Ibid, № 147, стр. 98.

73) Гильф. № 229.

74) Шейнъ, „Бѣлор. нар. пѣсни“ № 90.

75) „Южно-русскія былины“, гл. II.

76) См. Радченко, стр. 164, № 90; Романовъ, I, № 26, стр. 13, Дембовецкій, „Лѣтнія“ № 2, Радченко, № 43, стр. 143.

77) Романовъ, I, стр. 134, № 84.

78) Шейнъ, Бѣлор. нар. пѣсни, стр. 116.

79) „Объясненіе“ и пр., II, стр. 621.

80) „Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ“, II, стр. 64—69. По был. дѣйствіе происходитъ въ Кіевѣ у кн. Владиміра; братья носятъ имя Петровичей. Въ побыв. не указывается ни опредѣленнаго мѣста дѣйствія, ни именъ братьевъ и сестры. Самъ Алеша называется иногда просто „Поповичемъ“.

81) Шейнъ, „Бѣлор. нар. пѣсни“, № 453, и „Матеріалы“, I, № 526.

82) Шейнъ, „Бѣлор. нар. п.“, № 453.

83) Ив. Ждановъ, „Пѣсни о князѣ Михайлѣ“.—Живая Старина, 90 г., вып. I, стр. 1.

84) Двѣ пѣсни изъ сборн. Zienkiewicz'a, Piosnki gminne Ludu Pinskiego,

Digitized by Google

Kowno, 1851, стр. 150—152, 154—156, перепеч. у Антоновича и Драгоманова I, стр. 56—57; третья пѣсня у Булгаковскаго „Пинчуки", № 40, стр. 87.

85) „Былина о князѣ Михайлѣ представляетъ художественное сліяніе нѣсколькихъ пѣсенныхъ темъ, которыя даютъ содержаніе отдѣльнымъ произведеніямъ, осложняясь и разнообразясь при этомъ тѣми или другими подробностями". И. Ждановъ, Живая Старина 90 г., I, стр. 10. Къ великор. и малор. пересказамъ, приведеннымъ г. Ждановымъ, укажемъ бѣлорускіе: *1-ая тема*—жена (невѣста, любовница) умираетъ въ отсутствіе мужа (жениха, любовника)—ср. Дембовецкій, „крестинныя"—№ 55; Киркоръ; „Пѣсни жителей Виленской губ. Кривичанскаго племени", № 14 (Вѣстникъ Импер. Русскаго Географ. Общ. 57 г. кн. IV—V). Романовъ I, „семейныя", № 5, ibid. II, „Семейныя" № 152. *2-ая тема*—мужъ уѣзжаетъ, оставивъ жену на попеченіе своей матери. Свекровь преслѣдуетъ невѣстку.—Радченко, „простыя" № 14, Романовъ, I, № 103. Иногда мать (или кто другой) клевещетъ на жену молодца. Послѣдній, повѣривъ наговорамъ, убиваетъ жену; потомъ узнаетъ, что былъ обманутъ, и проклинаетъ виновныхъ. Ср. Шейнъ, Матеріалы, I, № 533, Романовъ, II, „семейныя" № 113, Булгаковскій, „Пинчуки", семейныя № 25, Киркоръ, № 26, Чечотъ, № LXXXV. *3-ья тема*=второй въ связи съ отравленіемъ невѣстки и сына—ср. Романовъ, II, семейн. № 161 и I, № 99, Шейнъ, «Матеріалы», I, №№ 446, 447, 448 и 449. Ср. „Пѣсни о злой свекрови" въ „Разборѣ Этнографическихъ трудовъ Е. Р. Романова" Н. Ѳ. Сумцова, стр. 27—31.

86) Дембовецкій, крестинныя, № 55.

87) Приведены у г. Жданова, Жив. Стар., 90 г. I, стр. 10 и сл.

88) Объ этомъ мотивѣ см. Сазоновича, „Пѣсни о дѣвушкѣ воинѣ и былины о Ставрѣ Годиновичѣ".

89) См. „Историческія пѣсни малорусскаго народа", Антоновича и Драгоманова, I стр. 314 и д.

90) Безсоновъ, „Бѣлор. нар. пѣсни", стр. 39, № 73; ср. Романовъ, I, стр. 33, № 60; Шейнъ, „Матеріалы", I, № 595; Довнаръ-Запольскій, пинскій, № 426.

91) Кирѣевскій, I, стр. 56, № 3.

92) П. В. Шейнъ, „Матеріалы". II, стр. 178, № 84; ср. П. И. Кирѣевскій, в. VII, стр. 51—53.

93) Кирша Даниловъ, LIV.

94) П. В. Шейнъ,—ibid, стр. 179 (прим.).

95) Нѣтъ нужды, что бѣлор. пѣсня извратила эту женитьбу, намъ важенъ уже самый фактъ „веселья".

96) Кирша Даниловъ, № V.

97) Ср. Кирша Даниловъ, № V, Гильѳ., № 317 и др.

98) Кирша Даниловъ, № V.

99) Ibid.

100) Ср., напр., Гильѳердинга, № 24.

101) „Смоленскій этнографическій сборникъ". Составилъ В. Н. Добровольскій, ч. I, 91 г.

102) Ср. Гильф., № 120, Рыбниковъ, II, № 2, Кирѣевскій, I, № 1.

103) Ср. Рыбниковъ, I, № 8, II, № 2, Гильѳерд., № 120.

Digitized by Google

104) Ср. Рыбниковъ, II—№ 2, I—№ 8, III—№ 2.

105) Обжору мы встрѣчаемъ еще въ одной бѣлор. сказкѣ (Добровольскій, ск. № 10).—Царь жалуется сыну на то, что въ его царство повадился летать Обжора, который за-разъ по нѣсколько куфъ водки выпиваетъ и по нѣсколько воловъ поѣдаетъ. Царевичъ берется избавить государство отъ такого гостя. И дѣйствительно, когда прилетѣлъ Обжора, царевичъ подалъ ему „булку хлѣба" и гарнецъ водки.—„Шутишь ты со мной, что-ли?"—гордо замѣтилъ Обжора. „Ужъ не думаешь-ли ты накормить меня этимъ кусочкомъ?"—„У насъ была корова - обжора", отвѣчаетъ царевичъ: „все ѣла по такой булкѣ и пила по ведру морской воды, да потомъ объѣлась и опилась... Неужто и на тебя не будетъ околѣванья? Вѣдь околѣешь и ты!" Ср. отвѣтъ Ильи: „Была тутъ коровища-обжорища, по снопу соломы за-разъ ѣла, по лохани воды за-разъ пила. Ѣла, пила - сама лопнула". Гильѳ., № 4, стр. 24.

106) „Кіевлянинъ", 1866 г., № 6; ср. Н. Петрова, „Слѣды сѣверно-русскаго былевого эпоса въ южно-русской народной литературѣ". „Труды Кіевск. Дух. Академіи", 1878 г, май, стр. 373.

107) Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи, вып. II, М. 90 г. (Труды Этнограѳ. Отдѣла. Томъ XI, в. I, стр. 168).

108) Бѣлорусс. сборникъ, вып. III, сказки, стр. 259.

109) Ср. Кирѣевскій, I, № 1.

110) Кирѣевск., IV, стр. 19; митуситься--кривиться.

111) См. О. Миллеръ, „Илья Муромецъ", стр. 258—259, 289, 299—300, 304 и др.

112) Гильѳ. № 56.

113) „Русскій богатырскій эпосъ".—„Народная поэзія", стр. 126.

114) Гильѳ., стр. 313; Рыбн., III, стр. 53; ср. „Илья Муромецъ", стр. 798.

115) См. „Свѣдѣнія объ Ильѣ Муромцѣ, какъ о преподобномъ, мощи котораго почиваютъ въ пещерахъ св. Антонія".—„Русскія народныя картинки", Д. Ровинскаго, кн. IV, стр. 59—62.

116) П. В. Шейнъ, „Матеріалы", томъ II, стр. 168, № 81.

117) „Народныя русскія сказки". М. 63 года, VI, №№ 60 и 61.

118) Кирѣевскій, III, стр. 28 и 32.

119) Кирѣевскій, III, стр. 34.

120) Стр. 379.

121) Стр. 594.

122) Стр. 419—420.

123) В. IV, стр. 17.—О сказкахъ г. Романова см. „Разборъ" Н. Ѳ. Сумцова, стр. 85—86.

124) Добровольскій, стр. 433.

125) Ibid, стр. 435.

126) Гильфердингъ, № 206.

127) Обращаемъ вниманіе также на сказки, въ которыхъ, если нѣтъ указаній на самыхъ богатырей, то зато встрѣчаются интересные мотивы, вошедшіе и въ русскій богатырскій эпосъ. Такъ, въ сборникѣ г. Добровольскаго напечатаны сказки №№ 3*а* и 3*в*— о томъ, какъ купецъ противъ воли же-



Digitized by Google

нится на дѣвушкѣ, предназначенной ему судьбою.—Одинъ купецъ не зналъ, гдѣ бы ему найти невѣсту. Кузьма-Демьянъ (по второй—Богъ) говоритъ: „отправляйся въ путь; гдѣ ты заночуешь, тамъ и найдешь невѣсту".—(По сказкѣ № 3, *в*—невѣста будетъ сидѣть у дороги въ такой-то городъ). Невѣста эта оказывается настолько безобразной, что купецъ, во избѣжаніе брака съ ней, рѣшается ее погубить. Дѣвушка, однако, остается въ живыхъ, становится красавицей; въ концѣ концовъ купецъ женится на ней и узнаетъ въ ней свою давнишнюю суженую.—Какъ извѣстно, то же разсказываютъ былины о Святогорѣ.

Въ параллель былинамъ о Садкѣ можно указать на сказки того-же сборника №№ 21 и 22,—объ Иванѣ Безсчастномъ, съ которымъ былъ такой случай: когда онъ съ купцами былъ на морѣ, корабли стали тонуть. Чтобъ спастись отъ крушенія, необходимо бросить въ море человѣка. Иванъ добровольно спускается въ море, является къ морскому царю; тотъ предлагаетъ ему разрѣшить споръ о томъ, что дороже: золото, серебро, драгоцѣнные камни или сталь и желѣзо? За удачное рѣшеніе спора царь награждаетъ Ивана и возвращаетъ на землю.

Въ видѣ аналогіи къ разсказу объ игрѣ Садка предъ морскимъ царемъ заслуживаетъ вниманія разсказъ о томъ, какъ Климята забрался на тотъ свѣтъ и долженъ былъ на скрипкѣ играть чертямъ. По совѣту одного грѣшника Климята въ самый разгаръ пляски разбиваетъ скрипку; эта хитрость нужна была для того, чтобъ подъ предлогомъ покупки новой скрипки Климята могъ вырваться съ того свѣта. (П. В. Шейнъ, „Матеріалы", II, стр. 98—100).

Для былинъ о Потыкѣ имѣетъ значеніе сказка Романова (III, № 88, стр. 358—359) о погребеніи вмѣстѣ съ женою живого мужа.

128) См. „Южно-русскія былины", гл. II.

129) Ibid, стр. 61.

130) Ж. М. Н. Пр., 1895 г. мартъ, стр. 120.

131) Кирѣевскій, I, стр. 19.

132) П. В. Шейнъ, „Матеріалы", I, стр. 74, ср. Киркора „Пѣсни жителей Виленской губ. кривичанскаго племени", № 24 (Вѣстникъ Имп. Р. Географ. Общества, годъ 57, кн. VI).

*А. М. Лобода.*

---

Digitized by Google

# Родственный союзъ по понятіямъ восточныхъ черемисъ.

Черемисы Уфимской губ. [1]), вслѣдствіе долговременнаго совмѣстнаго жительства съ магометанами и скрытой и неразборчивой въ средствахъ пропаганды ислама, подверглись сильному вліянію магометанства. Вліяніе это прогрессивно возрастаетъ, захватывая все большій и большій районъ черемисскаго населенія. Исламъ проникаетъ во всѣ стороны жизни черемисъ, вытѣсняя все самобытное, черемисско-языческое, какъ во внѣшней бытовой обстановкѣ, такъ равно въ религіозно-нравственныхъ, правовыхъ воззрѣніяхъ и понятіяхъ [2]). Черемисы забрасываютъ костюмъ, обычаи; ихъ уже довольно трудно отличить на видъ отъ татаръ, а общія условія, привычки жизни и манеры еще болѣе сближаютъ эти народности. Но этимъ далеко не ограничивается вліяніе магометанства и татарской народности. Обладая превосходнымъ знаніемъ татарскаго языка, ставшаго для многихъ селеній общеупотребительнымъ разговорнымъ языкомъ, черемисы или цѣликомъ перенимаютъ устныя произведенія татаръ или свои собственныя перекладываютъ на татарскій языкъ, считая его болѣе выразительнымъ, складнымъ и гибкимъ. Такимъ образомъ, для черемисскаго языка, съ одной стороны, и народности, съ другой—представляется большая опасность быть поглощенными татарскимъ языкомъ и народностью, какъ это случилось въ Уфимской губерніи съ башкирами, совершенно слившимися съ татарами-магометанами въ одинъ смѣшанный типъ уфимскихъ татаръ, и съ вотяками, на половину уже омагометанившимися. Въ виду подобной участи, въ недалекомъ будущемъ ожидающей уфимскихъ черемисъ, болѣе или менѣе всестороннее

---

[1]) Они населяютъ уу. Бирскій, Белебеевскій, Мензелинскій и Уфимскій.

[2]) О размѣрахъ вліянія магометанства и средствахъ его пропаганды см. мою замѣтку „О пропагандѣ магометанства среди восточныхъ черемисъ“, имѣющую появиться въ „Православномъ Благовѣстникѣ“.



Digitized by Google

изученіе ихъ является крайне необходимымъ и неотложнымъ. Между тѣмъ, литература о черемисахъ довольно скудна свѣдѣніями, относящимися до уфимскихъ черемисъ [1]). Поэтому думаю, что настоящая статья не будетъ лишена интереса для читателей „Этнографическаго Обозрѣнія". Она составляетъ продолженіе статьи „Очеркъ быта и преданій восточныхъ черемисъ", напечатанной въ 4 вып. „Извѣстій Оренбургскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества" за 1894 г.

## I.

Общее понятіе о родственной связи восточные черемисы выражаютъ заимствованнымъ черезъ тюрковъ арабскимъ словомъ „насыл", которое означаетъ потомство, поколѣніе, родъ и племя. Въ Белебеевскомъ и Мензелинскомъ уу. (Уфим. губ.) употребительно еще слово „зат" (араб.) въ смыслѣ клана, отдѣльнаго племени. Употребляющееся въ другихъ нарѣчіяхъ черемисскаго языка для обозначенія понятія потомства слово „шочшо" на языкѣ восточныхъ черемисъ удержало болѣе древнее значеніе, съ каковымъ оно, по всей вѣроятности, было употребляемо впервые для выраженія родственныхъ связей. (Слово шочшо, отъ глагола „шочаш"—родиться, производиться, плодиться, можно перевести черезъ родившійся, рожденный, порожденіе, порода, какъ продуктъ рожденія, на что указываетъ суффиксъ шо, въ словахъ, производныхъ отъ глаголовъ страдательнаго и возвратнаго залоговъ, означающій продуктъ дѣйствія, выражаемаго данною глагольною формою). Называть другъ друга словомъ шочшо могутъ только лица, ясно сознающія свое рожденіе или происхожденіе отъ извѣстныхъ родителей, т.-е. лица, между которыми кровная связь не можетъ подлежать сомнѣнію; таковыми могутъ быть только дѣти однихъ родителей. Въ этомъ смыслѣ слово шочшо слѣдуетъ перевести родной, кровный, родственникъ и единокровный. Это коренное значеніе слова шочшо восточные черемисы сохранили доселѣ, обозначая имъ близкія степени родства, тогда какъ горные и луговые черемисы, постепенно

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.", кн. XXII, стр. 34. *Ред.*


Digitized by Google

расширяя кругъ лицъ, входящихъ въ составъ шочшо, стали употреблять это слово для обозначенія родственныхъ связей всѣхъ лицъ, имѣющихъ общаго, хотя бы отдаленнаго, родоначальника. Для выраженія вообще понятія о родствѣ среди восточныхъ черемисъ болѣе употребительно заимствованное изъ славянскаго языка слово родо, съ которымъ западные черемисы соединяютъ понятіе свойства. По мнѣнію М. Веске [1]), западными и приволжскими финнами слово родо заимствовано не въ настоящей, новѣйшей, формѣ, а въ древней, изъ которой развились формы этого слова въ новыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ. Сопоставляя съ мнѣніемъ Веске вышесказанное о понятіи, соединяемомъ восточными черемисами съ шочшо, а равно тотъ извѣстный фактъ, что всѣ нарѣчія черемисскаго языка обладаютъ запасомъ словъ для обозначенія родственныхъ отношеній только для ближайшихъ степеней родства, слѣдуетъ предполагать, что до совмѣстнаго жительства со славянами черемисы считали родными лишь близкихъ однокровниковъ; впослѣдствіи, подъ вліяніемъ сосѣдей—славянъ, черемисы, постепенно расширяя кругъ родни, стали считать родными и всѣхъ тѣхъ, кого причисляетъ къ роднѣ русскій человѣкъ.

Изъ всего насыла, конечно, не всѣ пользуются одинаковымъ почетомъ и уваженіемъ; оцѣнкою близости и важности сородича служитъ сравнительное его отстояніе отъ даннаго лица и общаго родоначальника. Въ этомъ отношеніи восточные черемисы всѣхъ своихъ родственниковъ, безразлично по отцу или матери, дѣлятъ на группы, и каждой родственной группѣ даютъ особый терминъ, опредѣляющій близость или дальность родственныхъ связей лицъ данной группы къ остальнымъ родственникамъ. Самые близкіе сродники составляютъ первую группу шочшо, въ которую входятъ, какъ сказано выше, родные братья и сестры. Но такъ какъ братья и сестры связаны между собою кровными отношеніями по своимъ родителямъ, то въ эту группу родства входятъ и ихъ родители, составляющіе старшую половину группы. Родство братьевъ и сестеръ, имѣющихъ лишь одного общаго родителя, выражается также словомъ шочшо, но они, въ отличіе отъ кровныхъ братьевъ и сестеръ, называютъ другъ друга сложнымъ терминомъ ик-шочшо (односродники, имѣющіе одного общаго родителя). Какъ видно изъ употребленія

[1]) М. П. Веске. „Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка“. Казань. 1890 г. II, стр. 138 и 243.

Digitized by Google

слова шочшо, рожденію черемисы приписываютъ главную роль при возникновеніи родственныхъ связей; въ настоящемъ случаѣ лица группы ик-шочшо находятся въ родственной связи только по одному изъ родителей. Эта мысль яснѣе и точнѣе высказывается въ слѣдующихъ, равносильныхъ термину ик-шочшо, выраженіяхъ: ик ача лэч шочшо (отъ одного отца родившіеся—въ смыслѣ отъ разныхъ матерей) и ик ава лэч шочшо (отъ одной матери родившіеся, т.-е. единоутробные, разумѣется отъ разныхъ отцовъ).

Слѣдующая группа родства называется лышыл-родо—близкое родство. Въ близкомъ родствѣ находятся: родные дѣдъ и бабка, въ отношеніи внуковъ, и дяди и тетки, въ отношеніи племянниковъ и племянницъ, и двоюродные братья и сестры. Эта группа родства по матери по преимуществу называется тӱп-родо, т.-е. коренное родство, а у черемисъ Мензелинскаго и Белебеевскаго уу. шӱмбел (отъ шӱм—сердце и бел—сторона=близкій къ сердцу). Относительно слѣдующихъ группъ родства въ восточномъ нарѣчіи черемисскаго языка нѣтъ никакихъ указаній о родствѣ по матери.

Третья группа называется просто родо, т.-е. родня, родство, или родственники. Въ этомъ видѣ родства находятся: прадѣдъ и прабабка, въ отношеніи правнуковъ, и двоюродные дѣдъ и бабка, въ отношеніи двоюродныхъ внуковъ, и троюродные братья и сестры.

Четвертую группу родственниковъ составляетъ мӱндӱр-родо, т. е. дальнее родство. Въ дальнемъ родствѣ находятся: прапрадѣдъ и прапрабабка, по отношенію праправнуковъ, двоюродные прадѣдъ и прабабка, въ отношеніи двоюродныхъ правнуковъ, и троюродные дяди и тетки, въ отношеніи троюродныхъ племянниковъ и племянницъ.

Наконецъ, послѣдняя группа родства называется ёмшо-родо—утерянное, забытое родство, куда входятъ пращуры и дѣти праправнуковъ. Между родственниками, перешедшими въ ёмшо-родо, прекращаются всякія связи; объ отдаленномъ общемъ родоначальникѣ ихъ можно судить лишь по родовымъ кереметямъ и общему типу тамгъ.

Совокупность всѣхъ родственныхъ группъ составляетъ родо-шочшо. Этотъ сложный терминъ, однозначащій со словомъ насыл, слѣдуетъ переводить кровное родство.

Digitized by Google

Просматривая составъ каждой изъ приведенныхъ группъ родства и ихъ взаимное отношеніе, мы прежде всего останавливаемся на томъ обстоятельствѣ, что каждая группа составляется по образцу первой изъ 2 половинъ—старшей (родителей) и младшей (дѣтей): какъ въ шочшо входятъ родители и дѣти, такъ въ каждую изъ слѣдующихъ группъ входятъ тѣ же лица, связанныя кровнымъ отношеніемъ и происхожденіемъ. Вслѣдствіе такого пониманія родственныхъ связей младшая половина шочшо (братья и сестры) называютъ лышыл-родо́мъ родителей старшей половины съ ихъ дѣтьми. Другими словами: каждое новое рожденіе съ боковымъ поколѣніемъ составляетъ по близости къ данной половинѣ группы новый видъ родства. Поэтому, въ сущности очень простому, счету родства группа лышыл-родо называетъ группу родо тѣмъ же терминомъ, какъ первую называетъ группа шочшо, т.-е. лышыл-родо, и дальнее родство по отношенію къ родо будетъ близкое родство. Изъ такой послѣдовательной связи родственныхъ группъ видно, что слова шочшо, родо, лышыл-родо и мӳндӳр-родо означаютъ исключительно кровныя связи, указывая вмѣстѣ съ тѣмъ на различіе кровнаго родства отъ не кровнаго, а потому эти термины не могутъ быть отнесены къ свойственникамъ.

Кромѣ приведенныхъ названій родства, опредѣляющихъ близость или отдаленность цѣлой группы лицъ въ порядкѣ семейнаго и родового почета, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при большомъ стеченіи гостей и распредѣленіи ихъ за почетными столами, при счетѣ количества потомковъ извѣстнаго лица и главнымъ образомъ при женитьбѣ и выходѣ за мужъ, примѣняется способъ опредѣленія родства по колѣнамъ. Когда черемисину предлагаютъ вопросъ, какъ онъ понимаетъ слова колѣно и степень, чаще всего спрашиваемый не можетъ дать опредѣленнаго отвѣта не потому, что ему совершенно чужды эти понятія, а потому, что представленія черемисина о родственныхъ степеняхъ и колѣнахъ своеобразны и счетъ ихъ совершенно различенъ отъ общепринятаго счета степеней кровнаго родства. На вопросъ, въ какихъ степеняхъ кровнаго родства дозволяется вступленіе въ бракъ, большею частью можно получить совершенно различные отвѣты. Черемисинъ бывалый, имѣвшій частыя сношенія съ русскими, сообразуясь съ понятіемъ русскаго, укажетъ на 10 степеней; напротивъ, истый, коренной черемисинъ, не бывавшій нигдѣ, кромѣ

Digitized by Google

родного или ближайшаго торговаго селенія, не будетъ считать препятствіемъ для вступленія въ бракъ 4-ю степень. Подобныя разнорѣчивыя показанія легко могутъ ввести въ заблужденіе; съ перваго взгляда кажется, что, согласно показанію второго, двоюродные братья и сестры могутъ вступать въ бракъ. Ни чуть не бывало: не только родственники, но даже однодеревенцы старики не допустятъ до такого срама, потому что двоюродные братья и сестры въ отношеніи другъ друга будутъ лышыл-родо и по черемисскому счету находятся въ 1 колѣнѣ. Въ данномъ случаѣ степени 10 и 4 въ сущности означаютъ одну и ту же степень по двумъ различнымъ способамъ счета. Изъ этого видно, что кажущаяся разница въ показанныхъ выше степеняхъ объясняется разницей, существующей въ счетѣ степеней родства черемисиномъ и русскимъ.

Въ черемисскомъ быту извѣстенъ собственно счетъ родства по колѣнамъ йжы*нг* *); для понятій степень и линія въ черемисскомъ обиходѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ словъ; первое изъ нихъ вполнѣ отождествляется съ понятіемъ колѣно, второе же выражается описательно шочмо-рад, т. е. послѣдовательный рядъ рожденій. Въ прямомъ соотвѣтствіи съ кореннымъ значеніемъ слова йжы*нг* находится понятіе черемисъ о родственныхъ колѣнахъ. Сравнительное отстояніе и связь потомковъ между собой и общимъ родоначальникомъ черемисы представляютъ, какъ отношенія сочлененій вѣтвей дерева къ стволу, обозначая эти отношенія словомъ йжы*нг*, что значитъ суставъ, сочлененіе, изгибъ, колѣно и переломъ между однородными частями предмета. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вмѣсто слова йжы*нг* употребляется равнозначущее слово кдэж.

Въ счетѣ родственныхъ колѣнъ черемисы, какъ сказано, существенно отличаются отъ русскихъ; не принимая каждое рожденіе за особое колѣно, они говорятъ: „ик мӱшкӱрӱштӧ кійже влак коклаштэ йыжы*нг* уке“ (дословно: между лежавшими въ одной утробѣ нѣтъ колѣна), т.-е. мать и рожденныя ею дѣти неразрывно связаны единствомъ крови. Такимъ образомъ основаніемъ близости или дальности родственныхъ связей по понятію черемисъ служитъ общность происхожденія отъ одной матери. Такое опредѣленіе родства кореннымъ образомъ противорѣчитъ нынѣшнему строю

*) Сочетаніе *нг* условно обозначаетъ особый носовой звукъ, для выраженія котораго у насъ не имѣется спеціальнаго знака. *Ред.*


Digitized by Google

отношеній и связей между родственниками. Но, несмотря на это, оно не есть явленіе случайное; родство по матери нѣкогда имѣло существенное значеніе и было слѣдствіемъ иныхъ формъ жизни; возникновеніе его должно быть отнесено къ глубокой древности. Преобладающее значеніе матери въ вопросѣ о родственныхъ связяхъ и признаніе родни лишь по ней, какъ извѣстно, совпадаетъ съ такъ называемымъ матріархатомъ; въ этотъ періодъ „безпорядочнаго полового сожительства“ понятіе объ отцѣ въ высшей степени недостовѣрно; несомнѣнна одна личность матери; съ понятіемъ объ общей матери соединяется представленіе о родственныхъ связяхъ и принадлежности къ данной общинѣ. Между лицами, связанными общностью происхожденія по матери, конечно, наиболѣе близкими являются братья и сестры матери. Указаніе на это можно видѣть и въ приведенномъ выше различіи терминовъ ближайшаго родства. Дѣти, считая братьевъ и сестеръ отца близкими родственниками – лышыл-родо, преимущество даютъ дядямъ и теткамъ по матери, обращаясь къ нимъ съ терминомъ т ӯ п-р о д о — коренное родство или ш ӯ м б е л—близкій къ сердцу.

Въ настоящее время родственныя связи по матери, конечно, не имѣютъ того значенія, какое придавали черемисы въ отдаленное прошлое. Медленныя измѣненія въ первобытныхъ семейныхъ отношеніяхъ, совершавшіяся въ теченіе длиннаго періода времени, ослабили преимущественное значеніе матери; съ упадкомъ преобладающей роли матери постепенно росло значеніе отца; съ его именемъ стало связываться понятіе не только о кровной связи между нимъ и дѣтьми, но и о родѣ. Нынѣ въ черемисскомъ быту родственнымъ связямъ по отцу во всѣхъ важнѣйшихъ житейскихъ случаяхъ дается явное предпочтеніе передъ родствомъ по матери; терминъ тӯп-родо сохранилъ значеніе родства по матери лишь въ устахъ стариковъ; молодое же поколѣніе съ этимъ терминомъ скорѣе склонно соединять понятіе о родствѣ по отцу. Въ связи съ такимъ измѣненіемъ понятій и представленій о родственныхъ связяхъ приведенное выше выраженіе, употребляемое черемисами при счетѣ колѣнъ, утратило первобытное значеніе и безличтно примѣняется къ родственникамъ по обоимъ родителямъ.

Дѣти въ отношеніи кровной связи болѣе близки между собой, чѣмъ къ каждому изъ родителей въ отдѣльности, такъ какъ по своему происхожденію органимъ дѣтей лишь на половину насл-

дится въ соотвѣтствіи съ организмомъ каждаго изъ родителей, но при этомъ дѣти настолько близки къ родителямъ, что между тѣми и другими нѣтъ колѣна, или, по выраженію черемисъ, разрыва (кӱрӱлтӱш). На этомъ основаніи, если бы братья и сестры могли вступать въ бракъ, то между дѣтьми и родителями ихъ, а равно между дѣдомъ, бабкой и внуками, тоже не было бы колѣна; между тѣмъ при обычныхъ нынѣ бракахъ лицъ, совершенно различныхъ по кровному происхожденію, дѣдъ и внуки отдѣляются по счету черемисъ однимъ колѣномъ, разрывомъ, поворотомъ.

Изъ этого ясно, что подъ колѣномъ черемисы разумѣютъ не степень въ отношеніи происходящихъ отъ нея линій, а уклоненіе потомка отъ родоначальника и разрывъ между ними вслѣдствіе происхожденія перваго отъ чужекровной матери и ослабленія въ немъ унаслѣдованной прародительской крови. Въ слѣдующихъ поколѣніяхъ каждое новое рожденіе по отношенію къ родоначальнику составляетъ колѣно. Съ увеличеніемъ числа колѣнъ, естественно уменьшается кровная связь какъ между родоначальникомъ и потомками, такъ и между послѣдними. Изъ прилагаемой таблицы [1]), наглядно представляющей ослабленіе въ потомкахъ прародительской крови вмѣстѣ съ уклоненіемъ ихъ отъ родоначальника и счетъ колѣнъ, видно, что внуки Г и Д, воспринимая въ себя долю материнской или отцовской крови, тѣмъ самымъ отдѣляются отъ дѣда или бабки А однимъ колѣномъ. Въ слѣдующемъ поколѣніи кровное различіе выступаетъ рѣзче: прадѣдъ съ бабкой А и правнуки Е и Ж будутъ отдѣлены 2 колѣнами, т.-е. будутъ въ отношеніи другъ друга во 2 колѣнѣ, прапрадѣдъ съ бабкой А и праправнуки К и I въ 3 колѣнѣ и т. д.

Взаимное родство лицъ разныхъ поколѣній опредѣляется по числу колѣнъ между родоначальникомъ и данными лицами: лица нѣсколькихъ поколѣній, отдѣленныя отъ общаго родоначальника одинаковымъ числомъ колѣнъ, взаимно будутъ въ одномъ колѣнѣ. Такъ, двоюродные Г и Д и троюродные Е и Ж братья и сестры, на основаніи указаннаго счета, послѣдовательно будутъ въ 1 и 2 колѣнахъ. Такимъ образомъ, въ 1 колѣнѣ по счету черемисъ находится двоюродное родство, во 2 колѣнѣ троюродное и въ 3 колѣнѣ внучатое родство. Что касается дядей, тетокъ (В или Б) и

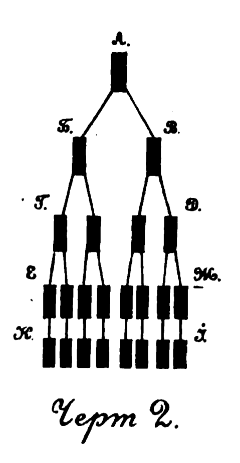
[1]) См. приложеніе I, чертежъ 1.


Digitized by Google

Приложеніе I.

А. Б. В. Г. Д. Е. Ж. К. І.

Черт. 1.




Черт 2.

Digitized by Google

Digitized by Google

племянниковъ съ племянницами (Г или Д), то разстояніе между ними равно разстоянію между дѣдомъ и внуками, такъ какъ дѣдъ съ дядей говорящаго лица тѣсно связанъ, какъ со своимъ сыномъ—въ 1 колѣнѣ; двоюродный дѣдъ съ бабкой (В или Б) и двоюродные внуки (Е или Ж) находятся во 2 колѣнѣ, равно какъ двоюродные прадѣдъ и бабка (Б и В) въ отношеніи двоюродныхъ правнуковъ (К и I) въ 3 колѣнѣ.

Что касается до взаимнаго родства остальныхъ родичей разныхъ поколѣній, то оно опредѣляется положеніемъ такихъ лицъ среди двоюроднаго, троюроднаго и внучатаго родства; о такихъ родственникахъ черемисы говорятъ, что они находятся между такими-то колѣнами, или, указывая на дальнее изъ колѣнъ, «родство ихъ не дошло до такого-то колѣна»; такъ, двоюродные дяди, тетки (Д и Г) и племянники (Е и Ж) въ отношеніи другъ друга находятся между 1 и 2 колѣномъ или, по черемисскому выраженію, («кок йыжынгышке шуын огыл») родство ихъ не дошло до 2 колѣнъ; равнымъ образомъ троюродные дяди, тетки (Е и Ж), племянники и племянницы (К и I) находятся между 2 и 3 колѣномъ.

При счетѣ родственныхъ колѣнъ черемисы употребляютъ нижеслѣдующій чертежъ [1]).

Сравнивая родственныя связи лицъ каждой изъ указанныхъ выше группъ съ близостью и отдаленностью ихъ взаимнаго родства по колѣнамъ, мы видимъ, что между обоими способами опредѣленія родства нѣтъ разницы; такъ, лышыл-родо составляютъ лица, находящіяся въ 1 колѣнѣ родства, родо—во 2 колѣнѣ, мӱндӱр-родо—въ 3 колѣнѣ.

## II.

Какъ видно изъ прилагаемой таблицы [2]), что касается кровнаго родства, то потомки общаго предка или прародительницы называютъ другъ друга, если они принадлежатъ къ одному и тому же колѣну, братьями и сестрами; они обозначаютъ всѣхъ, принадлежащихъ къ непосредственно предшествующимъ колѣнамъ, отцами, братьями и сестрами, а къ послѣдующимъ—сыновьями и дочерьми. Такимъ образомъ, данное лицо назоветъ братомъ и сестрой

[1]) См. приложеніе I, чертежъ 2.

[2]) См. приложеніе II.

Digitized by Google

не только всѣхъ сыновей и дочерей отца, но и сыновей и дочерей брата своего отца, отмѣчая при этомъ преимущество старшихъ предъ младшими наименованіями старшаго или младшаго брата, старшей или младшей сестры; затѣмъ онъ назоветъ сыномъ и дочерью наравнѣ со своими кровными потомками всѣхъ сыновей и дочерей младшихъ братьевъ и сестеръ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ черемисскомъ языкѣ нѣтъ спеціальныхъ терминовъ для брата и сестры, и необходимо употреблять особыя слова для обозначенія старшаго или младшаго брата, старшей или младшей сестры. Когда черемисину приходится употреблять слова братья и сестры, онъ выражается, что данныя лица «изяк-шоляк», «акак-шужарак», «изяк - шужарак» и «акак - шоляк», т.-е. они находятся въ отношеніяхъ старшаго родственника къ младшему. Другими словами, семейныя названія означаютъ не родство по крови, а возрастъ членовъ семьи или рода. Такъ какъ старшинство происхожденія въ черемисскомъ быту всегда предоставляло извѣстныя права и преимущества, то члены семьи или рода приравниваются другъ другу по происхожденію; такъ племянники и племянницы въ семейномъ и родовомъ почетѣ пользуются одинаковымъ значеніемъ съ младшими братьями и сестрами: поэтому они называются какъ послѣдніе; старшіе дяди и тетки (старше отца и матери) въ отношеніи почета ставятся выше старшихъ кровныхъ братьевъ и сестеръ и называются иначе, чѣмъ младшіе дяди и тетки (моложе отца и матери); младшіе же дяди и тетки, пользуясь одинаковымъ почетомъ и значеніемъ со старшими братьями и сестрами, называются какъ послѣдніе. Такимъ образомъ, каждое изъ названій родственныхъ отношеній непремѣнно намекаетъ на степень почета въ семьѣ или родѣ; поэтому незнаніе или неумѣніе назвать родственника соотвѣтствующимъ именемъ можетъ послужить поводомъ къ неумышленному оскорбленію. Знаніе родственныхъ отношеній тѣмъ болѣе важно и необходимо, что вся родня находится, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, въ постоянныхъ сношеніяхъ, сознавая свое родство и единство происхожденія.

Шочшо. Родители своихъ дѣтей въ обыкновенномъ разговорѣ большею частью называютъ по именамъ или съ прибавленіемъ родственнаго названія; эти названія отдѣльно употребляются рѣдко и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда говорится объ отсутствующихъ дѣтяхъ. Дѣти къ родителямъ всегда обращаются съ родственнымъ

Digitized by Google

названіемъ: ача—отецъ [1]), ава—мать (самка); эрге—сынъ (мальчикъ) ӱдӱрь дочь (дѣвочка) [2]), изя—старшій братъ, шоле—младшій братъ, племянникъ; ака—старшая сестра, шужар—младшая сестра, племянница; зять, мужъ старшей сестры, курска, мужъ младшей *веңге*; сноха, жена старшаго брата, *еңга*, что значитъ чужая старшая сестра (отъ *еңг* чужой человѣкъ и ака—старшая сестра); сноха, жена младшаго брата, шешке. Термины: изя, ака, курска и *еңга*, а равно шолё, шужар, *веңге* и шешке—употребляются въ почтительномъ ласковомъ обращеніи и къ постороннимъ лицамъ—первые по отношенію къ старшимъ по возрасту, вторые къ младшимъ.

Лышыл-родо. Группа лышыл-родо, какъ и слѣдующія, состоитъ изъ ача, ава, изя, ака, шолё, шужар, эрге и ӱдӱр. Всѣ старшіе родственники этой группы говорящимъ лицомъ называются ача, ава, изя и ака, а такъ какъ они старше возрастомъ не только говорящаго лица, но и всѣхъ старшихъ родственниковъ предыдущей группы, то къ терминамъ основныхъ семейныхъ отношеній прибавляется слово куго (старшій, главный, большой). Поэтому дѣдъ по отцу или матери называется куача (куго+ача, старшій, главный отецъ) или коча, бабка—куава или кувава (куго+ава, старшая мать). Старшій дядя по отцу или матери называется кугузя (куго+изя), его жена—куака (куго+ака) или кока, старшая тетка—кува (старуха) или куака. Среди черемисъ Бирскаго и Белебеевскаго уу. вмѣсто кугузя и куака чаще употребляются павай (татар. бабай—дѣдушка, старикъ) и кува (бабушка, старуха). Младшіе дядя и тетка по отцу (моложе его) и младшая тетка по матери (моложе ея) по почету приравниваются старшимъ брату и сестрѣ и называются, какъ послѣдніе, изя и ака; младшій дядя по матери (моложе ея) называется чӱчӧ, что значитъ однолѣтокъ, ро-

[1]) По свойству черемисскаго языка для ясности и правильности рѣчи обозначать принадлежность называемаго предмета какому-нибудь лицу, ко всѣмъ названіямъ родственныхъ отношеній приставляются притяжательные суффиксы: 1-го л. *м* (един. ч.), *на* (мн. ч.), 2 л. *т* (ед. ч.) и *да* (мн. ч.), 3 л. *же* (ед. ч.) и *ышт* (мн. ч.): ача—отецъ, ачам—мой отецъ и т. д. При обращеніяхъ съ родственными названіями, оканчивающимися на гласный звукъ, прибавляется *й*; притяжательные суффиксы, будучи приставлены къ *й*, выражаютъ особенную нѣжность и любезность въ обращеніи: ача, ачай, ава, авай, ачаем, аваем можно перевести тятенька и маменька.

[2]) Понятія мальчикъ и дѣвочка вѣрнѣе выражаются черезъ прибавленіе къ словамъ эрге и ӱдӱр суфф. *аш*: эргаш, ӱдӱраш.


Digitized by Google

весникъ съ матерью (вот. чоч, зырян. чӧч вмѣстѣ, нераздѣльно, зырянско-пермяцкое чӧчја—товарищъ). Жена младшаго дяди по отцу называется, какъ жена старшаго брата, ең̈га, мужъ младшей тетки по отцу, какъ мужъ старшей сестры, курска. Жена младшаго дяди по матери—чӱчӱньӧ (отъ черем. чӱчӧ-дядя; оньо, вотск. ун, он, зыр. и перм. онја—сонъ, онје—невѣстка; чӱчуньӧ=женщина, съ которой спитъ дядя). Въ группу лышыл-родо, какъ сказано, входятъ внуки и внучки, которые по отцу или матери называются унука (отъ рус. внукъ). Кромѣ этого заимствованнаго слова, употребляются описательные термины: эргын эргыже и ӱдӱржӧ (сыновы сынъ и дочь), ӱдӱрын ӱдӱржӧ и эргыже (сынъ и дочь дочери). Дѣдъ и бабка чаще называютъ внуковъ собственными именами или просто эрге и ӱдӱрь.

Родо. Ко всѣмъ родственникамъ этой группы, соотвѣтственно ихъ взаимному отношенію по возрасту, примѣняются термины группы лышыл-родо съ прибавленіемъ слова куэзе (кугеze отъ куго, озя—старшій, глава, главный хозяинъ): куэзе коча—прадѣдъ, куэзе кувава—прабабка, куэзе кугузя—двоюродный дѣдъ, куэзе куака—двоюродная бабка, куэзе ака, куэзе шужар, куэзе изя, куэзе шоле. Правнуки называются куэзе унука или описательно унукан эргыже и ӱдӱржӧ (внуковы сынъ и дочь).

Мӱндӱр-родо. Къ названіямъ родственниковъ этой группы прибавляется утум [1]): утум-коча, утум-кувава, утум-кугузя, утумкока, утум-изя, утум-ака, утум-шужаръ, утум-шоле.

Ёмшо-родо. Для лицъ, входящихъ въ эту группу, нѣтъ осо-

---

[1]) Утумъ отъ слова уто—лишній, безполезный, не идущій въ счетъ, что видно изъ тождества выраженій „утумеш котшаш“ и „утэм котшаш“; оба выраженія можно перевести „быть тебѣ лишнимъ, забытымъ, покинутымъ, или сгинуть тебѣ“. Смыслъ приведенныхъ выраженій и примѣненіе слова утумъ къ престарѣлымъ, неспособнымъ къ труду и безполезнымъ, въ смыслѣ добыванія средствъ къ жизни, людямъ, несомнѣнно указываетъ на древній обычай оставленія стариковъ и безнадежныхъ дѣтей на произволъ судьбы. Нелишне указать, что по вѣрованію черемисъ Бирскаго уѣзда утумы нерѣдко являются виновниками неурожая хлѣбовъ (см. Извѣстія Оренб. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. № 4, 1894 г.) и эпизоотіи. Умилостивительная жертва утумамъ, приносимая цѣлымъ обществомъ, называется „утумлан пумаш“; частное поминовеніе утумовъ назыв. „соз.“ Обряды при этихъ моленіяхъ и предметы приношеній сильно напоминаютъ похоронные и поминальные обряды.

Digitized by Google

быхъ терминовъ родственныхъ отношеній, такъ какъ родство считается прекратившимся.

Родство по супружеству. Супруги въ обыкновенномъ разговорѣ рѣдко называютъ другъ друга по именамъ. Болѣе употребительно названіе супруговъ по именамъ дѣтей, и если ихъ нѣсколько, то по имени первенца или того изъ нихъ, который находится при разговорѣ; такъ, если старшій сынъ Изерге или дочь Окави, то супруги другъ о другѣ говорятъ: „Изергын ачаже или аваже, Окавійн ачаже или аваже“ (Изергина мать или отецъ Окавіи) или просто: ачаже—аваже и ачашт—авашт (его отецъ и мать, ихъ отецъ и мать). Мужъ по-черемисски имѣетъ три названія: мари (мужъ, мужчина, черемисинъ), кугузя (старикъ, хозяинъ) и ульмо сожитель (чер. илаш. вот. улыны, отсюда илыме, улемо). Жена называется трояко: вӓтэ (жена, женщина), кува (старуха, хозяйка) и ӱдрамаш (отъ ӱдӱр—дѣвушка, ӱдрамаш—взятая изъ дѣвушекъ); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ смыслѣ уважительномъ принято называть жену ӧлташ—спутница.

Брачное сожительство мужа и жены, сближая каждаго изъ нихъ съ чужимъ родомъ, въ семейномъ и родовомъ почетѣ предоставляетъ имъ равное значеніе и положеніе (хотя съ таковымъ значеніемъ не дается никакихъ правъ). Поэтому жена, независимо отъ возраста, ко всѣмъ родственникамъ мужа лично обращается съ тѣми названіями, какія употребляетъ ея мужъ, и наоборотъ, т. е. мужъ и жена для названія родственниковъ по супружеству употребляютъ термины, означающіе основныя семейныя отношенія; такъ, свекоръ—ача, свекровь—ава; деверь (старше мужа)—изя, его жена—е*нг*а, младшій деверь—шолё или называется по имени, его жена — шешке; старшая золовка — ака, ея мужъ—курска, младшая золовка—шужаръ или по имени, ея мужъ—ве*нг*е; тесть—ача, теща— ава; старшій шуринъ—изя, его жена—е*нг*а, младшій шуринъ—шолё или по имени, его жена—шешке; своячина, старше жены—ака, ея мужъ—курска, младшая своячина—шужаръ или по имени, ея мужъ—ве*нг*е. Рядомъ съ этими терминами существуютъ нижеслѣдующія слова для обозначенія родственниковъ по супружеству: свекоръ, свекровь, тесть и теща называются куго (большой, старшій обладатель,—ница) или оньо [1]), деверь (старше

[1]) См. выше, по поводу слова чӱчӱньӧ.

мужа)—оньска, его жена—оняка (оньо+ака), младшій—деверь пӧрыж, пӧрыж-мари и кайнэш-пӧрыж; шуринъ, старше жены, кайнага, младшій шуринъ—пӧрыж или кайнэш пӧрыж; младшіе шуринъ и деверь въ Бирскомъ у. называются еще болдыз (по смыслу—подбирающій остатки); золовка (старше мужа) и свояченица (старше жены)—оняка, младшія золовка и свояченица—вудо; свояки другъ о другѣ говорятъ посяна (живущіе отдѣльно). Употребленіе приведенныхъ названій находится въ тѣсной связи съ придаваемымъ имъ значеніемъ и съ нижеслѣдующимъ обычаемъ, строго соблюдаемымъ зятемъ и невѣсткой въ отношеніи родственниковъ и родственницъ по супружеству. Зять и невѣстка въ отношеніи старшихъ по возрасту должны соблюдать слѣдующія правила: не показывать голыхъ ногъ, не являться передъ старшими съ непокрытой головой и безъ верхней одежды, не говорить двусмысленностей. Соблюденіе этого обычая не обязательно только въ отношеніи тѣхъ родственниковъ, съ которыми возможно и дозволительно половое сношеніе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ обычаемъ и обращеніе съ названіями родства по супружеству не предосудительно въ отношеніи родственниковъ, съ которыми половое сношеніе не зазорно; таковыми, какъ и въ отношеніи обычая, являются всѣ младшіе родственники по супружеству. При личныхъ обращеніяхъ къ старшимъ, термины родства по супружеству, какъ позорящіе честь, отнюдь не могутъ употребляться, а должны быть замѣнены словами, выражающими основныя семейныя отношенія.

Половое сожительство мужа—съ младшими родственницами жены, и невѣстки—съ младшими родственниками мужа не считается предосудительнымъ. Лѣтъ 40—50 тому назадъ среди восточныхъ черемисъ было обыкновеннымъ явленіемъ, что вдова по смерти мужа выходила, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., при жизни съ покойнымъ мужемъ менѣе 3 мѣсяцевъ или при послѣднемъ періодѣ беременности, должна была выходить за младшаго деверя; по смерти его переходила къ слѣдующему за нимъ брату или ближайшему родственнику, если послѣдніе не отказывались отъ вступленія съ нею въ бракъ. Зять съ своей стороны могъ поочередно жениться на младшихъ свояченицахъ. Съ теченіемъ времени взглядъ черемисъ на брачныя связи между родственниками по супружеству настолько измѣнился, что теперь подобные браки встрѣчаются лишь въ мѣстахъ сплошного населенія черемисъ. Въ та-

Digitized by Google

кихъ мѣстахъ не предосудительно, если невѣстка къ младшему деверю обращается съ названіемъ пöрыж-мари (пöрыж— задній, слѣдующій мужъ), признавая его вторымъ, младшимъ мужемъ, или просто съ названіемъ пöрыж, выражая этимъ словомъ желаніе дать право на себя. Зять также можетъ называть младшую свояченицу нудо, указывая этимъ словомъ на свободу полового общенія. Молодое поколѣніе сторонится не только браковъ на свояченицахъ и старшихъ снохахъ, но и самое обращеніе съ терминами родства по супружеству вызываетъ смущеніе и стыдъ. Указанный выше обычай, предписывающій невѣсткѣ въ отношеніи старшихъ родственниковъ мужа употребленіе терминовъ семейныхъ отношеній взамѣнъ терминовъ родства по супружеству, несомнѣнно возникъ на почвѣ общаго измѣненія взглядовъ черемисъ на родственныя связи по супружеству. Какъ раньше употребленіе словъ „пöрыж" и „нудо" не противорѣчило взаимнымъ отношеніямъ и только въ послѣднее время стало считаться позорнымъ, такъ и обращеніе невѣстки съ терминами родства по супружеству и несоблюденіе ею правилъ вѣжливости въ былое время не могли быть предосудительными въ силу существовавшей свободы полового общенія невѣстки съ родственниками мужа, за которыми они признавали право сожительства, называя ихъ „оньо", „оньо кугузя" и „оньо изя". Остаткомъ этого древняго обычая въ настоящее время является снохачество, довольно распространенное среди восточныхъ черемисъ.

**Петръ Еруслановъ.**

14 января 1895 г.
г. Бирскъ, Уфим. губ.



Digitized by Google

## Очеркъ исторіи развитія жилища у финновъ.

### II.[1])

**Развитіе сруба. Современное жилище остяковъ, пермяковъ, зырянъ, вотяковъ, горныхъ и луговыхъ черемисовъ, мордвы, мокши и ерзи, русскихъ и финляндскихъ кореловъ, саволаксовъ, тавастовъ, эстовъ и ливовъ. Развитіе очага. Вліяніе сосѣдей на развитіе финскаго жилища (тюрковъ, русскихъ, латышей и германскихъ народностей). Утрата финнами типичныхъ чертъ въ устройствѣ жилища.**

---

Выше мы имѣли случай замѣтить, что во дворѣ у финна, достигшаго земледѣльческаго быта, можно встрѣтить сохранившіеся въ качествѣ переживанія и потерявшіе въ настоящее время свое первоначальное значеніе древніе типы построекъ.

Переходя къ болѣе совершеннымъ типамъ жилища, финнъ приспособлялъ болѣе древнюю форму къ новымъ потребностямъ, но не забрасывалъ ее окончательно: вотъ почему часто на одномъ и томъ же дворѣ является возможнымъ прослѣдить исторію финскаго жилища отъ шалаша и до курной избы—пёрта; на одномъ дворѣ стоятъ рядомъ и шалашъ (кота), и землянка (рига) и первобытный срубъ, обращенный въ настоящее время въ баню. Достигнувъ въ своемъ развитіи умѣнья строить прочное и болѣе удобное жилище, финнъ сталъ его увеличивать и улучшать какъ снаружи, такъ и внутри; такъ какъ въ теченіе долгаго періода, протекшаго отъ эпохи господства первобытнаго сруба до появленія современныхъ формъ жилища, финское племя не переставало подвергаться вліянію своихъ разнообразныхъ сосѣдей, то естественно, что въ настоящее время мы встрѣчаемъ разнообразіе во внѣшнемъ и во внутреннемъ устройствѣ домовъ у разныхъ финскихъ народностей и даже различія въ предѣлахъ одной и той-же народности. Но, несмотря на кажущееся разнообразіе, всѣмъ финскимъ современнымъ жилищамъ, однако, присуща общая черта, именно, что развитіе ихъ шло частью путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, частью путемъ

---

[1]) См. „Этногр. Обозр.“, кн. XXIV.

Digitized by Google

пристроекъ къ основному срубу (пёрту, тупѣ и пр.) новыхъ помѣщеній.

Жилище остяковъ представляетъ, пожалуй, одинъ изъ наиболѣе простыхъ типовъ этого рода: г. Паткановъ, въ описаніи своей поѣздки по р. Демьянкѣ, слѣдующимъ образомъ описываетъ остяцкую избу, уже значительно уклонившуюся отъ первобытнаго сруба: деревеньки остяковъ указанной мѣстности состоятъ изъ небольшихъ, чистенькихъ домиковъ,—почти всѣ въ одну комнату. По своему внутреннему устройству эти жилища не представляютъ никакого отличія отъ таковыхъ-же избъ по Иртышу, развѣ только они меньше; каждая изба дѣлится перегородкой на 2 части, изъ которыхъ передняя—чистая половина, вторая, заключающая огромную русскую печь, играетъ роль кухни. Уголъ противъ двери занятъ образами, другой—широкою деревянною кроватью съ пологомъ. Всѣ свободныя мѣста около стѣнъ заняты широкими лавками; устроены также и полати [1]). Здѣсь дальнѣйшее развитіе сруба происходитъ путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія на части—черта, которую мы встрѣтимъ и у черемисовъ. Но этотъ типъ жилища не является исключительнымъ: г. Паткановъ отмѣчаетъ, что къ этой комнатѣ пристраивается другая, при чемъ обѣ комнаты раздѣлены сѣнями; жизнь семьи сосредоточивается въ одной комнатѣ; другая служитъ зимой лишь кладовой.

Всмотрѣвшись въ пермяцкій домъ,—пишетъ И. Н. Смирновъ [2]), у котораго выписываемъ свѣдѣнія о жилищѣ пермяковъ,—мы замѣчаемъ, что онъ состоитъ изъ трехъ совершенно обособленныхъ частей: избы, сѣней въ столбахъ и клѣти. Сѣни въ настоящее время представляютъ покрытый такъ-же, какъ и домъ, помостъ со стѣнами, забранными въ столбы. Передъ сѣнной дверью выступаютъ аршина на два изъ-подъ помоста сѣней два бревна, на которыхъ устраивается внѣшній «мостъ» для крыльца. Такъ какъ у пермяковъ нѣтъ лѣстницъ общерусскаго типа (они ихъ не умѣютъ дѣлать, а вмѣсто русскихъ переносныхъ лѣстницъ пермяки употребляютъ дерево съ коротко обрубленными сучьями), то входъ на «мостъ» устраивается слѣдующимъ образомъ: подъ

[1]) С. Паткановъ: По Демьянкѣ, Зап. Зап.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О. XVI. в. 2 и 3., стр. 8.

[2]) Смирновъ: Пермяки, стр. 194 и слѣд.


Digitized by Google

«мостомъ» складывается безъ всякихъ скрѣпленій въ клѣтку нѣсколько толстыхъ плахъ такъ, чтобы два ряда плахъ шли вверхъ уступами; на эти уступы кладутся такія-же плахи—ступени. Сѣни соединяютъ избу съ клѣтью—чомомъ. Теперь, продолжаетъ г. Смирновъ, это въ большинствѣ случаевъ двухэтажное деревянное сооруженіе для храненія одежды и разнаго домашняго скарба (вверху) и хлѣбныхъ запасовъ (внизу). Названіе (чомъ), по совершенно основательному предположенію цитируемаго автора, доказываетъ, что клѣть или образовалась изъ прежняго жилья, или, по крайней мѣрѣ, строилась по его типу, и что, по аналогіи съ обычаемъ другихъ финскихъ народностей, она, вѣроятно, прежде ставилась особнякомъ отъ дома. Что касается крыши, то въ бассейнѣ Обвы, въ которомъ нѣкогда жили пермяки, на нижнемъ теченіи Иньвы до границъ Архангельской волости (въ волостяхъ Майкорской и Купросской), она обыкновенно четырехскатная. Но по среднему теченію Иньвы и по ея притокамъ преобладающимъ типомъ является двускатная крыша: она укрѣплена шеломомъ, конецъ котораго обработанъ въ видѣ конской головы съ чрезмѣрно поднятой грудью. Это — *охлупень*. «На обработку конька, пишетъ г. Смирновъ, пермякъ кладетъ всю свою изобрѣтательность. Одинъ придаетъ головѣ какой-то придатокъ въ видѣ рога, долженствующій замѣнять ухо, другой просверливаетъ глазъ, третій тщательно прорѣзываетъ ротъ. Мотивъ конька примѣняется не исключительно для шелома. Застрѣхи пермяцкихъ избъ поддерживаются рядомъ уключинъ, концы которыхъ также обработаны въ видѣ конской головы и, кромѣ того,—въ Чердынскомъ уѣздѣ—разрисованы ломанными линіями и точками при помощи дегтя. Откуда попалъ въ Пермскій край этотъ мотивъ—занесли-ли его русскіе съ сѣвера, или онъ навѣянъ «чудскими» вещами, среди которыхъ попадаются изображенія животныхъ съ такими-же чудовищными пропорціями—рѣшить не беремся. Рядомъ съ этими декорированными избами встрѣчаются постройки, крыши которыхъ не покрыты шеломомъ, а сдерживаются, какъ крыши черемисскихъ кудъ, рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками [1])». Печи въ избахъ въ настоящее время глинобитныя; помѣщаются онѣ различно: въ Глазов-

[1]) Ibid , стр. 193, 194.


Digitized by Google

скомъ у., въ старинныхъ пермяцкихъ избахъ, печь занимаетъ мѣсто въ одномъ изъ переднихъ угловъ, при чемъ печное отверстіе обращено къ двери. «Это положеніе будетъ для насъ вполнѣ понятнымъ», замѣчаетъ по этому поводу г. Смирновъ, «если мы припомнимъ, что избѣ предшествовала у пермяка землянка, у которой единственнымъ пропускающимъ свѣтъ отверстіемъ была дверь. Печь приходилось ставить въ той сторонѣ, которая была всего болѣе освѣщена,—обращать устьемъ туда, откуда единственно проникалъ въ землянку свѣтъ. По традиціи, это положеніе печь сохранила и въ надземныхъ, бревенчатыхъ постройкахъ. Въ новыхъ избахъ, съ нѣсколькими окнами по стѣнамъ, печь ставится въ одинъ изъ угловъ двери—у орловскихъ пермяковъ влѣво отъ входа, у глазовскихъ и соликамскихъ чаще вправо, чѣмъ влѣво». Въ большинствѣ избъ въ настоящее время имѣется уже деревянный полъ, но въ Глазовскомъ у., гдѣ вообще среди пермяцкаго населенія сохранилось больше старины, встрѣчаются еще избы съ землянымъ поломъ; тамъ-же избы строятся обыкновенно одноэтажныя, безъ подпольнаго помѣщенія, которое называется въ Перми «подъизбицей», иногда голбцемъ. У соликамскихъ и чердынскихъ пермяковъ, избы которыхъ почти всегда строятся съ подъизбицей, она служитъ складомъ для различныхъ хозяйственныхъ принадлежностей. Иногда изъ такой постройки развивается двухэтажное жилье. Внутреннее убранство пермяцкой избы зависитъ отъ степени вліянія русскихъ въ данной мѣстности; во всякомъ случаѣ, обыкновенно вдоль стѣнъ избы идутъ лавки (л а в и ц ы, в а б и ч ь); но и теперь еще можно встрѣтить въ приспособленіяхъ для сидѣнья слѣды глубокой старины: часто обрубокъ дерева, пень, замѣняетъ собой стулъ; далѣе скамейка (джокъ), которая выдѣлывается слѣдующимъ образомъ: берется дерево, два—три корня котораго стелятся по землѣ; дерево выкорчевываютъ, отрубаютъ на-чисто всѣ корни, кромѣ двухъ горизонтальныхъ, у которыхъ обрубаютъ только тонкія части; стволъ обрубаютъ на разстояніи полутора-двухъ аршинъ отъ корней, обтесываютъ его и получаютъ нѣчто въ видѣ скамейки, на которой можно сидѣть, если дерево съ корнями-ножками положить концомъ на лавку или на такой-же обрубокъ дерева; наконецъ, т. наз. «ступка», которая устраивается такъ: изъ четырехъ нетолстыхъ березовыхъ полѣньевъ вытесываются четыре ножки; основанія и вершины ихъ укрѣпляются въ двухъ

Digitized by Google

крестообразныхъ черемуховыхъ или ивовыхъ вязахъ, а сверху къ нимъ приколачивается доска — сидѣнье. Кромѣ болѣе сложнаго стола-ящика, обшитаго со всѣхъ сторонъ досками, встрѣчается и столъ болѣе первобытной формы: это просто доска, прикрѣпленная къ двумъ парамъ скрещивающихся ножекъ [1]).

У зырянъ избы (керки), пишетъ К. А. Поповъ, отличаются массивностью и строятся всегда сосновыя, такъ какъ на домашнія надобности зыряне имѣютъ право безпошлинно рубить сколько угодно лѣсу. Крыша — двускатная. Къ лицевой сторонѣ керки пристраивается крыльцо, на столбахъ, иногда крытое, иногда нѣтъ. Крыльцо ведетъ въ сѣни, имѣющія около сажени ширины и какъ корридоръ раздѣляющія двѣ избы, изъ которыхъ каждая представляетъ особый срубъ. Со стороны крыльца онѣ забираются бревенчатою стѣною, а съ противоположной стороны онѣ часто бываютъ открыты. Одна изъ избъ, преимущественно та, которая находится налѣво отъ сѣней — курная и назначается для житья семейства. Передній уголъ ея образуютъ стѣны лицевая и смежная съ сѣнями. Печь, всегда битая изъ глины, лежанкой упирается въ противоположный уголъ, который освѣщается особымъ окномъ — падчеръ ошенъ. Разстояніе между потолкомъ и лежанкой такъ велико, что на послѣдней можно свободно сидѣть и работать. Прочія принадлежности избы тѣ-же, что и у русскихъ Вологодской губ.: тѣ-же лавки вокругъ стѣнъ, вытесанныя изъ цѣльныхъ бревенъ, и надъ ними полавки (полки); тѣ-же полати и голбецъ, и наконецъ тѣ-же три маленькія волоковыя окна, изъ которыхъ среднее прорубается повыше крайнихъ. Потолокъ настилается изъ цѣльныхъ бревенъ, а полъ — изъ бревенъ, расколотыхъ пополамъ. Другая изба (направо отъ сѣней) устраивается иначе: въ ней нѣтъ полатей, печь часто голландская, окна большія, лавки иногда замѣняются стульями. Заднюю половину дома занимаетъ повѣть, въ которой хранятся сѣно, солома, повозки, земледѣльческія орудія и т. п. На повѣти устраиваются особыя клѣти, для храненія посуды, платья и другого цѣннаго имущества. Сзади настилается бревенчатый взъѣздъ для подъема сѣна и т. п. Подъ повѣтью помѣщается скотъ. Амбары, бани и погреба строятся отдѣльно. Мы набросали, продолжаетъ К. А. Поповъ, общій или,

[1]) Ib., стр. 197—199.


Digitized by Google

точнѣе, господствующій типъ зырянскихъ построекъ. Само собой разумѣется, что встрѣчаются отступленія отъ него: какъ есть деревни, правильно расположенныя, точно также есть и дома городской постройки. Керки вообще не отличаются опрятностью: онѣ моются иногда только разъ въ годъ—передъ праздникомъ Пасхи. Мебель, кромѣ необходимой принадлежности передняго угла—обыкновеннаго стола, иногда крашеннаго, и скамеекъ, составляютъ: джекъ—толстый обрубокъ дерева и улэсъ—стулъ, выгнутый изъ черемуховыхъ прутьевъ съ досчатымъ сидѣньемъ [1]).

У вотяковъ современныя жилища представляютъ нѣсколько типовъ, смотря по тому, подвергается ли данная мѣстность русскому или татарскому вліянію. По словамъ Бехтерева, какъ избы, такъ и другія постройки вотяковъ, строятся исключительно изъ рубленаго лѣса, что объясняется, вѣроятно, главнымъ образомъ обиліемъ лѣсовъ. Почти всѣ избы, пишетъ тотъ-же изслѣдователь, курныя, одноэтажныя, но онѣ выше избъ русскихъ; низенькія окна, числомъ не болѣе трехъ, обращены большею частью во дворъ. Одно изъ оконъ, обыкновенно косящатое, другія-же волоковыя, т. е. открываются посредствомъ выдвижной ставни. Только у зажиточныхъ вотяковъ изба дѣлится сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю—бѣлую и зимнюю—черную. Дверь, ведущая изъ сѣней въ черную избу, всегда отворяется внутрь, въ отличіе отъ русскихъ; у дверей налѣво битая изъ глины печь, которая служитъ только для печенія хлѣба, отчего и зимой она топится не каждый день; все же остальное вотякъ предпочитаетъ варить надъ огнемъ, вслѣдствіе чего на шесткѣ у печи устраивается особый горнъ (учоггъ) съ чугуннымъ котелкомъ, повѣшеннымъ на деревянномъ крюкѣ. Въ одномъ углу у некрещеныхъ вотяковъ стоитъ обыкновенно лубяной коробъ, въ которомъ хранятся ложки, чашки, ножи, употребляемые для стола при жертвоприношеніяхъ. Вдоль стѣнъ идутъ нары, на которыя наброcаны грязные войлоки, подушки, перины и пр. Въ нарахъ хранятся дорогіе женскіе уборы и одежда. Полатей и полокъ, какъ у русскихъ, въ избѣ вотяковъ никогда не бываетъ; на всю избу поставленъ одинъ стулъ для отца семейства; въ переднемъ углу стоитъ столъ. Избы вотяковъ почти никогда не моются, зимою въ избу загоняютъ на ночь всѣхъ домашнихъ жи-

[1]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 61, 62.



вотныхъ: коровъ, овецъ, козъ, гусей, утокъ, куръ, и проч.; здѣсь вмѣстѣ съ скотомъ, вотяки спятъ на полу въ повалку, безъ различія пола и возраста [1]).

И. Н. Смирновъ въ своемъ описаніи вотяцкой избы въ значительной мѣрѣ разнится отъ только что приведеннаго; въ описаніи г. Смирнова, мы имѣемъ избу вотяка, подвергшагося вліянію сосѣдей-башкиръ, причемъ это вліяніе настолько сильно, что при сравненіи въ Бирскомъ уѣздѣ избъ обѣихъ народностей автору не пришлось отмѣтить въ вотяцкой избѣ «ни одной характерной черты»: она оказалась точной копіей избы башкирской. Г. Смирновъ описываетъ ее слѣдующимъ образомъ: «это низенькая постройка, разгороженная сѣнями на двѣ половины: лѣтнюю, холодную (фасомъ на дворъ) и зимнюю, теплую (фасомъ на улицу); первая является парадной, и такъ какъ въ ней живутъ меньше, то она чище зимней. Въ лѣтней избѣ у стѣны, противъ входа, широкія чистыя нары; окна косящатыя; на нарахъ—сундукъ съ разнымъ домашнимъ скарбомъ. Въ внутреннемъ убранствѣ избъ сказывается татарское вліяніе, даже въ выборѣ цвѣтовъ для постановки на окна—это преимущественно бальзамины и базилики, любимые татарами цвѣты. Тамъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе, убранство избъ приближается къ обычному руссскому» [2]).

Несмотря на то, что въ планѣ описанной вотяцкой избы г. Смирновъ видитъ заимствованіе, сдѣланное вотяками у ихъ тюркскихъ сосѣдей, намъ кажется, что въ данномъ случаѣ сходство плановъ въ жилищахъ обоихъ народовъ не можетъ еще служить доказательствомъ заимствованія. Мы, правда, увидимъ ниже, что въ названіяхъ отдѣльныхъ частей вотяцкой избы встрѣчается много тюркскихъ словъ, свидѣтельствующихъ, что тюркскія племена не остались безъ вліянія на вотяковъ, но въ развитіи плана жилища, намъ кажется, дѣйствовали тѣ-же причины, которыя привели къ появленію аналогичныхъ плановъ въ жилищахъ и у другихъ финскихъ народностей, именно, пристройка новыхъ зданій къ основному перто-образному жилищу, вслѣдствіе чего должно было появиться и сходство въ планѣ.

Нѣсколько отличнымъ отъ описанныхъ типовъ является вотяц-

---

1) Бехтеревъ: Вотяки, стр. 635, 636.
2) Смирновъ: Вотяки, стр. 90.


Digitized by Google

кое жилище въ Сарапульскомъ у. Вотяцкая изба, пишетъ П. М. Богаевскій, строится постоянно рядомъ съ клѣтью и отдѣляется отъ послѣдней лишь небольшими сѣнями. Довольно высокая внутренняя лѣстница ведетъ въ сѣни, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ избу, а съ другой въ клѣть. Въ избѣ кругомъ стѣны идетъ лавка, заканчивающаяся большими нарами, въ которыхъ хранится наиболѣе цѣнное имущество. Противъ наръ, а иногда сейчасъ-же около двери, лѣсенка ведетъ на полати, расположенныя надъ чисто выбѣленною печкою, которая у зажиточныхъ вотяковъ бѣлится нѣсколько разъ въ годъ. Устройство печки разнится отъ таковаго-же въ русскихъ избахъ: она устроена такимъ образомъ, что въ нее можно вѣшать котелокъ. Отъ полатей около печки черезъ всю избу проходитъ бревно, которое упирается въ противоположную стѣну. Устройство клѣтей въ зажиточныхъ избахъ такое-же, какъ и въ самой избѣ, причемъ, конечно, въ клѣти не ставится печки. Въ бѣдныхъ избахъ въ клѣтяхъ нѣтъ наръ, и одежда, которая обыкновенно хранится въ нихъ, развѣшивается на перекладинахъ, проходящихъ подъ крышею [1]). Черты болѣе глубокой старины сохранились въ описываемыхъ г. Смирновымъ вотяцкихъ клѣтяхъ; подражая сосѣдямъ въ устройствѣ избы, замѣчаетъ цитуемый авторъ, вотякъ вполнѣ самостоятеленъ въ устройствѣ клѣти (кеносъ); вотяцкій кеносъ имѣетъ болѣе разнообразное назначеніе, чѣмъ русская клѣть: это не только кладовая, но и лѣтнее помѣщеніе и, кажется, преимущественно женское. Каждая брачная пара имѣетъ въ кеносѣ особое отдѣленіе, гдѣ хранитъ свое имущество. Здѣсь-же стоитъ закрытая холщевой занавѣской или пологомъ грубая кровать. Въ кеносѣ женщина спитъ, работаетъ и одѣвается. Въ большихъ семьяхъ, гдѣ живутъ вмѣстѣ 4—6 женатыхъ братьевъ, кеносовъ бываетъ на одномъ дворѣ 2—3 и болѣе. Въ кеносахъ, раздѣленныхъ на нѣсколько отдѣленій, каждое изъ нихъ освѣщается небольшимъ волоковымъ или косящатымъ окномъ. Эти окна въ выходящихъ на улицу отдѣленіяхъ кеноса, продолжаетъ г. Смирновъ, придаютъ, между прочимъ, вотяцкой деревнѣ своеобразную физіономію: окна продѣланы не въ серединѣ выходящей на улицу стѣны кеноса, а ближе къ одному

---

[1]) П. М. Богаевскій: Очеркъ быта сарапульскихъ вотяковъ, стр. 52, 53.



изъ угловъ [1]). Такое положеніе окна, относительно угловъ выходящей на улицу стѣны, мы указывали, со словъ г. Гейкеля, какъ часто встрѣчающееся у мордвы и у черемисовъ; мы видѣли, какое объясненіе г. Гейкель даетъ этому странному на первый взглядъ обычаю. Относительно происхожденія этого-же обычая у вотяковъ мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ: въ вотяцкихъ клѣтяхъ печей не встрѣчается; но зная, что въ устройствѣ современныхъ клѣтей у вотяковъ сохранилось много чертъ, свидѣтельствующихъ, что первоначально онѣ служили жилищемъ или, по крайней мѣрѣ, что современныя клѣти устраивались по образцу жилищъ, можно высказать предположеніе, что устройство окна ближе къ одному изъ угловъ стѣны, вынуждавшееся въ прежнее время, когда въ клѣтяхъ ставились еще печи, положеніемъ послѣдней, сохранилось въ качествѣ переживанія и послѣ того, какъ клѣти, утративъ свое первоначальное значеніе, стали строиться безъ печей.

Жилище черемисовъ подробно описано г. Гейкелемъ (стр. 62—69); онъ отличаетъ два, впрочемъ очень схожихъ между собой, типа: жилище горныхъ черемисовъ и луговыхъ. У горныхъ черемисовъ часто встрѣчается положеніе окна ближе къ одному изъ угловъ лицевой стороны пёрта. По близости отъ другого угла устраивается небольшое волоковое окно, положеніе котораго около стекольчатаго окна, однако, ясно указываетъ, что оно слишкомъ низко, чтобы служить отверстіемъ для выхода дыма. Полъ въ черемисскомъ пёртѣ лежитъ очень высоко, такъ какъ подъ нимъ находится еще помѣщеніе, служащее погребомъ и зимнимъ помѣщеніемъ для мелкаго скота. При входѣ изъ сѣней, черезъ дверь, находящуюся на узкой сторонѣ дома, прежде всего бросается въ глаза печь (катакà), находящаяся въ лѣвомъ углу отъ дверей; печное отверстіе обращено къ лицевой сторонѣ дома, на которой находится волоковое окно. По стѣнамъ идутъ лавки, изъ которыхъ та, которая идетъ отъ дверей къ углу, дѣлается наиболѣе широкой; полъ деревянный и поддерживается тремя балками. Потолокъ поддерживается балкой, идущей отъ одной стѣны къ другой; на него насыпаютъ обыкновенно сухіе листья; иногда потолокъ сперва покрываютъ известью, а затѣмъ насыпаютъ на него землю. Печь ставится иногда непосредственно въ углу, такъ что

[1]) И. Н. Смирновъ: Вотяки, стр. 91.


Digitized by Google

упирается въ стѣны, но чаще встрѣчается, что она находится на извѣстномъ разстояніи отъ стѣнъ, настолько, что въ остающемся свободно пространствѣ можно проходить.

Пёртъ луговыхъ черемисовъ не представляетъ существенныхъ отличій отъ горно-черемисскаго типа: онъ только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ проще предыдущаго. Печь устраивается обычнымъ у приволжскихъ народностей способомъ; передъ печнымъ отверстіемъ устраивается очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ, который, впрочемъ, мѣстами вмазываютъ въ печку. Такіе пёрты, пишетъ г. Гейкель, строятся курными. Въ настоящее время печь снабжается обыкновенно трубой, слѣдствіемъ чего было исчезновеніе находящагося на передней сторонѣ печи котла. Луговые черемисы такъ-же, какъ и горные, оставляютъ между печью и стѣнами свободное пространство въ $1^1/_2$—2 арш. шириной; по краямъ печи часто ставятъ 4 столба (см. рис. 19). Узкое пространство отъ передней стороны печки къ стѣнѣ перегорожено и соединяется съ комнатой посредствомъ двери *b*; пространство за печкой называется чуланомъ; въ немъ находится люкъ *a*, изъ котораго лѣстница ведетъ въ нижнее помѣщеніе, хотя въ него можно проникнуть и снаружи. Другая лѣстница *c* ведетъ наверхъ, на печку, съ которой легко взойти на полати. Двѣ жерди *d* и *e* идутъ отъ печки. У горныхъ черемисъ часто встрѣчается перегородка, отдѣляющая чуланъ,— мѣсто передъ отверстіемъ печки до противоположной стѣны. У луговыхъ черемисъ перегородку обыкновенно замѣняетъ жердь *e*, но мѣсто, отдѣленное ею, носитъ названіе кухни, а подъ именемъ чулана разумѣютъ холодное помѣщеніе въ сѣняхъ. Отъ жерди *e*, которая носитъ названіе чуланъ-кашта, идутъ къ стѣнѣ двѣ жерди (*f*) — пу-кашта и доска (*g*), на которую ставятъ испеченный хлѣбъ. Большая доска (*h*) и небольшая (*i*) служатъ для хозяйственныхъ потребностей и находятся на одной высотѣ съ *e*, *f* и *h*. Доска *i* носитъ названіе čulan wal—поверхность чулана, хотя чулана, собственно, въ комнатѣ и не существуетъ. Вдоль стѣнъ идутъ лавки, при чемъ одна изъ нихъ, отъ двери къ углу, дѣлается болѣе широкой, чѣмъ остальныя. Иногда вмѣсто лавокъ устраиваются нары. Столъ обыкновенно досчатый съ ящикомъ.

Въ этихъ типахъ построекъ горныхъ и луговыхъ черемисъ мы можемъ наблюдать дальнѣйшее развитіе первоначальнаго сруба—

Digitized by Google

пёрта, путемъ внутренняго раздѣленія помѣщенія, какъ это мы видѣли выше у остяковъ. Крупное различіе между горно-и луговымъ черемисскимъ типами заключается въ томъ, что въ первомъ дѣленіе помѣщенія на комнату и чуланъ-кухню совершается въ дѣйствительности посредствомъ перегородки, тогда какъ у луговыхъ черемисъ это отдѣленіе фиктивное: перегородки не существуетъ; ее замѣняетъ лишь положенная жердь. Къ этому болѣе простому типу жилища весьма часто пристраивается еще другое. Г. Гейкель (стр. 72) описываетъ этотъ видъ избы: сѣни раздѣляютъ избу на двѣ части; лѣстница, прикрытая крышей на столбахъ, ведетъ въ сѣни; направо и налѣво отъ входа устроены двери, которыя ведутъ въ комнаты; изъ нихъ одна выходитъ фасадомъ на улицу, другая во дворъ. Въ этомъ типѣ мы уже видимъ дѣленіе избы на черную и бѣлую; черная—пёртъ. Въ бѣлой избѣ, по словамъ г. Смирнова [1]), обыкновенно устраивается кирпичная печь съ трубой, русскія окна, рѣзные и расписные наличники, надъ окнами и поверхъ оконъ рѣзной поясъ вокругъ всего дома. На шеломѣ прикрѣпляется довольно часто коряга, представляющая грубое изображеніе птицы. Размѣры избы и количество комнатъ зависятъ отъ матеріальнаго благосостоянія хозяина.

Въ общемъ черемисское жилище тамъ, гдѣ срубъ подвергается внутреннему раздѣленію, сохраняетъ въ своемъ устройствѣ много первобытныхъ чертъ и стоитъ близко къ бобыльской избѣ эстовъ; если мы отвели ему мѣсто въ ряду болѣе культурныхъ построекъ, то сдѣлали это въ виду того, что какъ своими размѣрами, такъ и отдѣленіемъ внутри его особой комнаты (чулана, кухни) онъ въ значительной степени уклонился отъ первобытнаго типа: лѣстница ведущая въ сѣни, устройство подвальнаго этажа и пр. налагаютъ на современный черемисскій пёртъ черты, приближающія его скорѣе къ избѣ, чѣмъ къ примитивному срубу, который послужилъ ему основаніемъ. Интересно также отмѣтить, что въ настоящее время, устраивая себѣ дома, раздѣленные сѣнями на два главныхъ помѣщенія, черемисы часто сохраняютъ на дворѣ пёртъ въ одну комнату. Г. Гейкель, напр., видѣлъ у уфимскихъ черемисъ дворъ, въ которомъ рядомъ съ болѣе новымъ домомъ съ двумя жилыми

---

[1]) Черемисы, стр. 73.


Digitized by Google

помѣщеніями по обѣ стороны сѣней сохранялся еще болѣе простой, односрубный пёртъ.

Жилище мордвы представляетъ тѣ-же черты въ планѣ, которыя мы наблюдали у другихъ восточныхъ финновъ. Г. Гейкель, дающій подробное описаніе мордовскихъ избъ (стр. 26—59) отличаетъ мордовско мокшанскій типъ отъ мордовско-ерзянскаго; послѣдній, по мнѣнію его, отличается отъ перваго тѣмъ, что въ ерзянскомъ типѣ значительно больше сказывается вліяніе русскихъ: ерзя позабыла старыя формы жилища. Подобнаго рода основаніе дѣленія жилища на типы естественно может считаться лишь крайне шаткимъ, и ужъ одно это дало-бы право соединить оба типа въ одинъ съ указаніемъ, въ чемъ слѣдуетъ видѣть болѣе и въ чемъ менѣе древнія черты устройства жилья. Кромѣ того, И. Н. Смирновъ отмѣчаетъ, что имѣющіеся въ его распоряженіи планы старыхъ мордовско-ерзянскихъ избъ, доставленные ему г. Лукинымъ, позволяютъ утверждать, что старыя ерзянскія избы имѣли то-же внутреннее устройство, какъ и мокшанскія [1]). Рис. 20 изображаетъ мокшанскую избу, а рис. 21—ерзянскую—обѣ изъ Тамбовской губ. Мы видимъ (на рис. 20) здѣсь сѣни (*C*), раздѣляющія избу на двѣ половины; изъ сѣней двери *4* и *5* ведутъ въ жилыя помѣщенія; дверь *2* ведетъ на крытое крыльцо, на которомъ (*1*) разставлены скамейки и поставленъ столъ (*2*); съ крыльца нѣсколько широкихъ ступеней ведутъ въ свободное пространство, соединяющее улицу, на которую выходитъ комната *B*, съ садомъ, по лѣвую сторону лѣстницы. Дверь *3* ведетъ во дворъ. Изъ двухъ раздѣленныхъ сѣнями комнатъ *A*—представляется болѣе древней; это kud; она выходитъ окнами во дворъ; *B*—пристроенная русская изба и выходитъ окнами на улицу. При входѣ въ kud бросается прежде всего въ глаза печь (1) съ трубой; печное отверстіе направлено въ сторону, къ окнамъ; печь дѣлается изъ глины и ставится на бревна. Въ случаѣ если кудъ низокъ, печь ставится непосредственно на землю, какъ въ баняхъ. На передній край печи кладутся въ незначительномъ числѣ кирпичи, но на этомъ очагѣ въ настоящее время не разводятъ больше огня, такъ какъ обыкновенно пища готовится въ

[1]) Смирновъ: Мордва—въ Изв. О. А. И. и Этногр. при И. Каз. У. XI, вып. 5, стр. 439.


Digitized by Google

печи, въ большихъ горшкахъ. На этотъ очагъ (*tolmalanga*) ставятъ горшки, какъ на скамью, послѣ того какъ ихъ вынутъ изъ печи. Печь прислонена непосредственно къ стѣнѣ; нижнюю часть ея часто покрываютъ рѣзными досками (рис. 22), также какъ и сторону за столбомъ. Съ этой послѣдней стороны устроены вдоль печки двѣ ступеньки, по которымъ можно влѣзть на нее. Полъ отъ печки къ двери (А. 10) нѣсколько приподнятъ надъ остальнымъ поломъ; въ этой части, носящей названіе *kerspel*, продѣлано небольшое отверстіе, въ которое могутъ проходить небольшія домашнія животныя, которыя и помѣщаются въ этомъ мѣстѣ. Одна изъ досокъ (А. 11) поднимается, и оттуда можно проникнуть въ подпольное помѣщеніе (*aksal*). Въ прежнее время, замѣчаетъ г. Гейкель, въ курныхъ избахъ полъ былъ земляной, изъ плотно убитой глины и земли; въ настоящее время еще встрѣчается, что доски, образующія полъ, стелятся непосредственно на землю. Этотъ обычай теперь исчезаетъ, и полы обыкновенно дѣлаются по русскому образцу. Налѣво отъ дверей ставится кровать (А. 12), спятъ также и на большой лавкѣ (А. 14); въ избахъ, гдѣ сильнѣе сказывается русское вліяніе, устраиваются полати. У задней стѣны, противъ двери, стоитъ нара (А. 4). Кромѣ другихъ скамеекъ, находится (А. 8) коникъ (также называемый и мордвой)—скамейка съ ящикомъ; мордовскій коникъ интересенъ тѣмъ, что въ его устройствѣ сохранились черты, давшія ему названіе. Боковая перегородка образуется изъ толстой рѣзной, поставленной стоймя доски, заканчивающейся грубымъ изображеніемъ конской головы или другого животнаго (рис. 23), и носящей названіе боранка. Скамейка (А. 7) дѣлается изъ толстыхъ бревенъ, на которыхъ покоится доска. Отъ печного столба (palman) (А. 2) идутъ двѣ жерди; одна болѣе толстая (брусокъ)—къ дверной стѣнѣ, другая болѣе тонкая и болѣе похожая на доску (лапапэ) ведетъ къ боковой стѣнѣ. Отъ пальмана къ задней стѣнѣ идетъ обыкновенно подвижная жердь (*olganä*), проходящая надъ очагомъ (*tolmalanga*), на одной высотѣ съ печью. Въ настоящее время она употребляется для просушки дерева, но, по очень вѣроятному предположенію г. Гейкеля, *olganä* служила прежде для прикрѣпленія на крючкѣ котла, подобно тому какъ это встрѣчается еще у чувашей въ ихъ курныхъ избахъ. Досчатый потолокъ покоится на основномъ бревнѣ. Мордовскій кудъ освѣщается двумя-тремя

Digitized by Google

стекольчатыми окнами, но во многихъ кудахъ встрѣчаются и волоковыя окна.

Оставляя въ сторонѣ другія подробности устройства куда, переходимъ къ описанію комнаты В (рис. 20), устроенной по русскому образцу. При входѣ, направо въ углу находится печь; отверстіе ея направлено къ противоположной входу стѣнѣ, къ окнамъ. Въ печномъ углу поставлено нѣсколько небольшихъ столбовъ (2) отъ которыхъ идетъ жердь къ противоположной боковой стѣнѣ. Комната раздѣлена перегородкой (3) на двѣ части; меньшая (4), находящаяся передъ печью, носитъ названіе чулана; отсюда черезъ люкп (7) ходъ въ подполье. Въ другой части комнаты (5) стоитъ кровать; кругомъ идутъ скамейки (6). Общее устройство аналогичной только что описанной комнатѣ, изображенной на рис. 21 В) разнится въ существенномъ отъ предыдущей тѣмъ, что тамъ поставлена такъ называемая голландская печь, вслѣдствіе чего и всему помѣщенію дается названіе «голландской избы».

Что касается внѣшности мордовской избы, то она въ значительной степени уклонилась отъ первобытнаго типа. На рисункѣ 18 видно устройство ея крыши; она двускатная, и сторона фасада украшена рѣзьбой, такъ-же, какъ и оконная рама (рис. 24 и 25). За отсутствіемъ камня мордвины строятъ свой кудъ на дубовыхъ столбахъ. Стѣны строятся не изъ круглыхъ балокъ, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ русскими, а изъ отесанныхъ; промежутки закладываются мхомъ и т. п. Верхняя балка боковой стѣны кладется часто такъ, что конецъ ея выдается надъ угломъ. На остовъ крыши стелятся сначала березовыя вѣтви, и уже на нихъ кладутся или доски, или, какъ это прежде было общеупотребительнымъ,—солома.

Кромѣ этого господствующаго типа мордовскихъ избъ, встрѣчаются, пишетъ г. Гейкель, и другія, которыя представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ него. Въ Тамбовской и Саратовской губ. встрѣчаются куды, въ которыхъ пространство между дверью и печью, представляющее въ господствующемъ типѣ возвышеніе—*kerspel* представляетъ наполовину закрытое и перегороженное отдѣленіе, входъ въ которое образуетъ небольшая дверь. Изъ этого помѣщенія ведетъ ходъ въ подполье. Указанное отдѣленіе служило зимнимъ помѣщеніемъ для овецъ и телятъ. «Впослѣдствіи мнѣ пришлось слышать», продолжаетъ г. Гейкель, «что и въ другихъ мѣст-

Digitized by Google

ностяхъ въ этомъ отдѣленіи держать зимой животныхъ», что подтверждается цитуемыми имъ печатными источниками конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Въ описанныхъ выше типахъ мы видѣли, что къ болѣе первобытному жилищу (кудъ) мордвины пристраиваютъ русскую избу, отдѣленную отъ первой сѣнями. Но встрѣчаются, преимущественно у ерзи, избы въ одинъ срубъ, устройство котораго обнаруживаетъ не только русское вліяніе, но прямое подражаніе русскимъ односрубнымъ избамъ. Типичнымъ для подобныхъ избъ является, по описанію г. Гейкеля, то, что дверь помѣщается не на боковой стѣнѣ, а на задней, противоположной фасаду, который, даже въ томъ случаѣ, когда изба стоитъ внутри двора, выходитъ окнами на улицу. Сѣней иногда не бываетъ; ихъ замѣняетъ крыльцо, сложенное изъ двухъ досокъ, на которыя ведутъ 2—3 ступеньки. Дверь отворяется во внутрь. Направо отъ входа печь, нижняя часть которой дѣлается изъ глины, а верхняя выкладывается кирпичомъ; печь снабжена трубой; печное отверстіе обращено къ окнамъ, выходящимъ къ улицѣ; оконъ обыкновенно въ этой стѣнѣ бываетъ два; третье прорубается въ боковой стѣнѣ, налѣво отъ входа. Печь не прислоняется непосредственно къ стѣнамъ, а между этими послѣдними и печью остается свободное пространство (*Kaštomo udalks*). Далѣе печь ставится не непосредственно на полъ, а на балку вышиной болѣе фута, вслѣдствіе чего подъ нею образуется свободное пространство—подпечье,—мѣстопребываніе дѣтей и мелкихъ домашнихъ животныхъ. Передняя часть печи обставляется деревомъ, иногда украшеннымъ рѣзьбой, хотя въ общемъ рѣзьба здѣсь гораздо проще, чѣмъ въ избахъ описанныхъ выше типовъ. На печь входятъ по деревяннымъ ступенькамъ; въ настоящее время часто устраиваются полати, прежде спали исключительно на нарахъ. Полъ досчатый покоится на перекладинахъ; иногда въ немъ устроенъ люкъ для входа въ подполье, хотя чаще въ подполье ведетъ отдѣльная наружная дверь. Кромѣ стекольчатыхъ оконъ, дѣлаются на входной стѣнѣ два волоковыхъ окна; иногда на задней стѣнѣ устраивается одно косящатое окно и по сторонамъ его два волоковыхъ. Кромѣ обычныхъ лавокъ, въ подобныхъ избахъ встрѣчается и коникъ, хотя и безъ рѣзныхъ украшеній, отличающихъ коники въ избахъ вышеописанныхъ. Черезъ комнату идетъ балка, поддерживающая потолокъ, который

Digitized by Google

стелется изъ досокъ; на послѣднія кладется сверху сначала глина, потомъ опилки и, наконецъ, земля. Крыша устраивается по описанному уже типу и кроется иногда дранью. Вмѣсто березовыхъ вѣтвей и коры часто употребляется липовая кора. Подполье устраивается слѣдующимъ образомъ: на нѣкоторомъ разстояніи отъ краевъ его обкладываютъ балками; пустое пространство отъ балокъ до стѣнъ засыпаютъ сухой землей, такъ что образуется нѣчто въ видѣ скамеекъ, на которыя и ставятъ на зиму картофель и т. п. Въ серединѣ подполья устраиваютъ яму, куда устанавливаютъ бочки съ квасомъ или пивомъ. Интересенъ сообщаемый г. Гейкелемъ фактъ, что, по вѣрованію мордвы, въ подпольѣ живетъ особый домашній духъ.

Переходя отъ восточной группы финновъ къ западной, остановимся прежде всего на корелахъ. Въ русской литературѣ существуетъ нѣсколько описаній корельскаго жилья; оно разобрано также у г. Гейкеля съ большою подробностью.

Общій характеръ жилыхъ построекъ русскихъ кореловъ заключается, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (стр. 110), въ томъ, что здѣсь вмѣстѣ соединены въ одно цѣлое отдѣльныя постройки, назначенныя для человѣка и для скота. Эта черта приближаетъ постройки русскихъ кореловъ къ типу, который мы видимъ у зырянъ, и рѣзко отдѣляетъ ихъ отъ жилищъ восточныхъ финновъ, гдѣ всѣ хозяйственныя постройки раскинуты во дворѣ,—черта, которую мы видѣли и у эстовъ, и у тавастовъ.

Далѣе, корельскіе дома, сравнительно, очень высоки, такъ какъ подъ жилымъ помѣщеніемъ находится обширный нижній этажъ. Это также накладываетъ на корельскія избы особый отпечатокъ. Но при болѣе близкомъ знакомствѣ выясняется, что въ основномъ планѣ жилища происходятъ, при развитіи его, тѣ-же перемѣны, какія мы видѣли у восточныхъ финновъ.

Одинъ изъ простѣйшихъ видовъ избъ олонецкихъ кореловъ представляетъ изба, описываемая г. Соборновымъ [1]), обыкновенная у бѣдныхъ кореловъ. Хотя и одноэтажная, она все-таки высоко поднята надъ землей; этотъ обычай поднятія жилого строенія

---

[1]) А. Соборновъ: Къ исторіи культуры олонецкой Корелы, въ Олонецк. Сборникѣ, I, стр. 135, 136.





надъ почвой объясняется значительной и постоянной влажностью почвы въ лѣтнее время и обширными снѣгами зимой, которые бываютъ такъ глубоки, что заносятъ все жилье до верхняго этажа. Сѣни, въ которыя входишь по лѣстницѣ, дѣлятъ постройку на двѣ части; одна дверь изъ сѣней ведетъ въ помѣщеніе, назначенное для храненія сѣна, соломы, саней и т. п.; другая половина, тоже соединенная съ сѣнями дверью, представляетъ жилое помѣщеніе; въ бѣдныхъ избахъ оно состоитъ изъ одной комнаты съ черною печью. Дымъ изъ печи выходитъ черезъ отверстіе въ потолкѣ, которое по выходѣ дыма закрывается доскою, одною стороною прикрѣпленною посредствомъ петель къ потолку; другая сторона этой доски подпирается палкой. По стѣнамъ идутъ лавки, вблизи которыхъ стоитъ столъ. Въ одномъ углу избы стоитъ ткацкій станокъ, въ другомъ образа, а подъ ними снарядъ для вязанья рыболовныхъ сѣтей. Въ этомъ жилищѣ нетрудно видѣть тупу, описанную нами выше у кореловъ, къ которой пристроено помѣщеніе для сѣна, саней и пр. У болѣе богатыхъ лѣстница бываетъ крыта; изъ верхняго сарая ведетъ лѣстница внизъ, въ хлѣвъ, въ который можно пройти и черезъ особую дверь съ наружной стороны.

Нѣсколько болѣе сложный типъ описанъ г. Гейкелемъ (стр. 124) въ числѣ корельскихъ построекъ Архангельской губ. Лѣстница приводитъ въ сѣни; дверь изъ сѣней направо вводитъ въ избу, налѣво въ горницу. Въ избѣ, въ лѣвомъ отъ входа углу, стоитъ печь. Къ горницѣ пристроенъ небольшой коровникъ, входъ въ который находится въ наружной стѣнѣ. Изба очень низка и стоитъ даже подчасъ непосредственно на землѣ. Къ этому типу относятся и описанныя П. Чубинскимъ [1]) избы архангельскихъ кореловъ. Особенность корельскихъ домовъ состоитъ, по словамъ Чубинскаго, въ томъ, что они выстроены глаголемъ, при чемъ задняя часть дома составляетъ вершину буквы Г, а лицевая, болѣе узкая, чаще выступаетъ впередъ. Войдя черезъ ворота въ сѣни, пишетъ цитуемый авторъ, вы подымаетесь вверхъ по лѣстницѣ. Здѣсь налѣво большею частью дверь въ чистую избу или свѣтелку, въ тѣхъ домахъ, гдѣ она есть, а направо сѣни, вродѣ

[1]) П. Чубинскій: Этногр. очеркъ Корелы. Тр. Арх. Стат. Ком. 1865. II, стр. 101.


Digitized by Google

коррuдора, отдѣляющія избу, въ которой живутъ, отъ повѣти. Большею частью противъ избы бываетъ клѣть или чуланъ. Въ нижнемъ этажѣ помѣщеніе для скота, хлѣвы для овецъ и большею частью подъ свѣтелкой нѣчто въ родѣ клѣти или чулана, или избы безъ оконъ. Печь, устроенная по русскому образцу, помѣщается большею частью на лѣвой сторонѣ отъ входа въ избу. Основаніе печи дѣлается изъ булыжнаго камня, а остальное изъ глины; кирпичей архангельскіе корелы не выдѣлываютъ.

Наконецъ, третій типъ въ развитіи корельскаго жилья является описываемая г. Соборновымъ (l. c.) изба, въ которой жилыя помѣщенія распредѣляются только по одну сторону сѣней, а по другую находится сарай. Жилое помѣщеніе дѣлится на переднюю и заднюю избы: въ первой стоитъ русская печь, лавки вокругъ стѣнъ и нары; здѣсь помѣщается все семейство. Задняя изба или горница убирается по-городски, со стульями; обѣ избы соединяются одной дверью. Иногда изъ горницы ведетъ особая дверь въ сѣни. Нижнее помѣщеніе подъ комнатой носитъ общее названіе карзина, въ ней хранятся припасы.

Описанные типы могутъ считаться, такъ сказать, основными, изъ которыхъ развивается довольно сложный планъ корельскаго дома. Г. Гейкель даетъ намъ нѣсколько примѣровъ ихъ, изъ которыхъ мы опишемъ только нѣкоторые. Начнемъ съ олонецкихъ. Рисунокъ 26 даетъ представленіе о наружности болѣе простого вида, рисунокъ 27 о наружности болѣе сложнаго вида корельскаго жилища. Рисунокъ 28 представляетъ сравнительно несложный планъ верхняго этажа дома. Изъ сѣней налѣво входъ въ избу (a), налѣво отъ входа въ углу печка (i), отверстіе ея обращено къ фасаду съ окнами. Изъ избы *a* дверь ведетъ въ горницу *b*. Сѣни соединяются стороной противъ входа съ сараемъ *c*, откуда лѣстница *d* ведетъ въ нижнее помѣщеніе, предназначенное для скота. Направо изъ сѣней дверь ведетъ въ клѣть *e*. Съ другой стороны въѣздъ *h* къ сараю; маленькіе амбары *f* и *g* стоятъ непосредственно на землѣ. Подъ верхнимъ этажемъ находится помѣщеніе для скота и пр. Планъ болѣе развитого корельскаго дома (рис. 27) виденъ на рис. 29, причемъ планъ подъ буквой *A* представляетъ нижній, подъ буквой *B* верхній этажъ. Чрезъ входъ *Ad*, называемый обыкновенно калидоръ, входишь въ сѣни нижняго этажа *Ac*, откуда лѣстница *e* ведетъ въ сѣни верхняго этажа *Bc*. Въ сѣни нижняго этажа можно

Digitized by Google

войти и черезъ помѣщеніе *Af*, находящееся по другую сторону главнаго помѣщенія. Изъ сѣней *Ac* одна изъ пяти устроенныхъ въ нихъ дверей ведетъ въ нижнее помѣщеніе *Aa*, другая—въ хлѣвъ *Ag* и третья въ клѣть *Ar*; четвертая и пятая двери, какъ сказано, служатъ входными. Въ сѣняхъ верхняго этажа четыре двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ жилое помѣщеніе *Ba*, вторая въ сарай *Bg*, третья и четвертая въ клѣти *Br* и *Bs*. Первая клѣть *Br* освѣщается окномъ, вторая *Bs* совершенно темна. Въ обоихъ этажахъ главнаго помѣщенія находятся жилыя комнаты (*Aa* и *Ba*) другъ надъ другомъ; каждая освѣщается двумя окнами, находящимися на лицевой сторонѣ дома. Въ нижнемъ этажѣ около комнаты *Aa* находится длинная и узкая клѣть *Ab*, имѣющая дверь на улицу. Въ верхнемъ этажѣ надъ этой клѣтью расположена горница *Bb*, соединенная съ комнатою *Aa* дверью и имѣющая окно. По лѣстницѣ *Bj*, ведущей изъ сарая *Bg* верхняго этажа внизъ, входишь въ хлѣвъ *Ag*. Лѣстница сверху прикрывается деревяннымъ люкомъ, а съ боковъ она закрыта досками. Въ хлѣвѣ два стойла *h* и *i*. Съ задней стороны зданія устроенъ въѣздъ *p* въ верхній сарай. Лошадей обыкновенно держатъ въ сараѣ верхняго этажа. Въ верхнемъ-же сараѣ *Bg* устроено помѣщеніе *q* для естественныхъ потребностей. Къ этимъ частямъ, образующимъ главное зданіе, впослѣдствіи пристроили части *Al* и *Bl*. *Bl*—представляетъ комнату, изъ которой по лѣстницѣ, ведущей отъ печки и прикрываемой ящикообразной крышкой, можно спуститься въ нижнее помѣщеніе *Al*. Сѣни *Bk* отдѣляютъ комнату *Bl* отъ горницы *Bm*; подъ горницей и сѣнями въ нижнемъ этажѣ устроены темныя помѣщенія *Ak* и *Am*. Войти въ сѣни *Bk* можно по наружной лѣстницѣ *n*, а затѣмъ чрезъ дверь въ сарай *Bg*. По словамъ г. Соборнова, нѣкоторыя избы имѣютъ родъ антресолей.

Описанный типъ корельскаго дома не является, однако, наиболѣе сложнымъ, но онъ достаточно обрисовываетъ ходъ развитія этого рода жилища. Домъ у архангельскихъ кореловъ представляетъ много общихъ чертъ съ только что описаннымъ. Г. Гейкель, со словъ г. Ерваста, подробно разбираетъ различные виды домовъ архангельскихъ кореловъ; мы ограничимся описаніемъ двухъ изъ нихъ. Рисунокъ 30 даетъ представленіе о наружномъ видѣ дома, рисунокъ 31 о внутреннемъ планѣ его. Лѣстница ведетъ въ сѣни *a* (рис. 31); направо отъ нихъ находится жилое помѣ-

Digitized by Google

щеніе *b*, а слѣва горница *c* и темная клѣть *d*. Въ углу, налѣво отъ входа, стоитъ печь. Шесть оконъ освѣщаютъ комнату. Въ нижнемъ этажѣ подъ комнатой устроена **карзина** — общее названіе для части нижняго этажа, находящейся подъ комнатой; подъ сѣнями—подклѣть. Изъ сѣней, противъ входа, ведетъ лѣстница внизъ въ нижнее помѣщеніе со стойломъ для скота *e* (*tanhua*), откуда выходъ наружу черезъ широкія ворота, видныя на рис. 30, другой выходъ въ хлѣвъ *f*, а оттуда въ коровникъ *h* и въ конюшню *g*. На рис. 30 видно, что надъ хлѣвомъ *f* устроенъ сарай къ которому ведетъ въѣздъ. Болѣе сложный планъ дома мы видимъ на рис. 32, хотя и здѣсь, какъ и въ предыдущемъ, сохраняется отмѣченная П. Чубинскимъ основная форма глаголемъ. Этотъ типъ г. Гейкель считаетъ особенно характернымъ для сѣверныхъ кореловъ. Изъ сѣней нижняго этажа идутъ съ двухъ сторонъ лѣстницы въ сѣни верхняго этажа (*j*). Направо отъ этихъ сѣней размѣщены: жилая комната *l*, проходъ *k* съ кроватью въ углу, еще комната *m* и помѣщеніе для храненія платья *n*. Кромѣ сѣней *j*, есть еще другія, большія сѣни *a*, изъ которыхъ съ одной стороны входъ въ комнату *b* и въ горницу *c*. Съ другой стороны входъ въ сарай *f* и въ клѣти *d* и *e*, изъ которыхъ послѣдняя темна. Подъ сѣнями *a* устроена подклѣть, полъ въ которой настолько низокъ, что какъ въ клѣти, такъ и въ сарай приходится подниматься по лѣстницамъ. Подъ комнатой *b* находится карзина, а подъ горницей *c*—клѣть, входъ въ которыя черезъ наружную дверь, устраиваемую подъ окнами съ лицевой стороны. Въ боковой комнатѣ—горницѣ *c*—дѣлаютъ обыкновенно два окна въ лицевой сторонѣ дома; на предложенномъ планѣ въ видѣ исключенія три окна. Подъ сараемъ *f* устроенъ хлѣвъ; въ сарай ведетъ подъѣздъ. Стойла *g*, *h*, *i* отдѣлены отъ остальной части дома и имѣютъ выходы наружу.

Г. Ервастъ сообщаетъ, что всѣ постройки архангельскихъ кореловъ строятся изъ неотесаннаго лѣса и не покрываются тесомъ. Крыша, по словамъ г. Соборнова (l. с.), двускатная, крытая тесомъ. У олонецкихъ кореловъ, по словамъ г. Гейкеля, печь такъ же, какъ и у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ, не имѣетъ въ настоящее время очага, но, по свидѣтельству П. Чубинскаго [1]), онъ еще

[1]) **Чубинскій**, l. с., стр. 102.


Digitized by Google

встрѣчался у архангельскихъ кореловъ; надъ нимъ въ котелкѣ готовили пищу. Этотъ-же авторъ сообщаетъ и подробности обстановки избы. Въ противоположномъ печи углу висятъ обыкновенно образа, старые и безъ всякихъ украшеній; въ этомъ же углу стоитъ столъ. Вокругъ стѣнъ — лавки. Около печи придѣлана лежанка, обшитая деревомъ, на которой спятъ. Кровати встрѣчаются большею частью лишь въ чистыхъ избахъ; въ послѣднихъ ставятся также стулья, количество которыхъ зависитъ отъ достатка хозяина; въ углу шкафикъ для посуды.

Переходя къ кореламъ (Гейкель, стр. 225—231), населяющимъ Финляндію, мы видимъ, что и тамъ современный домъ состоятельнаго хозяина развивается тѣмъ-же путемъ пристройки къ основному срубообразному типу. Въ отличіе отъ русскихъ кореловъ—финляндскіе располагаютъ свои хозяйственныя постройки во дворѣ, какъ это дѣлаетъ большинство финновъ. Рисунокъ 33 даетъ представленіе о внѣшнемъ видѣ средне-зажиточнаго дома, рисунокъ 34 о внутреннемъ его устройствѣ и планѣ двора. На этомъ планѣ сѣни *b* дѣлятъ домъ на двѣ половины; направо изба *a*, налѣво чистая горница *c* и узкая комната *d*, служащая для храненія молока и др. продуктовъ и соединяющаяся посредствомъ двери съ сѣнями. Старая горница *e* имѣетъ выходъ въ сѣни противъ входа [1]). Иногда двѣ теплыя избы располагаются по обѣимъ сторонамъ сѣней, а горница пристраивается къ сѣнной стѣнѣ, противоположной входу. Печи кладутся на помостъ изъ балокъ. Нижняя часть печей выкладывается изъ камней. Этотъ помостъ иногда выходитъ сбоку изъ-подъ печки и образуетъ большой ящикъ-голбецъ (*kolpitza*), который можно приподнимать; подъ нимъ лѣстница ведетъ въ подполье—*lautsia*. Карзина, какъ у русскихъ кореловъ, устраивается у финляндскихъ подъ печью, которую обставляютъ досками; въ этомъ помѣщеніи хранятъ зимой картофель, лѣтомъ—молоко и другіе напитки. Иногда карзиной финляндскіе корелы называютъ пространство между стѣной и задней стороной печи. У печного угла стоитъ довольно толстый столбъ, отъ котораго

[1]) Хозяйственныя постройки, размѣщенныя во дворѣ, слѣдующія: *f*—кота, *g*—баня, *h*— хлѣвъ, *i*, *i*—два стойла, *k*—конюшня и *l*—боковая комната для храненія съѣстныхъ припасовъ; надъ *k* и *l*—большой чердакъ, *m'*, *m''*, *m'''*—клѣти, *p*, *n*—риги, *o*—сарай, *r*, *s* и *u*—ворота рѣшетчатыя, *q*—дворъ, *t*—ворота, ведущія на проѣзжую дорогу и *w*—поле, засаженое картофелемъ.


Digitized by Google

идутъ двѣ толстыя низкія доски (*orsi*)—одна къ боковой, другая къ задней стѣнкѣ комнаты. Печь находится обыкновенно въ лѣвомъ отъ входа углу, причемъ печное устье направлено къ лицевой сторонѣ дома, въ которой находятся одно—два окна. Передъ печью устроенъ очагъ, надъ которымъ на крючкѣ виситъ котелъ. Печь закрывается заслонкой — деревянной или жестяной. Потолокъ поддерживается 2 — 5 балками, кромѣ того, поперечная балка (*pittaorsi* или *sidehirsi*) проходитъ на локоть ниже потолка, посрединѣ комнаты. Полъ досчатый, покоящійся на балкахъ. Кругомъ избы идутъ скамьи, лежащія часто на толстыхъ обрубкахъ; кромѣ того, г. Гейкель (стр. 227) изображаетъ переносную скамью, представляющую дальнѣйшее развитіе первобытной скамьи, встрѣчающейся у пермяковъ и зырянъ; обрубокъ на корельской скамьѣ сглаженъ и представляетъ подобіе толстыхъ ножекъ, а корни, образующіе у пермяковъ сидѣнье, переходятъ въ грубую доску съ развилкой на концѣ; вся скамья сдѣлана изъ одного куска. Далѣе въ избѣ финляндскаго корела стоитъ столъ (безъ ящика), но того-же типа, который часто встрѣчается у волжскихъ финновъ, а на стѣнѣ у входа виситъ шкафикъ для посуды. У стѣны, между печью и лицевой стѣнкой, стоитъ кровать, которая мѣстами сохранила еще свою первобытную форму: она снабжена досками сбоку и съ однаго конца и ставится на стѣнную скамью, причемъ ее подпираютъ столбикомъ, поставленномъ на землѣ.

Живущіе въ Финляндіи саволаксы (Гейкель, стр. 231 и слѣд.), вѣтвь кореловъ, представляютъ въ своихъ жилищахъ много общихъ чертъ съ финлядскими корелами, хотя въ способѣ пристройки отдѣльныхъ частей зданія иногда замѣчается и различіе. Примѣромъ можетъ служить изображенный планъ при рисункѣ 35, дающій представленіе о саволакскомъ домѣ. Изъ сѣней *b* налѣво входъ въ комнату *a*; другія двѣ двери изъ сѣней ведутъ въ горницу *c* и въ промежуточное пространство *d*; наконецъ, пятая дверь изъ сѣней ведетъ черезъ небольшое, полуоткрытое помѣщеніе въ горницу *e* (*eteistupa*) и въ *f* — помѣщеніе для храненія съѣстныхъ припасовъ. Иногда, впрочемъ, по обѣ стороны сѣней находятся двѣ жилыя комнаты. Печи ставятся въ лѣвомъ отъ входа углу; ихъ устье обращено къ лицевой сторонѣ; оконъ на этой сторонѣ — одно-два. На боковыхъ стѣнахъ, противоположныхъ тѣмъ, у которыхъ стоитъ печь, продѣлываются такъ-же окна,

Digitized by Google

какъ и у кореловъ; наконецъ, окна (волоковыя), какъ у этихъ послѣднихъ, помѣщаются иногда у задней стороны дома. Въ саволакскомъ домѣ поперекъ комнаты проходитъ толстая балка (мѣсто выхода ея наружу видно на рис. 35), на которой покоятся поддерживающія потолокъ балки. Печь снабжена, какъ и у кореловъ, очагомъ, надъ которымъ виситъ котелъ на крючкѣ. У болѣе состоятельныхъ саволаксовъ на дворѣ стоитъ отдѣльно болѣе новая постройка, предназначенная для гостей (*wierastupa*); она отличается большей чистотой; обыкновенно въ ней находится «голландская» печь. Такія избы строятся всюду въ восточной и средней частяхъ Финляндіи, гдѣ основной домъ недостаточно великъ, чтобы размѣстить гостей.

Въ Остерботніи мы снова наталкиваемся на систему построекъ, близкую, по словамъ г. Гейкеля, къ типу русско-корельскому (Гейкель, стр. 252 и слѣд.) Здѣсь часто встрѣчаются двухэтажные дома, соединяющіе подъ одною крышей разныя хозяйственныя помѣщенія. Но, какъ это будетъ явствовать изъ дальнѣйшаго описанія, остерботнійскіе дома далеко не достигли въ степени соединенія построекъ того развитія, которое мы видѣли у русскихъ кореловъ. Эту разницу легко усмотрѣть при сравненіи домовъ русскихъ кореловъ съ рисункомъ 36, изображающимъ остерботнійскій домъ. На прилагаемомъ рисункѣ мы видимъ, что часть крыши ниже другой; болѣе низкая часть крыши находится надъ старой избой, къ которой впослѣдствіи была пристроена болѣе новая, съ болѣе высоко поднятой крышей. На планѣ (рис. 37) мы видимъ внутреннее расположеніе этого-же дома: I—входная лѣстница, крыльцо, которое ведетъ въ сѣни (II); изъ сѣней направо входъ въ старую избу (III) pirtti, въ которой находятся: *a*—печь, *b*—скамейки, *c*—столъ, *d*—шкафики, *e*—прялка, *t*—лежанка на печкѣ и *i*—корзина. Далѣе налѣво изъ сѣней входъ въ новую избу (IV) tupa, въ которой помѣщается почти все то-же, что и въ старой (отмѣчены на планѣ тѣми-же буквами) и, кромѣ того, постели (*g*). Четвертая дверь изъ сѣней, противоположная входной, ведетъ въ кухню (V), а пятая—въ помѣщеніе для храненія молока (VI), которое соединяется съ другимъ помѣщеніемъ того-же назначенія (VII). Расположеніе печей и оконъ съ достаточной ясностью видно на планѣ. Чтобы дать болѣе ясное представленіе объ остерботнійскомъ домѣ, приводимъ еще планъ (рис. 38, см. рядомъ съ рис. 24) и

Digitized by Google

объясненіе къ нему. Домъ двухэтажный *A*—нижній, *B*—верхній этажъ. Изъ сѣней *Aa* дверь направо ведетъ въ избу *Ab* (*asuintupa*); направо въ углу—печь; въ комнатѣ разставлены скамьи вдоль стѣнъ, столъ, постели и пр. Налѣво изъ сѣней входъ въ помѣщеніе *d*, которое у бѣдныхъ служитъ кладовой или помѣщеніемъ для храненія молока, у болѣе богатыхъ является парадной комнатой съ кафельной печью, обоями и пр. Помѣщеніе *c* служитъ для храненія съѣстныхъ припасовъ. Къ комнатѣ *a* примыкаютъ комнаты *e* и *f*, изъ которыхъ первая служитъ спальней хозяевамъ, а вторая предназначена для гостей. Изъ сѣней лѣстница ведетъ въ верхній этажъ *B*. Въ немъ находятся два чердачныхъ помѣщенія (*a* и *b'*), далѣе комната (*c'*); въ которой живутъ обыкновенно сыновья, и *f'*—помѣщеніе дочерей, *e'*, *e'* и *d'*—чердачныя помѣщенія, изъ которыхъ послѣднее иногда приспособляется для жилья. [1]) Приведенныя нами описанія расположенія помѣщеній въ остерботнійскомъ домѣ указываютъ, что если принципъ соединенія разныхъ зданій подъ одной крышей и имѣетъ здѣсь мѣсто, то онъ примѣняется совершенно иначе, чѣмъ въ домахъ русскихъ кореловъ и зырянъ. Въ самомъ дѣлѣ, у двухъ послѣднихъ народностей мы видимъ стремленіе соединить подъ одной крышей все хозяйство, по крайней мѣрѣ все, что является наиболѣе существеннымъ въ жизни корела и зырянина. У олонецкихъ кореловъ это соединеніе идетъ такъ далеко, что, по словамъ В. Майнова[2]), дворъ почти совершенно уничтожается. Подчасъ только бани стоятъ отдѣльно; всѣ-же остальныя хозяйственныя постройки находятся подъ одной крышей съ жилымъ помѣщеніемъ, либо въ непосредственной близости отъ послѣдняго: здѣсь стоитъ скотъ, наверху, въ сараѣ хранятся телѣги, сельскохозяйственныя орудія, сѣно, солома и пр. Другое дѣло остерботнійскій домъ: хозяйственныя постройки расположены на дворѣ. Подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ находятся только кладовыя, въ которыхъ хранится лишь то, что необходимо для домашняг обихода, а не для хозяйства въ болѣе широкомъ смыслѣ. Развитіе русско-корельскаго и зырянскаго дома идетъ путемъ присоединенія къ остальному жилому помѣщенію хозяйственныхъ службъ, а развитіе остерботнійскаго дома,

[1]) Рисунокъ *C* изображаетъ расположеніе разнаго рода хозяйственныхъ приспособленій по стѣнамъ и поперечнымъ балкамъ въ комнатѣ *Ab*.

[2]) Майновъ: Поѣздка въ Обонежье и Корелу, стр. 275


Digitized by Google

наоборотъ, идетъ путемъ увеличенія числа и размѣровъ жилыхъ помѣщеній. Если въ разсмотрѣнныхъ нами саволакскихъ домахъ, какъ и въ домахъ финляндскихъ кореловъ, находятся, напр., двѣ жилыхъ комнаты справа и слѣва отъ сѣней, то въ остерботнійскомъ домѣ мы видимъ къ нимъ лишь дальнѣйшія пристройки такихъ-же жилыхъ комнатъ, при чемъ при разрастаніи семьи число комнатъ, если это позволяетъ благосостояніе ея, увеличивается, а также утилизируется и чердачное помѣщеніе. Это различіе въ цѣляхъ, которыя руководятъ при развитіи и расширеніи дома, накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на остерботнійскіе дома, въ отличіе отъ русско-корельскихъ и зырянскихъ, и не позволяетъ намъ, какъ это дѣлаетъ г. Гейкель, видѣть въ развитіи остерботнійскихъ домовъ тотъ же принципъ, какъ и въ послѣднихъ. Ближайшее знакомство съ домами финляндцевъ въ другихъ мѣстностяхъ Финляндіи лишь подтвердитъ высказанное нами положеніе.

Г. Гейкель (стр. 270 и слѣд.) даетъ слѣдующее описаніе жилого помѣщенія, характернаго для центра области, населенной тавастами. По лѣстницѣ входишь въ обширныя сѣни, въ которыхъ находятся двѣ двери: одна ведетъ въ хозяйскую комнату—избу, другая—въ комнату, назначенную для гостей или для изготовленія пищи. Дверь противъ входа въ сѣняхъ ведетъ къ небольшой пристройкѣ, въ которой помѣщается обыкновенно кухня и горница или только одна горница. Около угла, образуемаго главнымъ зданіемъ и пристройкой, устраивается небольшая дверь, черезъ которую можно пройти въ находящіяся за домомъ хозяйственныя пристройки. Хозяйская комната (pirtti) играетъ наиболѣе важную роль въ каждодневной жизни таваста: здѣсь обѣдаютъ, работаютъ, пекутъ хлѣбъ, если для этой цѣли не устроено на дворѣ отдѣльное помѣщеніе, и готовятъ пищу, когда нѣтъ въ домѣ особой кухни. Ее строятъ изъ лучшаго лѣса; бревна отесаны снаружи и внутри. Полъ плотный, деревянный; между досчатымъ потолкомъ и крышей находится обширное чердачное помѣщеніе. Въ углу, у входной стѣны, ставится печь; она занимаетъ $^1/_5$—$^1/_6$ часть помѣщенія и кладется—нижняя часть изъ крупныхъ камней, верхняя—изъ кирпичей или мелкихъ неотесанныхъ камней; вся она покрывается глиной и выбѣливается известью. Около печи устраивается печь для приготовленія хлѣба. Печь снабжена хорошо устроенной трубой. Около печи же, въ углу, устраивается еще очагъ, съ трубой,

Digitized by Google

соединяющейся съ печной трубой; надъ очагомъ вѣшаютъ на крюкѣ котелъ. Комната освѣщается стекольчатыми окнами, изъ которыхъ два находятся на боковой стѣнѣ, и одно—на лицевой. Въ стѣнѣ, около печи находится люкъ, закрываемый доской. По стѣнамъ идутъ лавки; въ углу, образуемомъ этими послѣдними, между лицевой и боковой стѣнами, стоитъ столъ, доска котораго въ прежнее время изготовлялась изъ одного куска дерева. Въ этомъ углу—почетное мѣсто, которое занимаетъ за обѣдомъ хозяинъ.

Въ описанномъ типѣ тавастскаго дома мы уже видимъ, что къ основнымъ частямъ—сѣнямъ съ двумя комнатами по сторонамъ—пристраивается еще комната и кухня. Съ развитіемъ благосостоянія количество комнатъ увеличивается, и на рис. 39 мы встрѣчаемся съ планомъ тавастскаго двора, въ которомъ жилое помѣщеніе чрезвычайно обширно: №№ 1 и 2 плана—кладовыя, 3—проѣздъ съ воротами, 4—новая конюшня, 5—сарай; 6—8, 10, 13 и 14—комнаты съ кафельными печами, 9—кухня, 11—сѣни, 12—изба (pirrti), 15—помѣщеніе для приготовленія хлѣба, 16—навѣсъ, 17—конюшня, 18 и 26—коты, 19 и 20—бани, 21 и 22—риги, 23—амбаръ, 24—простая клѣть, 25, 27 и 30—сараи, 28—амбаръ для храненія зерна и 29—коровникъ. Въ только что объясненномъ планѣ, который можетъ также служить и типомъ двора зажиточнаго таваста, мы замѣчаемъ, что къ основному жилому помѣщенію (сѣни, кухня и изба №№ 9, 11 и 12) пристроены сначала комнаты №№ 10, 13 и 14, а затѣмъ, съ увеличеніемъ благосостоянія, и комнаты №№ 6—8. Подъ одной крышей мы встрѣчаемъ здѣсь значительное количество помѣщеній, служащихъ для жилья и для домашнихъ нуждъ; главное отличіе отъ остерботнійскаго дома заключается въ томъ, что описанный тавастскій домъ одноэтажный; но принципъ, приводящій къ развитію его, тотъ-же, что и остерботнійскаго. Какъ тамъ, такъ и здѣсь матеріальное благосостояніе позволяетъ не ютиться больше въ одной или двухъ комнатахъ, позволяетъ пристроить отдѣльныя помѣщенія для взрослыхъ членовъ семьи, но ни въ остерботнійскомъ, ни въ тавастскомъ домѣ мы не замѣчаемъ стремленія объединить подъ одной кровлей все хозяйство. Г. Гейкель въ устройствѣ тавастскаго дома и не отмѣчаетъ этой черты; тѣмъ болѣе страннымъ кажется, что въ остерботнійскомъ домѣ, который развивается по тѣмъ-же законамъ, какъ и тавастскій, онъ видитъ черты, позволяющія ему сблизить его съ русско-корельскимъ типомъ.

Digitized by Google

Въ домахъ Остерботніи и Тавастляндіи мы имѣемъ примѣры высшаго развитія жилища у финновъ; описанныя нами жилыя помѣщенія не подходятъ къ понятію, соединяемому обыкновенно съ выраженіемъ *изба*; это дома, центромъ которыхъ лишь является изба, вокругъ которой группируются другія комнаты.

Переходя отъ этихъ типовъ къ жилищамъ эстовъ, мы видимъ, что они далеко не достигли того развитія, какъ у ихъ сѣверныхъ сосѣдей-финляндцевъ. Уже по внѣшнему виду, пишетъ г. Гейкель (стр. 161), эстонскіе дома производятъ своеобразное впечатлѣніе. Сравнительно низкія стѣны, выстроенныя частью изъ дерева, частью изъ песчаника, поддерживаютъ несоразмѣрно большую, тяжелую четырехскатную крышу, крытую соломою (см. рис. 13). Хотя эстонскіе дома и кажутся на первый взглядъ совершенно чуждыми и взятые въ общихъ чертахъ представляютъ своеобразный типъ построекъ, тѣмъ не менѣе при ближайшемъ ознакомленіи видно, что они въ существенныхъ частяхъ своихъ примыкаютъ къ типамъ, которые мы видѣли у волжскихъ народностей и въ Финляндіи. Общая черта современныхъ эстонскихъ домовъ, говоритъ А. Д. Солодовниковъ [1]), заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: помѣщенія для жилья и хозяйственнаго помѣщенія. Этотъ типъ, по словамъ цитуемаго автора, является характернымъ для жилища крестьянъ-арендаторовъ Эстляндской губ., въ то время какъ бобыли, элементъ болѣе бѣдный, довольствуются описаннымъ выше жилищемъ, первобытнымъ срубомъ. Г. Гейкель подводитъ жилища эстонцевъ къ четыремъ главнымъ типамъ, но, строго говоря, они представляютъ лишь частныя видоизмѣненія основного плана. Изба средней руки эстонскаго крестьянина представляетъ, по словамъ А. Д. Солодовникова, зданіе, саженъ 6—10 длины и 3—4½ сажени ширины. Сѣни дѣлятъ зданіе на двѣ части: жилое помѣщеніе, которое обыкновенно строится изъ дерева, и хозяйственное, выведенное обыкновенно изъ камня и только у бѣднѣйшихъ выстроенное изъ дерева. Жилое помѣщеніе дѣлится обыкновенно на нѣсколько комнатъ. Г. Гейкель описываетъ, какъ простѣйшій типъ жилища эстонцевъ, избу, въ которой по одну сторону сѣней находится только одна комната, а по другую одно помѣщеніе для

---

[1]) Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.


Digitized by Google

хозяйственныхъ цѣлей (см. выше). У болѣе состоятельныхъ лицъ въ домахъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, къ сѣнямъ, которыя служатъ одновременно чуланомъ и мѣстомъ складки хозяйственныхъ принадлежностей, примыкаетъ съ правой стороны чистая комната, назначенная для хозяевъ (*каммеръ*); она соединяется съ сѣнями дверью. Каммеръ служитъ и столовой, и рабочей, и пріемной комнатой хозяевъ. Изъ нея обыкновенно ведутъ двѣ двери: одна въ такъ называемую *тагумэнэ-каммеръ*, служащую спальней для хозяевъ и дѣтской, другая — въ самое обширное помѣщеніе — *тубу*, которая служитъ въ настоящее время кухней и вмѣстѣ съ тѣмъ помѣщеніемъ для взрослыхъ сыновей и рабочихъ. Туба соединяется дверью съ сѣнями (*ускаязинъ*). По другую сторону сѣней находятся хозяйственныя пристройки, одно, соединенное дверью съ тубой, носитъ названіе *рехе-алумэ*; въ немъ хранится еще не обмолоченный хлѣбъ и болѣе цѣнныя вещи хозяйственнаго инвентаря. Изъ рехе-алумэ большія двустворчатыя ворота ведутъ во дворъ. Другое помѣщеніе, соединенное дверью съ рехе-алумэ, служитъ иногда складочнымъ мѣстомъ зерноваго корма для скота, а иногда чуланомъ; оно называется *ладу*. Присматриваясь ближе къ устройству жилища у эстовъ, пишетъ А. Д. Солодовниковъ, „мы видимъ здѣсь ту же тубу, тотъ-же ускаязинъ, что встрѣчается и въ бобыльей избѣ; лишними комнатами являются каммеръ и тагумэнэ-каммеръ, расположенныя притомъ обыкновенно съ боку отъ тубы и ускаязина“. Въ устройствѣ эстонскаго дома мы замѣчаемъ почти всюду отмѣченную нами ту же группировку болѣе позднихъ пристроекъ къ основному перту-тубѣ.

Г. Гейкель (стр. 174) помѣщаетъ изображеніе нѣсколькихъ типовъ эстонскихъ жилищъ, которыя представляютъ болѣе или менѣе разнообразную группировку отдѣльныхъ помѣщеній вокругъ тубы (рис. 40). На планѣ *X*, изображающемъ домъ около Леаля (Эстляндской губ.), мы видимъ *a* — туба, *b* — сѣни (*toa ezine*), *c* — *laut* или рехе-алумэ, *d* — каммеръ, *e* — маленькая каммеръ (*tillukene kamber*), *f* — зимнее помѣщеніе для скота, *g* — лѣтнее помѣщеніе и *h*—свиной хлѣвъ.

Планы *Y* и *Z* представляютъ эстонскіе дома въ Лифляндской губ. (Пайстель). Въ нихъ, по справедливому замѣчанію г. Гейкеля (стр. 174), характерно то, что тубы *a* лишены свѣта, такъ какъ онѣ окружены со всѣхъ сторонъ комнатами; *d*, *c* и

Digitized by Google

*e*—жилыя помѣщенія, *b*—сѣни; на планѣ *Z* въ сѣняхъ отдѣлено небольшое помѣщеніе *k*, служащее для храненія провизіи (*sahwer* или *toidukammer*), называемое иногда также холодной комнатой — *külmkammer*. Далѣе, съ другой стороны тубы *a* устроены также сѣни *h*, около которыхъ помѣщается холодная комната *i*, соотвѣтствующая комнатѣ *k*; *j*—сарайчикъ, относящійся къ рехеалуме *c*, этому сарайчику на планѣ *Y* соотвѣтствуетъ комната *l*; *m* на послѣднемъ и *l* на планѣ *Z* — свиные хлѣвы; *f* и *g* на пл. *Z*—пристроенныя жилыя помѣщенія. Въ описанномъ домѣ (*Z*) только въ комнатахъ *f* и *g* полъ былъ досчатый; въ другихъ—онъ былъ земляной или покрытый каменными плитами. Часто случается, по словамъ автора, что часть комнаты покрыта досчатымъ поломъ, часть — сохраняетъ земляной. Въ болѣе новыхъ помѣщеніяхъ встрѣчаются вмѣсто простыхъ печей плиты. Мы не будемъ слѣдовать за г. Гейкелемъ въ его описаніи подробностей видоизмѣненій плановъ эстонскихъ домовъ: какъ-бы ни группировались отдѣльныя помѣщенія, для нашихъ цѣлей достаточно отмѣтить, что центромъ группировки всегда является туба, т.-е., первобытный срубъ, отмѣченный нами у большинства финскихъ народностей, какъ основа развитія современной избы. Отмѣтимъ въ качествѣ интересной и важной подробности для исторіи развитія эстонскаго жилья, что, по словамъ г. Гейкеля, эстонцы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ названіе своему жилищу, какъ цѣлому—*saun* (баня, землянка) и что сѣни иногда называются *koda* (шалашъ).

Г. Гейкель отмѣчаетъ также, что у эстонцевъ домъ обыкновенно отапливается одной печью. Эту же особенность замѣчаетъ и А. Д. Солодовниковъ. До настоящаго времени, по словамъ послѣдняго, печь въ большинствѣ случаевъ устраивается безтрубной, такъ что туба является курной избой. „Помѣщики, пишетъ онъ, отдавая въ аренду землю, строили для своихъ арендаторовъ иногда дома и съ трубными печами, но крестьяне очень неохотно шли на это и предпочитали оставаться на участкахъ, гдѣ были курныя избы. Этотъ фактъ заставлялъ нѣкоторыхъ изслѣдователей эстонскаго быта (напр. Крузе) предполагать, что эстонцы не желаютъ лучшихъ домовъ“. Этой „привязанности“ эстонцевъ къ курнымъ избамъ авторъ даетъ слѣдующее объясненіе: съ одной стороны, помѣщики, устроившіе лучшія жилыя помѣщенія, возвы-

Digitized by Google

шали вмѣстѣ съ тѣмъ и арендную плату; съ другой—такъ какъ лѣсъ является въ Эстляндской губ. собственностью помѣщика, а не крестьянъ, то пользованіе печью съ трубою должно было накладывать лишнія обязательства на послѣднихъ. Для того чтобы сдѣлать присутствіе дыма въ жиломъ помѣщеніи болѣе сноснымъ, устраивается передъ наружной входной дверью еще „полудверь"—санга, она препятствуетъ входу холоднаго воздуха, когда открываютъ наружную дверь для выпусканія дыма. Печи съ трубами появляются обыкновенно у богатыхъ крестьянъ, которые выкупили свои участки. Съ улучшеніемъ отопленія идетъ и улучшеніе во внутренней обстановкѣ дома, въ которой эстонецъ стремится подражать помѣщикамъ [1]).

Выше мы указывали, что крыша придаетъ особый характеръ эстонской избѣ. На всѣхъ домахъ, пишетъ М. П. Веске, крыши такъ называемыя „шатровыя", четырехскатныя, при чемъ на узкихъ сторонахъ сдѣлано снаружи углубленіе, которое съ внутренней стороны представляетъ форму свода и называется *kelp* [2]). Къ балкамъ, составляющимъ основу крыши, прикрѣпляются жерди, лежащія параллельно стѣнѣ дома; на нихъ кладется солома; она укрѣпляется деревянными рогатками, которыя ставятся сверху, на острый конецъ крыши (Гейкель, стр. 206).

Относительно способовъ устройства жилищъ у почти вымершихъ въ настоящее время ливовъ извѣстно очень мало; свѣдѣнія, хотя и далеко не полныя, но достаточныя для того, чтобы отыскать въ ливскомъ домѣ черты, общія жилищамъ остальныхъ финскихъ народностей, находятся въ статьѣ пастора Липпа [3]). Ворота ведутъ во дворъ, на одной сторонѣ котораго стоитъ клѣть, на другой — жилой домъ, обращенный къ внутренности двора своей длинной стороной; дальше стоятъ еще клѣть и кухня; за ними—помѣщеніе для скота, баня и рига. Дверь въ концѣ длинной стѣны жилого дома ведетъ въ сѣни — большое темное помѣщеніе безъ окна· на глиняномъ полу устроенъ первобытный очагъ изъ камней. Дымъ проходитъ черезъ скважины крыши. Изъ сѣней дверь ведетъ въ собственно жилую комнату. Полъ въ послѣдней

---

[1]) А. Д. Солодовниковъ: Жилище эстонцевъ.

[2]) Веске: Славяно-финскія культурныя отношенія, стр. 219, примѣч.

[3]) Lipp. Die Liven. Sitzungsb. d. Gel. Estn. Ges. zu Dorpat. 1889, стр. 94, 95.


Digitized by Google

обыкновенно досчатый, окна маленькія, потолокъ низкій. Печь, обыкновенно выбѣленная, находится въ углу, но прислонена только къ задней стѣнѣ, такъ какъ она отапливается изъ сѣней, которыя носятъ названіе *liesi-koda*; въ печи, въ части ея, выходящей въ жилую комнату, устраивается отдушникъ, прикрываемый кирпичомъ. По обѣимъ сторонамъ печи идутъ скамейки. Эти послѣднія поставлены и въ другихъ частяхъ комнаты; стулья рѣдки. Въ комнатѣ устанавливаются столъ, шкафъ, постель и пр.

Не имѣя въ распоряженіи другихъ, болѣе подробныхъ литературныхъ данныхъ о ливскомъ домѣ, мы затрудняемся сказать, слѣдуетъ-ли считать описанный пасторомъ Липпомъ типъ господствующимъ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ онъ представляетъ много архаичныхъ чертъ, въ настоящее время уже утраченныхъ у большинства финскихъ народностей. Въ общемъ расположеніе хозяйственныхъ построекъ во дворѣ, обращеніе фасада и входа во дворъ у ливовъ являются характерными чертами устройства финскихъ домовъ. Въ планѣ дома не трудно отличить первобытный срубъ безъ сѣней, къ которому пристроена позднѣе комната. Въ этомъ отношеніи описанный типъ ливскаго дома является примѣромъ одного изъ простѣйшихъ способовъ расширенія жилого помѣщенія.

При описаніи устройства домовъ у западныхъ финновъ мы не останавливались подробно на формѣ печей, такъ какъ онѣ представляютъ собой много общаго и отличаются въ значительной степени отъ печей у волжскихъ финновъ. Въ исторіи развитія очага у финновъ можно наблюдать слѣдующія главныя формы развитія: первобытный очагъ замѣняется сначала чуваломъ, т.-е. очагомъ съ трубой или каменкой; развитіе этихъ послѣднихъ приводитъ къ печи, но сохраняющійся обычай готовить себѣ пищу въ котлахъ заставляетъ или вмазываетъ котелъ въ печь или передъ печью устраивать еще очагъ. Послѣдній обычай почти совершенно вышелъ изъ употребленія у нѣкоторыхъ волжскихъ финновъ (мордва, горные черемисы), по основательному мнѣнію г. Гейкеля, подъ русскимъ вліяніемъ, такъ какъ въ русскихъ избахъ не чувствуется нужды въ очагѣ, вслѣдствіе обыкновенія готовить себѣ пищу въ горшкахъ, которые прямо ставятся въ печь. У волжскихъ народностей, далѣе, подъ тѣмъ-же вліяніемъ русскихъ, печь ставится на бревенчатую раму. Указанными двумя чертами устройство печи

Digitized by Google

у восточныхъ финновъ разнится, по мнѣнію г. Гейкеля, отъ устройства ея на западѣ; далѣе, въ положеніи печи на западѣ сохранился болѣе древній обычай обращать устье печи къ двери, въ то время какъ восточные финны почти исключительно обращаютъ устье къ фасадной стѣнѣ, освѣщенной окнами. У эстовъ и финновъ (Гейкель, стр. 328—330), если откинуть отдѣльныя исключенія, является типичнымъ 1) то, что печь оставится непосредственно на полъ, такъ что бревенчатая рама не употребляется, и 2) что печь соединяется обыкновенно съ очагомъ, при чемъ послѣдній подвергся значительнымъ перемѣнамъ. Хотя очагъ въ первобытномъ своемъ видѣ общеупотребителенъ у эстовъ и въ Финляндіи, онъ въ своемъ развитіи достигъ формы, извѣстной въ Финляндіи подъ названіемъ *takka* (рис. 41). Этотъ типъ очага, относительно происхожденіи котораго изъ чувала едва-ли можетъ быть сомнѣніе, встрѣчается и у эстовъ, хотя наибольшаго развитія онъ достигъ и является общеупотребительнымъ въ юго-западныхъ частяхъ Финляндіи, т.-е. въ области, населенной тавастами, для жилища которыхъ онъ является особенно характернымъ. Соединеніе очага съ печью привело къ двумъ господствующимъ формамъ. Открытый очагъ устраивается *передъ* печнымъ устьемъ (рис. 42); надъ нимъ привѣшивается котелъ. Эта форма весьма часто встрѣчается у эстовъ и кореловъ, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей, впрочемъ не совсѣмъ справедливое названіе *эстонско-корельской*. Дальнѣйшее развитіе этого типа у западныхъ финновъ привело къ появленію болѣе сложныхъ формъ печей, извѣстныхъ у эстовъ, кореловъ и финляндцевъ. Примѣрами могутъ служить рис. 43 и 44. Къ этому типу принадлежали, пишетъ г. Гейкель, и печи у волжскихъ финновъ въ прежнее время. „Онъ, несомнѣнно, возникъ уже въ древнее время, хотя утверждать, что онъ появился до раздѣленія славянами финновъ на восточныхъ и западныхъ и было-бы слишкомъ смѣлымъ“ [1]). Во всякомъ случаѣ его слѣдуетъ считать болѣе древнимъ, чѣмъ вторая форма, заключающаяся въ томъ,

[1]) Мы видѣли, что г. Гейкель отмѣчаетъ этотъ-же типъ у луговыхъ черемисовъ и видитъ слѣды его и у мордвы. Относительно послѣдней онъ ссылается на русскіе литературные источники, согласно которымъ оказывается, что въ прежнее время мордва готовила себѣ пищу исключительно въ котлахъ. Далѣе этотъ-же типъ соединенія очага съ печью мы отмѣчали у вотяковъ, со словъ г. Бехтерева и г. Богаевскаго.



Digitized by Google

что *около* печи возводится очагъ *takka*, такъ что устья печи и очага отдѣлены стѣнкой (рис. 45). Эта форма продолжаетъ развиваться и принимать болѣе сложный видъ. Она является господствующей въ Остерботніи и извѣстна также и въ Скандинавіи, вслѣдствіе чего г. Гейкель даетъ ей названіе *скандинавско-остерботнійской*.

У описанныхъ нами восточныхъ и западныхъ финновъ мы могли отмѣтить одну общую черту, одну руководящую идею при расширеніи своего жилища; несмотря на кажущееся различіе достаточно анализировать планы, чтобы убѣдиться, что законы развитія современнаго типа жилья были одинаковы у разныхъ финскихъ народностей: преимущественное различіе заключается въ той ступени, на которой остановилось у различныхъ финскихъ народностей развитіе плана дома. Но это единообразіе касается преимущественно лишь плана и отчасти внутренняго устройства жилья. Если обратить вниманіе и на внѣшность, мы будемъ поражены существующими рѣзкими различіями въ устройствѣ домовъ по народностямъ. Въ предыдущемъ описаніи разныхъ типовъ домовъ мы неоднократно останавливались и на ихъ внѣшности, и достаточно бѣглаго взгляда на приложенные рисунки жилищъ мордвы, кореловъ и эстовъ, чтобы убѣдиться, что каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый отпечатокъ. Главная причина этихъ различій объясняется, конечно, вліяніемъ разнообразныхъ болѣе культурныхъ сосѣдей на финновъ. Прежде, однако, чѣмъ приступить къ уясненію себѣ вопросовъ, въ чемъ собственно сказалось это вліяніе, укажемъ еще на нѣкоторыя черты, которыя внѣ зависимости отъ посторонняго вліянія накладываютъ особый отпечатокъ на характеръ жилища.

Намъ приходилось уже неоднократно отмѣчать, что финскія избы строятся изъ дерева; это объясняется прежде всего обиліемъ до послѣдняго времени лѣса въ большинствѣ областей, населенныхъ финнами. Однако тамъ, гдѣ лѣсъ оказывается дорогъ и гдѣ присутствіе камня это позволяетъ, финнъ пользуется этимъ послѣднимъ для возведенія если и не всего, то, по крайней мѣрѣ, значительной части своего дома. Мы видѣли, что эсты часть дома, назначенную для хозяйственныхъ нуждъ, возводятъ изъ камня и что даже *кота* ставится на каменную основу. Отсутствіе лѣса въ связи съ неудовлетворительнымъ экономическимъ положеніемъ препятствуетъ устройству тесовыхъ крышъ: у эстонцевъ только

Digitized by Google

самые богатые кроютъ свои дома тесомъ или черепицей; большинство бѣдныхъ ограничивается соломенной крышей. У олонецкихъ кореловъ, у которыхъ хлѣбопашество развито сравнительно слабо, мы видимъ, наоборотъ, что даже у бѣдныхъ крыши тесовыя: обиліе лѣса дѣлаетъ для корела доступной дорогую для эста крышу, которая корелу обходится дешевле, чѣмъ если-бы онъ пожелалъ покрыть свой домъ соломой, которую онъ употребляетъ на кормъ скоту [1]). Нѣкоторыя финскія народности отесываютъ бревна, идущія на постройку; другіе этого не дѣлаютъ, и это накладываетъ также особый отпечатокъ. Является-ли обычай отесывать бревна продуктомъ самостоятельнаго развитія, или заимствованія, рѣшить трудно. Далѣе, вслѣдствіе условій мѣстности, матеріаломъ для жилья служитъ дернъ, укрѣпляемый деревянными столбами: подобныя жилыя постройки встрѣчаются, по словамъ г. Гейкеля (стр. 251), въ Остерботніи. Несмотря на различіе въ матеріалѣ, онѣ ни въ планѣ ни во внутреннемъ устройствѣ не представляютъ рѣзкихъ уклоненій отъ обыкновенныхъ небольшихъ срубчатыхъ избъ. Различіе въ матеріалѣ, которымъ можетъ пользоваться финнъ для своего жилища, накладываетъ и отпечатокъ на устройство печи. Такъ, въ волжско-камскихъ областяхъ, гдѣ камень рѣдокъ, господствуютъ глинобитныя печи; въ Эстляндской и Олонецкой губ. и въ Финляндіи печи кладутся изъ камня. Какъ ни кажутся малозначущими указанныя различія, они, взятыя въ совокупности, придаютъ своеобразныя черты финскимъ домамъ по мѣстностямъ.

Изъ всѣхъ описанныхъ нами формъ жилищъ, встрѣчаемыхъ у разныхъ финскихъ народностей, только шалашъ и землянка, повидимому, появляются у финновъ безъ посторонняго вліянія. Вліяніе сосѣдей началось еще въ очень отдаленныя времена, и этому вліянію финны обязаны появленіемъ въ ихъ средѣ болѣе прочныхъ жилищъ—срубовъ. Мы видѣли, что для обозначенія послѣднихъ у

[1]) По даннымъ, собраннымъ Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, оказывается, что у кореловъ Олонецкой губ. нѣтъ ни одной крыши, крытой соломой. У эстовъ Эстляндской губ., гдѣ лѣсъ находится въ собственности у помѣщиковъ, преобладаютъ соломенныя крыши. Такъ, изъ 28383 деревянныхъ жилыхъ строеній—27644 крыты соломой, т.-е. слишкомъ 98%, а изъ 288 каменныхъ жилыхъ строеній соломой крыты 263, т.-е. 91,3%. Деревянныхъ крышъ считается всего на крестьянскихъ жилыхъ строеніяхъ 740, черепичныхъ—21 (изъ нихъ 13 на каменныхъ строеніяхъ) и 1 желѣзная.



Digitized by Google

черемисовъ употребляется слово—*pört*, у финляндскихъ финновъ *pört*, *pirtti*, у русскихъ лопарей—*пыртъ* (*пертъ*); у скандинавскихъ лопарей, финл. финновъ и кореловъ—*tupa*, у эстовъ и ливовъ—*tuba*; Алквистъ присоединяетъ къ этому, что слово *pert* употребляется и у вепсовъ въ значеніи избы, преимущественно курной. Какъ то, такъ и другое слово оказываются заимствованными. Что касается перваго названія, то Алквистъ [1]) замѣчаетъ, что въ мѣстностяхъ около Або этимъ именемъ (pirtti) называется баня; въ этомъ значеніи это слово перешло къ финнамъ изъ литовскаго, въ которомъ лит. *pirtis*, лат. *pirts*—значитъ баня, отъ глагола лит. perti, лат. *pert*—купаться, соотвѣтствующее русскому *парить*, *париться* отъ сущ. паръ. Фактъ, что слово *pirrti* имѣетъ такимъ образомъ два значенія *бани* и *жилого помѣщенія*, объясняется, по мнѣнію Алквиста, тѣмъ, что въ болѣе древнее время одно и то-же помѣщеніе служило и тѣмъ, и другимъ, какъ это въ настоящемъ еще встрѣчается у эстовъ. Къ лопарямъ это слово перешло черезъ посредство другихъ финскихъ народовъ. Давая такое объясненіе происхожденію слова *pört*, *pert* у финновъ, Алквистъ [2]) страннымъ образомъ выдѣляетъ черемисское *pört*, которое, по его мнѣнію, происходитъ отъ тюркскаго *gurt* путемъ замѣны *g* губнымъ *p* и не стоитъ ни въ какой связи съ финл. *pirtti*. Къ этому объясненію, кажется намъ, Алквистъ былъ вынужденъ прибѣгнуть въ виду того, что трудно было предположить вліяніе литовскаго племени на восточныхъ финновъ. Веске, [3]) считая также это слово заимствованнымъ, отодвигаетъ эпоху, когда заимствованіе произошло, къ періоду, когда славянскіе, литовскіе и германскіе языки составляли еще одно цѣлое; этимъ путемъ объясняется, по его мнѣнію, почему у восточныхъ и западныхъ финновъ встрѣчается одно и то-же названіе для обозначенія избы.

Названіе *tupa*, *tuba* является также заимствованнымъ изъ литовскаго. Лит. *stuba* перешло, по мнѣнію Доннера [4]), въ финскіе языки. По мнѣнію Алквиста, это слово перешло изъ германскаго,

---

[1]) Ahlquist: Die Kulturwörter d. Westfinnischen Sprachen. стр. 107, 108,
[2]) ib. стр. 105.
[3]) Слав.-финскія культурныя отношенія, стр. 215, 216.
[4]) O. Donner: Ueber d. Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen. 266.



нѣм. *Stube*, которое встрѣчается и въ литовскомъ въ формѣ *stubba* [1]) и отъ котораго нѣкоторые склонны производить и слав. изба, въ болѣе древней формѣ *истъба*. Наконецъ, Квигстадъ полагаетъ, что лопарями это слово заимствовано у скандинавовъ въ формѣ *stobo*, *stuobu*, *stuopie* и пр., для которыхъ образцомъ служило ст. норвеж. *stofa*, норв. *stova*. Впрочемъ, въ формѣ *toppe*, *tohpe*, *tupe* онъ считаетъ, повидимому, это слово заимствованнымъ лопарями черезъ посредство финляндскихъ финновъ. [2]) Далѣе употребительное у западныхъ финновъ для означенія жилища, хижины финск. и эст. *maja* ливск. *mai* или *moi*—Алквистъ, какъ и Доннеръ, считаютъ заимствованнымъ у латышей, у которыхъ слово *maja* имѣетъ то-же значеніе.

Въ то время какъ у западной группы финновъ, на основаніи данныхъ языка, искусство строить прочныя жилища—срубы появилось, повидимому, подъ вліяніемъ литово-латышскихъ и германскихъ сосѣдей у финновъ восточной группы оно, какъ кажется, развилось подъ вліяніемъ окружавшихъ ихъ тюркскихъ народностей: у мордвы, остяковъ и вогуловъ для означенія дома употребляется тюркское *юртъ*, *юрта*, у вотяковъ *gurt*, у зырянъ *gurt*, *gort* [3]), у чермисовъ *суртъ* [4]).

Если само искусство постройки болѣе прочныхъ жилищъ появилось у финновъ подъ вліяніемъ сосѣдей, то и дальнѣйшее развитіе жилища должно было совершаться преимущественно подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ народностей, съ которыми финнамъ приходилось сталкиваться. Уже a priori возможно утверждать, что у восточныхъ финновъ развитіе жилища шло подъ вліяніемъ преимущественно тюркскихъ и славянскихъ сосѣдей. Прежде чѣмъ подтвердить это примѣрами, отмѣтимъ мнѣніе г. Гейкеля (стр. 108, 109), который усматриваетъ вліяніе германскихъ племенъ на восточную группу финновъ. Къ наиболѣе древнимъ формамъ жилищъ пишетъ онъ, принадлежитъ у волжскихъ народностей черемисская *куда* — четырехугольная постройка, передъ которой простирается навѣсъ, часто поддерживаемый столбами. Но этотъ типъ встрѣчается также и въ восточной Германіи, гдѣ онъ является

---

1) Ahlquist, 107.
2) Qvigstad: Nordische Lehnwörter im Lappischen, стр. 223.
3) Ahlquist, 105.
4) Смирновъ: Черемисы, 71.

Digitized by Google

основой сѣней нѣмецкаго дома. «Поэтому вѣроятно, что черемисы научились отъ своихъ прежнихъ германскихъ сосѣдей искусству строить вокругъ очага четырехугольное зданіе, при чемъ національное названіе было перенесено на новую форму постройки.» Вѣроятно, подъ вліяніемъ германцевъ появилось, по мнѣнію автора, и возвышеніе между печкой и стѣной (*kerspel*) устраиваемое въ избахъ у мордвы-мокши; по своей формѣ оно того-же происхожденія, какъ и скамейки *pallr* въ домахъ древнихъ скандинавовъ. Германскимъ вліяніемъ объясняется, далѣе по словамъ г. Гейкеля, названіе черемисами клѣтей тѣмъ-же словомъ *клѣть*, что поддерживается еще и самой формой клѣти, поставленной часто на столбахъ, хотя эта форма, замѣчаетъ авторъ, и является у многихъ народовъ крайне древней. «Германскимъ, наконецъ, можетъ считаться и принципъ устройства для различныхъ цѣлей различныхъ помѣщеній. Эта идея, по крайней мѣрѣ, господствуетъ какъ у скандинавовъ, такъ и у латышей. У волжскихъ финновъ этотъ скандинавско-латышскій принципъ выражается въ томъ, что у всѣхъ устраиваются отдѣльныя помѣщенія для животныхъ и для людей, и у черемисъ даже строится отдѣльная кухня, тогда какъ способъ постройки русскихъ славянъ, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, стремится къ соединенію помѣщеній для скота и для людей подъ одну крышу, въ одно цѣлое».

Какъ ни является заманчивымъ объясненіе г. Гейкелемъ германскимъ вліяніемъ нѣкоторыхъ особенностей въ устройствѣ восточными финнами своихъ жилищъ, приведенные г. Гейкелемъ примѣры оказываются, однако, недостаточными. Принципъ который авторъ называетъ «скандинаво-латышскимъ» и который онъ противопоставляетъ русскому, является вообще широко распространеннымъ не только у финновъ, но и у тюрковъ, напр., башкиръ, иртышскихъ киргизовъ, когда они переходятъ къ осѣдлости, равно какъ и у казанскихъ татаръ, наконецъ, у русскихъ въ средней полосѣ Россіи, гдѣ экономическія условія и отсутствіе лѣса дѣлаютъ невозможнымъ возведеніе такихъ обширныхъ домовъ, какъ на сѣверѣ. Въ расположеніи различныхъ построекъ на дворѣ финна дѣло естественнѣе объясняется не вліяніемъ сосѣдей (въ случаѣ признанія вліянія, его было-бы проще приписать татарамъ или русскимъ), а самой исторіей развитія финскаго двора, когда съ одной стороны развившаяся жизнь требуетъ увеличенія числа хозяйствен-

Digitized by Google

ныхъ построекъ, а съ другой—неумѣнье строить большіе дома вынуждаетъ или обращать прежнія жилыя постройки въ хозяйственныя, или строить новыя, но небольшія. Что касается названія клѣти, тожественнаго у черемисовъ и у русскихъ, то, намъ кажется, естественнѣе думать, что черемисы заимствовали его у русскихъ, чѣмъ искать начало его употребленія у черемисовъ со времени жизни ихъ рядомъ съ германскими племенами—эпохи, относительно которой мы не имѣемъ никакихъ извѣстій, подтверждаемыхъ данными черемисскаго языка. Что касается способа устройства клѣти на столбахъ, то, кромѣ приводимаго самимъ г. Гейкелемъ замѣчанія, что этотъ способъ постройки является общимъ и древнимъ у многихъ народовъ, противъ вліянія въ данномъ случаѣ германцевъ говоритъ еще фактъ, что амбары на столбахъ являются весьма распространенными у финскихъ народовъ, преимущественно у тѣхъ, которые въ развитіи жилища достигли наименьшаго развитія (напр., лопарей, вогуловъ, остяковъ), и что подобные амбары устраиваются зырянами около ихъ лѣсныхъ избушекъ, сохраняющихъ форму первобытныхъ срубовъ-бань. Эти амбары устраиваются часто на одномъ столбѣ, но часто они ставятся на четырехъ. О цѣли подобнаго поднятія первой хозяйственной постройки, которая появляется у многихъ финскихъ народностей, обусловливаемой охотничьимъ и рыболовническимъ бытомъ, мы говорили выше. Черемисская клѣть является, на нашъ взглядъ, только дальнѣйшимъ развитіемъ этого типа, когда потребности жизни заставляли строить эти помѣщенія большихъ размѣровъ, а измѣнившіяся условія перестали вынуждать поднимать постройку на высокіе столбы, вслѣдствіе чего черемисская клѣть ставится на невысокіе столбы. Что касается, наконецъ, устройства помѣщенія между печью и стѣной у мордвы-мокши (*kerspel*) и формы черемисскаго *куда*, къ которому г. Гейкель относитъ и *куалу* вотяковъ, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что появленіе этого возвышенія развилось у мордвы-мокши посредствомъ постепеннаго уничтоженія бывшаго на этомъ мѣстѣ и сохранившагося во многихъ избахъ спеціальнаго отдѣленія, слѣдовательно, вѣроятнѣе всего появилось у мордвы совершенно самостоятельно. Если первобытный черемисскій кудъ и похожъ по внѣшнему своему виду на первоначальный восточно-нѣмецкій домъ, то не слѣдуетъ забывать, что чѣмъ первобытнѣе жилище извѣстнаго народа, тѣмъ менѣе оно имѣетъ типичныхъ чертъ, отличающихъ его отъ подоб-

Digitized by Google

ныхъ-же жилищъ другого народа при существованіи одинаковыхъ климатическихъ условій. Такъ, напр., шалашъ (кота) скандинавскаго лопаря повторяется всецѣло хотя-бы въ чумахъ самоѣдовъ, въ юртахъ алтайскихъ тюрковъ и чукчей. Внѣшнее сходство жилищъ у разныхъ народовъ можетъ только тогда служить доказательствомъ вліянія одного народа на другой, когда мы имѣемъ передъ собой уже развитыя формы жилья, и когда это сходство сказывается на мелочахъ, при чемъ данныя языка объясняютъ, какимъ изъ двухъ народовъ сдѣлано заимствованіе. Въ частности устройство крыши «въ раму», типичное для черемисскихъ кудо и извѣстное также вотякамъ и пермякамъ, является вообще однимъ изъ наиболѣе примитивныхъ способовъ возведенія крышъ, извѣстныхъ, между прочимъ, и русскимъ крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

Языкъ восточныхъ финновъ свидѣтельствуетъ, что въ числѣ прочихъ заимствованій они и при развитіи своего жилища много почерпнули, отъ своихъ тюркскихъ сосѣдей.

И. Н. Смирновъ въ своихъ трудахъ о черемисахъ и вотякахъ [1]) приводитъ нѣсколько словъ, несомнѣнно, заимствованныхъ этими народами изъ тюркскаго: дворъ вот. *азбар*, черем. *сарай*, ворота вот. и черем. *капка*, баня—вот. *мунчо*, черем. *монча*, полати—вот. *сендыра*, черем. *сюндере*, полъ деревянный — черем. *кюбар*, печь—черем. *комага, камака*, погребъ—черем. *кореп*, комнаты въ избѣ—вот. *бульми*, лавки—вот. *кибеть*, косяки оконъ вот. *јонак*, рамы—вот. *сарандык*, изгородь — черем. *пахча*, хлѣвъ—черем. *вюташъ*, скамья—чер. *шеньчел*, стулъ—черем. *тюкень*.

Приведенный перечень, конечно, далеко не полонъ, но онъ достаточенъ, чтобы сдѣлать вопросъ о вліяніи тюркскихъ народностей на жилище вотяковъ и черемисовъ беспорнымъ. Сила вліянія тюркскихъ сосѣдей на финновъ становится еще яснѣе, если принять во вниманіе, что заимствованія названій частей жилища являются лишь частью среди общаго запаса словъ, заимствованныхъ черемисами и вотяками у тюрковъ. „Безъ большой ошибки можно заключить, пишетъ И. Н. Смирновъ, что и вещи, которыя черемисинъ обозначилъ заимствованными словами, онъ также заимствовалъ у болѣе развитыхъ сосѣдей.“ „Языкъ, пишетъ тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ, „знакомитъ насъ съ тѣмъ вліяніемъ, которое

[1]) Смирновъ. Черемисы, стр. 20, 21, 70—73. Вотяки, стр. 90.


Digitized by Google

имѣли татары на обстановку вотской избы". Если, слѣдуя его указаніямъ, наблюдатель сравнитъ татарскую и вотскую избы, гдѣ оба народа живутъ рядомъ, онъ увидитъ полное сходство той и другой. Въ настоящее время проводниками тюркскаго вліянія оказываются татары и башкиры. Но г. Смирновъ относитъ начало его къ болѣе отдаленному періоду, приписывая его болгарамъ. Въ пользу этого предположенія говорятъ археологическія находки, свидѣтельствующія, что болгары уже давно находились въ соприкосновеніи съ сосѣдними имъ финнами, а также и тотъ фактъ, что у восточныхъ и западныхъ черемисовъ заимствованныя изъ тюркскаго слова одинаковы, хотя западные черемисы не приходили въ частыя непосредственныя отношенія съ татарами. „По своему звуковому составу", пишетъ тотъ-же авторъ, „большая часть нетатарскихъ заимствованій у черемисовъ тождественна съ словами языка чувашей", которыхъ авторъ склоненъ считать за потомковъ болгаръ, и которые, если считать ихъ тюркизированными финнами, приняли тюркскій языкъ, повидимому, до татарскаго нашествія.

Въ устройствѣ черемисской избы вліяніе татарское сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля (стр. 64, 66), въ устройствѣ очень широкой скамьи въ дверномъ углу и называемой kurnik olmangà, а также въ обычаѣ луговыхъ черемисовъ вмазывать котелъ въ печь, обычай, замѣнившій собой распространенное у многихъ финновъ—обыкновеніе подвѣшивать котелъ на крюкѣ надъ очагомъ, устраиваемымъ передъ печью; этотъ обычай не вполнѣ еще вывелся у волжскихъ финновъ.

Въ настоящее время черемисы и вотяки въ значительной степени подвергаются и русскому вліянію. Во многихъ мѣстностяхъ представители того и другого племени утрачиваютъ свою національность. Но и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ассимиляціонный процессъ еще не подвинулся впередъ, большое количество заимствованныхъ изъ русскаго языка культурныхъ словъ свидѣтельствуетъ о значительности вліянія русскихъ, которое, между прочимъ, отразилось и на названіяхъ частей жилища. М. П. Веске считаетъ заимствованными вотяками отъ русскихъ слѣдующія названія: гумно—*koomina*, окно—*akkuna*, ворота—*wärjä*; Алквистъ производитъ послѣднее слово отъ русскаго *верея*; М. П. Веске полагаетъ, что оно образовалось изъ древне-славянской формы *vrata*, причемъ первый гласный въ финскомъ словѣ служилъ лишь для устраненія

Digitized by Google

неудобнаго сочетанія двухъ согласныхъ звуковъ въ началѣ слова. Эпоху заимствованія авторъ склоненъ относить къ древнѣйшимъ временамъ [1]).

Многія названія, приводимыя г. Гейкелемъ при описаніи имъ черемисскаго жилища, свидѣтельствуютъ о своемъ русскомъ происхожденіи: овинъ—*awnjá*, лавки въ банѣ—*lapkà wal*, чуланъ (отдѣленіе въ комнатѣ, въ которомъ готовятъ пищу)—*čulan*, *kühnja*, кутникъ (ящикъ)—*kutnik*, горшокъ безъ дна, вставляемый надъ дымовымъ отверстіемъ въ качествѣ трубы—köršök, клѣть—*klet*, сусѣкъ и ларь—*susek* и *lar*, горница—*körnitsa* и быть можетъ и хлѣвъ—*liwäs*. И. Н. Смирновъ [2]) отмѣчаетъ слѣдующія заимствованія черемисами у русскихъ: окно—*окня,* косякъ на окнахъ—*косакъ*, подушки и полицы на окнахъ — *подушка̀* и *полиця*; расписные наличники—*красна окна.* Къ этому перечню можно прибавить чер. *stona* — русск. *стѣна* [3]). Болѣе близкое знакомство съ устройствомъ вотяцкой и черемисской избы лишь подтверждаетъ свидѣтельства языка и въ значительной степени дополняетъ ихъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ сосѣдями вотяковъ являются русскіе устройство вотяцкихъ избъ приближается къ русскому типу. То-же, по словамъ И. Н. Смирнова [4]), замѣчается и въ ихъ внутреннемъ убранствѣ. Русскимъ вліяніемъ объясняется далѣе устройство окна на улицу, описанное нами у вотяковъ, черемисовъ и мордвы; въ мѣстностяхъ, гдѣ русское вліяніе сильно, избы этихъ народовъ вообще выходятъ окнами на улицу. Положеніе печи въ избѣ измѣнилось подъ вліяніемъ русскихъ: въ черемисскихъ избахъ печь первоначально ставилась, по основательному мнѣнію г. Гейкеля, въ углу, но устьемъ къ двери, черезъ которую проникалъ свѣтъ; подъ вліяніемъ русскихъ она перемѣстилась устьемъ къ стѣнѣ, противоположной входу. Эта-же перемѣна замѣчается и у вотяковъ. Первоначальная черемисская клѣть на столбахъ приняла также мѣстами русскую форму. Пристройка къ черемисскому пёрту бѣлой избы совершилась подъ русскимъ вліяніемъ; въ пользу этого говоритъ какъ названіе ея—*körnitsa*, такъ и названія частей оконъ,

---

[1]) Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 191, 249, 255, 256.
[2]) Смирновъ: Черемисы, стр. 73.
[3]) Ahlquist: Die Kulturwörter, стр. 107.
[4]) Смирновъ: Вотяки, стр. 90.

Digitized by Google

приводимыхъ г. Смирновымъ, которыя относятся именно къ окнамъ въ бѣлой избѣ. Убранство послѣдней приближается до мелочей къ убранству русской избы. Г. Гейкель (стр. 104) высказываетъ мнѣніе, что даже вообще обычай устраивать къ пёрту пристройки появился подъ вліяніемъ русскихъ, даже когда къ сѣнямъ пристраивается не горница, а клѣть: названіе, которое горные черемисы даютъ такому соединенному строенію—swäz (связь), служитъ подтвержденіемъ этого. Отгораживанье части избы перегородкой слѣдуетъ приписать тому-же русскому вліянію, какъ то доказывается названіемъ отгороженнаго мѣста—*čulan*, *kuchnja*. Въ мѣстностяхъ, гдѣ черемисы въ значительной степени подверглись вліянію русскихъ, ихъ избы трудно отличить отъ избъ послѣднихъ; единственное различіе въ этомъ случаѣ заключается, по словамъ г. Гейкеля (стр. 75), въ томъ, что на черемисскомъ дворѣ продолжаетъ сохраняться *кудъ*, употребляемый въ качествѣ кухни, чего нѣтъ на дворѣ русскаго.

У мордвы вліяніе русскихъ сказывается съ еще большей силой. Количество названій, заимствованныхъ мордвою у русскихъ для означенія построекъ и частей ихъ, крайне значительно. У г. Гейкеля, при описаніи имъ мордовской избы, мы встрѣчаемъ слѣдующія русскія названія: стѣна дома—*стѣна*, порогъ—*poroft*, косякъ—*kosjak*, *kosäk*, доска—*plastina*, труба—*труба*, ставня—*staven*, печь—*pečkä patòpka*, столбъ у печки—*stolbänä*, кровать—*krawat*, лавки—*лавище*, полати—*полаты*, *polók lango*, коникъ (скамейка)—*konik*, часть коника—*boranka*, брусъ, идущій отъ печи къ стѣнѣ—*brusok*, *брусъ*, брусъ поперекъ всей избы—*matka*, перегородка около печи—*laznitza*, чуланъ—*čölan*, подполье—*подполье*, скамейка—*скамейка*, слегá—*slegà*, прясла—*präsla*, боковыя украшенія на лицевой части крыши—*kriljo* (крыло), конекъ на крышѣ—*kanjok*, перекладъ (на полу)—*pereklade*, заборъ—*zabor*, мѣсто, гдѣ варятъ пищу въ избѣ—*powarnja*, баня—*banja*, токъ (расчищенное мѣсто для молотьбы)—*tingé*, одонье (кадь для хлѣба)—*adonjä*, скотная изба—*skotnoi kudo*. Кромѣ того, по Алквисту, стекло—*stókla*, кирпичъ—*kirpits'* [1]).

Кромѣ устройства русской бѣлой избы около болѣе древняго *кудо*, прорубанія окна въ лицевой сторонѣ дома, выходящей

[1]) Ahlquist, стр. 107, 133.


Digitized by Google

на улицу, постановки во многихъ избахъ печи устьемъ къ стѣнѣ, противоположной двери, — русское вліяніе, кромѣ подробностей обстановки, выразилось, по мнѣнію г. Гейкеля, еще въ устройствѣ половъ. Въ болѣе первобытныхъ избахъ доски стелются прямо на земляной полъ; подъ вліяніемъ русскихъ дощчатый полъ стелется на бревенчатый накатъ. Этимъ-же вліяніемъ г. Гейкель объясняетъ, что въ *кудо* мордвы-мокши начали устраивать нижній этажъ-подполье, тогда какъ первоначальный *кудо* представлялъ простой срубъ съ землянымъ поломъ. Устройство подполья употребительно и у другихъ волжскихъ финновъ. Въ наибольшей степени русское вліяніе сказалось на украшеніяхъ крыши, наличниковъ оконъ и въ устройствѣ коника (скамьи); небезъинтересенъ фактъ, что во многихъ мѣстностяхъ, у русскихъ крестьянъ, даже живущихъ въ областяхъ, гдѣ у мордвы встрѣчаются коники съ рѣзными боранками (рис. 23), коники дѣлаются совершенно просто и лишены украшеній. Между тѣмъ, русскія названія ихъ у мордвы доказываютъ ихъ русское происхожденіе. Мы имѣемъ, слѣдовательно, здѣсь продуктъ болѣе древняго вліянія на мордву со стороны русскихъ сосѣдей, когда у послѣднихъ скамья, называемая коникомъ, въ устройствѣ своемъ еще соотвѣтствовала своему названію. То же, повидимому, слѣдуетъ сказать и относительно облицовки печи и украшеній оконныхъ наличниковъ и крыши у мордвы-мокши (рис. 34—38, 44—45). Г. Гейкель совершенно справедливо замѣчаетъ, что большинство мотивовъ рѣзныхъ украшеній основаны на трехъ—и четырехугольникахъ, но въ нихъ встрѣчаются украшенія и съ прямыми и кривыми линіями; болѣе сложныя формы украшеній слишкомъ разнообразны, такъ что онѣ не могли возникнуть послѣдовательно изъ трехъ—и четырехугольниковъ; на нихъ не наложило отпечатка общее съ другими родственными народами развитіе, вслѣдствіе чего они вѣроятно въ большинствѣ случаевъ заимствованы, какъ и стекольчатыя окна, у русскихъ. То, что для г. Гейкеля является только вѣроятнымъ, получаетъ характеръ очевидности при сравненіи мордовскихъ рѣзныхъ украшеній съ русскими въ другихъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время у русскихъ крестьянъ эти украшенія постепенно исчезаютъ, хотя въ названіяхъ и сохраняются воспоминанія о нихъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить, что у мордвы-ерзи, въ жилищахъ которой г. Гейкель видитъ гораздо больше русскаго вліянія, чѣмъ въ избахъ мордвы-мокши, этихъ украшеній гораздо

Digitized by Google

меньше, такъ что коникъ у нихъ представляетъ часто простую ничѣмъ не украшенную скамью, облицовка печи съ рѣзными украшеніями гораздо бѣднѣе, а конёкъ на крышѣ сохранилъ только названіе, но уже ничѣмъ не украшенъ.

Не только украшенія на крышахъ, но и само появленіе двускатныхъ крышъ въ ихъ современномъ видѣ, какъ у мордвы, такъ и у черемисовъ и вотяковъ, повидимому, слѣдуетъ приписать русскому вліянію. Постройка срубомъ, которую восточные финны заимствовали у тюрковъ, въ своемъ первоначальномъ видѣ имѣла плоскую крышу или слегка односкатную: мы ее застаемъ, какъ это было указано нами выше, еще у лопарей, зырянъ, пермяковъ, остяковъ, вогуловъ и отчасти вотяковъ.

Улучшеніе жилого помѣщенія совершается, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ подъ русскимъ вліяніемъ, и наименѣе культурныя финскія племена, какъ, напр., лопари, остяки и вогулы, непосредственно переходятъ отъ юрты съ плоской крышей къ русскимъ избамъ и крышей двускатной. У вотяковъ, черемисовъ и мордвы двускатная крыша устраивается совершенно такимъ-же способомъ, какъ и у русскихъ, причемъ не трудно прослѣдить это сходство даже въ мелочахъ, и фактъ, что именно этотъ видъ крышъ является господствующимъ въ русскихъ избахъ въ мѣстностяхъ по средней Волгѣ и по нижнему теченію Камы, заставляетъ предполагать, что финны заимствовали ее у русскихъ. Названіе крыши у финновъ—вполнѣ самостоятельное, но оно имѣетъ значеніе крыши вообще, вслѣдствіе чего возможно предположеніе, что названіе, придаваемое болѣе первобытной крышѣ, перешло и и на болѣе сложно устраиваемую. Говоря о заимствованныхъ формахъ крышъ, мы отнюдь не хотимъ отрицать возможности, что вообще не плоскія крыши развились во многихъ мѣстахъ у финновъ самостоятельно. Напротивъ того, есть основаніе думать, что путемъ дальнѣйшаго развитія шалаша, финны естественно пришли къ искусству устраивать себѣ болѣе сложные типы крышъ. Такъ, г. Гейкель совершенно основательно указываетъ (стр. 321), что первоначальная крыша образовалась изъ т. ск. постановки первобытнаго шалаша на болѣе прочную основу, какъ это мы видѣли въ эстляндской кухнѣ съ о-ва Даго (рис. 1) и какъ это встрѣчается, по словамъ Дюбена, и у лопарей, когда основаніемъ вѣжи является нѣсколько балокъ, т.-е. зародышъ сруба. Совершенно то-же

Digitized by Google

мы встрѣтили у остяковъ въ той формѣ ихъ зимней юрты, которая покрывается остроконечной крышей, воспроизводящей первобытный берестяной чумъ. Эта первобытная крыша могла дать при своемъ дальнѣйшемъ развитіи болѣе сложные типы, которые могли появиться самостоятельно у разныхъ финскихъ народностей. Къ этимъ типамъ, какъ кажется, слѣдуетъ отнести и крышу черемисской куды (рис. 7), „которая сдерживается рамой изъ двухъ жердей, наложенныхъ на крышу поперекъ драницъ и скрѣпленныхъ по двумъ концамъ досками“. Этотъ послѣдній типъ г. Смирновъ отмѣчаетъ, какъ встрѣчающійся на домахъ у пермяковъ (Пермяки, стр. 194).

Заимствованіе украшеній крыши отъ русскихъ можетъ лишь подтверждать высказываемое предположеніе о заимствованіи отъ нихъ-же и умѣнья строить двускатную крышу. Это предположеніе находитъ себѣ и извѣстное подтвержденіе въ томъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ господствующей формой крыши у русскихъ является четырехскатная, сосѣди-финны устраиваютъ себѣ также крышу на четыре ската. Характернымъ въ этомъ отношеніи примѣромъ могутъ служить жилища пермяковъ. Въ ихъ избахъ, пишетъ И. Н. Смирновъ [1]), подъ русскимъ вліяніемъ явились лавы, лавицы—*вабичъ*, отдѣльный отъ крыши потолокъ съ матицей—*матичја,* полати — *поватъ,* печь — *patš,* изба стала строиться съ подъизбицей, голбцемъ—*голубничја*.

Проводя параллель между пермяцкой избой и избой русскаго крестьянина Казанской губ., г. Смирновъ отмѣчаетъ, что составныя части въ первой тѣ-же, что и во второй; отличіе заключается лишь въ томъ, что размѣры пермяцкой избы больше и выше. Вслѣдствіе этого, напр., на полатяхъ у пермяковъ можно свободно стоять. Подъ вліяніемъ русскихъ появилась и двускатная крыша, конецъ шелома которой обработанъ въ видѣ конской головы. И. Н. Смирновъ, повидимому, склоненъ приписывать происхожденіе охлупня самостоятельному развитію пермяковъ, путемъ заимствованія ими этого мотива изъ т. н. „чудскихъ“ вещей, причемъ допускается, однако, также возможность, что онъ занесенъ русскими съ сѣвера. Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ лучшій отвѣтъ дается самимъ названіемъ этой части крыши—о х л у п е н ь, которое, по Далю,

---

[1]) Смирновъ. Пермяки, стр. 145, 194.


Digitized by Google

извѣстно на востокѣ, сѣверѣ и въ Сибири и означаетъ конекъ крыши, причемъ само слово происходитъ отъ сущ. о х л у п ь—арх. шнк. кровля, крыша, либо только верхняя часть ея, конекъ. Повидимому, это заимствованіе произошло уже давно, такъ какъ въ настоящее время сосѣдніе съ пермяками русскіе строятъ себѣ болѣе простую четырехскатную крышу, которую вообще въ исторіи развитія послѣдней, повидимому, слѣдуетъ считать предшествующей двускатной. Мы не знаемъ, отчего произошелъ этотъ регрессъ въ устройствѣ крышъ у русскихъ; вѣроятно, здѣсь могли дѣйствовать тѣ-же причины, которыя заставили русскихъ по среднему теченію Волги перейти отъ рѣзныхъ кониковъ и рѣзныхъ украшеній къ болѣе простымъ, лишеннымъ украшеній формамъ. Вслѣдствіе этого двускатная пермяцкая крыша рѣзко бросается въ глаза при сравненіи ея съ русской, что вѣроятно и дало поводъ г. Смирнову ошибочно считать ее національной пермяцкой. Въ настоящее время эти крыши сохраняются именно въ мѣстностяхъ, гдѣ обрусѣніе пермяковъ сдѣлало наименьшіе успѣхи; гдѣ, наоборотъ, пермякъ болѣе всего теряетъ свою національность, онъ бросаетъ свою двускатную крышу и замѣняетъ ее четырехскатной. [1]) Здѣсь, слѣдовательно, мы видимъ то-же любопытное явленіе, какъ и у мордвы: какъ мордва-мокша переняла въ украшеніи крышъ русскіе мотивы и продолжаетъ ихъ хранить и тогда, когда ея учителя-русскіе уже перестали ихъ употреблять, такъ и пермяки хранятъ, какъ форму, такъ и украшенія своей крыши, заимствованныя отъ русскихъ, и тогда, когда эти послѣдніе перешли къ простымъ четырехскатнымъ крышамъ; какъ у мордвы-ерзи мы встрѣчаемъ, что при усиленіи русскаго вліянія на нее, она воспринимаетъ отъ русскихъ уже болѣе простыя, менѣе развитыя формы украшенія конька и печи, такъ какъ это вліяніе является болѣе позднимъ, такъ и современные пермяки забрасываютъ свою болѣе развитую форму крыши и переходятъ къ болѣе простой въ своемъ стремленіи подражать русскимъ.

Вполнѣ очевиднымъ становится русское вліяніе на финскія постройки у зырянъ и кореловъ. Здѣсь оно сказывается въ наибольшей степени и не только въ отдѣльныхъ частяхъ построекъ, но во всемъ своемъ цѣломъ, даже въ планѣ. Изъ приведеннаго выше описанія зырянскихъ и корельскихъ жилищъ ясно, что они

1) Ib., стр. 173.


Digitized by Google

рѣзко отличаются отъ остальныхъ финскихъ и образуютъ какъ-бы особую группу: въ нихъ мы видимъ доведенное до полнаго развитія стремленіе уничтожить понятіе двора, или, лучше сказать, соединенія всего двора подъ одной кровлей съ жилымъ помѣщеніемъ,—принципъ, стоящій въ рѣзкой противоположности съ обычаемъ у другихъ финскихъ народностей разбрасывать по двору отдѣльныя хозяйственныя постройки. Въ названіяхъ отдѣльныхъ частей зданія, приводимыхъ г. Гейкелемъ, у русскихъ кореловъ уже замѣчаемъ сравнительно большое вліяніе русскихъ: сѣни—*sentja*, *kalidor*, голбецъ—*kolpitsa*, корзина (часть дома)—*karsina*, доска съ грубой рѣзьбой—*koniska*, сарай, постель—*pola* (полка). У зырянъ—горница, ворота—*vöröta*, стѣна—*sten*, стекло—*stekla* [3]).

Если сравнить избы русскихъ съ таковыми-же зырянъ и русскихъ кореловъ, нельзя не замѣтить между ними полнаго сходства; существующія различія заключаются только въ мелочахъ. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что избы русскихъ на сѣверѣ представляютъ рѣзко отличающійся отъ жилыхъ построекъ другихъ мѣстностей типъ. Его принято называть „новгородскимъ", такъ какъ онъ получилъ наибольшее развитіе и распространеніе въ древнихъ новгородскихъ областяхъ, въ мѣстностяхъ, которыя были заселены выходцами изъ Новгорода. Въ развитомъ видѣ новгородскій типъ построекъ встрѣчается, какъ общеупотребительный, у русскихъ крестьянъ Олонецкой, Вологодской и многихъ частей Архангельской губ. Отсюда понятно, что именно этотъ типъ долженъ былъ развиться и у зырянъ, олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ. Сходство между зырянскимъ домомъ и русскимъ настолько велико, что Кл. А. Поповъ считаетъ возможнымъ замѣтить: „нынѣшнее устройство избы зырянина, со всѣми ея принадлежностями, кромѣ несущественной — окна въ печкѣ—чисто русское и... слѣдовательно, постоянныя, прочныя жилища зыряне стали строить послѣ того, какъ познакомились съ русскими". [4]) Послѣднее замѣчаніе вполнѣ справедливо, поскольку оно касается типа современныхъ зырянскихъ избъ; что же касается перехода вообще къ болѣе прочнымъ жилищамъ, то, какъ это было указано выше, онъ, повидимому, совершился подъ ближайшимъ вліяніемъ тюркскихъ народовъ. Зыряне

[3]) Веске, стр. 255, 256; Ahlquist, стр. 107, 113.
[4]) К. А. Поповъ: Зыряне и зырянскій край, стр. 12.



называютъ свое жилище—керка, названіе употребительное у пермяковъ (керку) а также и у вотяковъ; у послѣднихъ въ формѣ корка. Алквистъ [1]) склоненъ сближать это названіе съ финск. *kylä*, первоначальное значеніе котораго—дворъ. По намъ кажется, что И. Н. Смирновъ болѣе правъ, отмѣчая, что слово керъ означаетъ бревно; что же до окончанія *ка, ку*, то онъ высказываетъ предположеніе, что оно стоитъ близко къ вотяцкому *куа* съ одной стороны и *куд, куда, кот*, въ другихъ финскихъ нарѣчіяхъ съ другой. Сочетаніе слова *кота* съ словомъ, обозначающимъ матеріалъ, изъ котораго сдѣлана постройка, имѣетъ мѣсто въ архитектурной терминологіи западныхъ финновъ, такъ что можно думать, что по этому-же типу построены и пермяцкія названія; слѣдовательно, керку(-а) означало-бы бревенчатую постройку [2]).

Въ избахъ олонецкихъ и архангельскихъ кореловъ вліяніе русскихъ не меньше, чѣмъ въ зырянскихъ постройкахъ: послѣднія въ своемъ развитомъ видѣ повторяютъ русскія избы, и здѣсь отличительныя черты слѣдуетъ искать или въ бѣдныхъ постройкахъ или въ мелочахъ. У архангельскихъ кареловъ, какъ было нами указано, вліяніе русскихъ измѣнило даже мѣстами свойственное финскимъ народамъ безпорядочное расположеніе построекъ въ деревнѣ; послѣднія строятся, мѣстами по крайней мѣрѣ, какъ и русскія, въ рядъ. Печь устраивается по русскому образцу, устьемъ къ фасадной стѣнѣ. Русское вліяніе сказалось и въ поднятіи печки на деревянную раму—способъ, который г. Гейкель основательно считаетъ чуждымъ финскимъ племенамъ и заимствованнымъ у русскихъ, какъ волжскими финнами, такъ и корелами. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что русскіе корелы сохранили обычай устраивать передъ печнымъ устьемъ открытый очагъ, надъ которымъ на крюкѣ виситъ котелъ; сохраненіе очага передъ печкой является интереснымъ переживаніемъ, общимъ большинству западныхъ финновъ. Но въ болѣе бѣдныхъ избахъ, какъ это выяснилось изъ предшествовавшаго описанія, сохранилось въ устройствѣ избъ еще много первобытныхъ чертъ, и какъ еще объ одномъ интересномъ переживаніи именно періода, когда оконъ корелы еще не знали, напомнимъ объ обычаѣ заколачивать окна зимою досками на-глухо.

---

[1]) Ahlquist, стр. 105. [2]) Смирновъ: Пермяки стр. 127.



Digitized by Google

Чѣмъ ближе корелы живутъ къ русскимъ, тѣмъ вліяніе послѣднихъ на ихъ постройки больше и, наоборотъ, чѣмъ ближе подвигаться къ границамъ Финляндіи, тѣмъ болѣе корельскія жилища удаляются отъ т. н. новгородскаго типа и приближаются къ общефинскимъ: зданія становятся одноэтажными, хозяйственныя постройки разбрасываются по двору, и въ жилищѣ корела начинаютъ сказываться преимущественно тѣ-же вліянія, какія сказываются на устройствѣ жилыхъ помѣщеній у ихъ западныхъ сосѣдей.

Вліяніе литово-латышскаго племени на финляндцевъ, эстовъ и ливовъ выразилось въ заимствованіи слѣдующихъ словъ: заборъ, выгонъ для скота—фин. *tarha*, эст. *tara*, лив. *tara* находитъ себѣ объясненіе въ лит. *daržas*, лат. *dars*—садъ; стѣна—финск. *seinä*, эст. и вепск. *sein*, лив. *saina*, лоп. *säidne*—въ лит. *sëna*, лат. *zena*—стѣна [1]). Съ этимъ соглашается и Алквистъ, хотя и признаетъ возможнымъ заимствованіе названія стѣны и отъ славянскихъ языковъ [2]). Изъ литово-латышскаго объясняется также названіе досчатаго пола: эст. — *sild*, лоп. — *saldde*, хотя оно собственно означаетъ мостъ; это слово заимствовано изъ лит.-лат. *tiltas*, *tilts*—мостъ. Конюшня—финск. *talli*, эст. и лив.—*tal'l'*—изъ лит. *staldas*, лат. *stallis*, хотя это слово могло перейти и изъ нѣмецкаго—*Stall*.

Изъ германскихъ языковъ, по мнѣнію Алквиста, заимствованы западными финнами слѣдующія слова: очагъ (чувалъ)—финск. *takka*—отъ шведск. *stake*, *stakka*, *stäck*—очагъ, которое перешло въ лопарскій языкъ въ формѣ *stak* и, по мнѣнію автора, быть можетъ, перешло черезъ посредство лопарей къ тавастамъ; печка—финск. *uuni*, лоп. *vuobne* и *omn*—отъ сканд. *ugn*, *ovn* или *ovne*—названіе, которое является родственнымъ лат. *uguns*, лит. *ugnis*, слав.—*огонь*. Передняя часть печки—финск. *arina* отъ шведск. *äril*, *ären*, *ärn*, *arne* въ древн. сканд. *arinn*; кирпичъ и известь, употребляемые при устройствѣ печи, — финск. *tiili*, эст. *teiliskivi*, лив. *tägel*, лоп. *tigal* — отъ герм. *Tegel*, *Ziegel*; финск. *kalkki*, ливск.—*kalka* и *kal'k*, лоп. *kalk* изъ герм. *Kalk*. Навѣсъ для скота—финск. *tanhut*, *tanhua*, эст. *tanw* и *tanav*, вепск. *tannas* — отъ

---

[1]) O. Donner. Ueber d. Einfluss der litauischen auf die finn. Sprachen, стр. 264, 266.

[2]) Ahlquist, стр. 107.

[3]) Ib., стр. 109, 110, 119.


Digitized by Google

шведск. *taun, täun, tun* (нѣм. *Zaun*)—заборъ, огороженное мѣсто; въ томъ же значеніи финск. *kuja* — отъ шведск. *kuja* или *kya*. Садъ, огороженное мѣсто—фин. *ryytimaa*, отъ швед. *krydda* и финск. *maa*—земля; въ томъ же значеніи финск. *trekooli* отъ швед. *trädgard*. Ворота финск. *portti*, лоп. *portta* — отъ шведск. *port*. Къ древнѣйшимъ заимствованіямъ Алквистъ относитъ финск. *kartano*, лоп. *garden*, лив. *karand* или *korand*—дворовое мѣсто, дворъ. Это названіе, пишетъ онъ, очевидно германскаго происхожденія; объясненіе его слѣдуетъ искать въ шведск. *gard*, въ болѣе древнемъ и народномъ языкѣ *gard*, ан. *gardr*, гот. *gards*, нѣм. *Garten*, съ прибавленіемъ окончанія *no*, которое часто встрѣчается въ существительныхъ, означающихъ мѣсто. Это означаетъ собственно ограду и встрѣчается въ слав. *городъ, огородъ, городить* и пр. Арійское происхожденіе этого слова не подлежитъ сомнѣнію, но и въ финскомъ оно очень старо, такъ какъ оно перешло изъ языка кореловъ Біарміи въ зырянскій, а оттуда за Уралъ, къ вогуламъ, живущимъ по Сосьвѣ, и къ сѣвернымъ остякамъ, въ языкѣ которыхъ оно встрѣчается въ формѣ *karta*—дворъ, скотный дворъ [1]). Въ этомъ же значеніи мы встрѣчаемъ это слово (*karta*) у пермяковъ; въ формѣ *каръ* оно служило въ XVI и XVII вв. для обозначенія городища; въ настоящее время пермяки во многихъ мѣстностяхъ перестали понимать его, но съ былымъ своимъ значеніемъ оно сохраняется до настоящаго времени у вотяковъ и зырянъ [2]). Названіе сарая финск. *lato*, лоп. *lado* Алквистъ производитъ отъ шведск. *lada*, нѣм. *Lade*, отъ глагола шведск. *lada*, нѣм. *laden*; это слово, замѣчаетъ онъ, проникло даже въ мордовскій языкъ, гдѣ оно встрѣчается въ формахъ *lata, lato*. „Это слово не является въ мордовскомъ единственнымъ заимствованнымъ словомъ готскаго происхожденія“ [3]). Веске относительно приведеннаго объясненія слова *lato*, *lata* замѣчаетъ: „значеніе словъ не позволяетъ намъ вполнѣ соглашаться съ мнѣніемъ Алквиста и болѣе говоритъ въ пользу заимствованія финскаго слова изъ русскаго языка: „Онъ объясняетъ финск. *lato*, амбаръ, овинъ, житница, эст. ladu(o) и мокша-морд. *lata* съ тѣмъ-же значеніемъ, изъ корня *klad*, русск. класть, складывать, кладовая [1]). Наконецъ, нѣмецкимъ, и вѣроятно

---

[1]) Ahlquist, стр. 109, 114, 115, 117—119, 123, 124.

[2]) Смирновъ: Пермяки, стр. 131.

[3]) Ahlquist, 119.

Digitized by Google

довольно позднимъ, вліяніемъ объясняется названіе эстонцами комнатъ, пристраиваемыхъ къ основной тубѣ — *каммеръ*. Окно — лоп. *vindek*—Алквистъ объясняетъ изъ датско-норв. *vindue*. Квигстадъ съ бо́льшимъ, на нашъ взглядъ, основаніемъ производитъ его отъ норвеж. *vindog* [2]).

Наконецъ, на балтійскихъ финнахъ сказалось и русское вліяніе въ довольно значительной степени. Какъ Алквистъ, такъ и Веске согласны въ томъ, что названіе окна—финск. *akkuna*, *ikkuna*, эст. *akken* и *akan*, вепск. *ikun*, лоп. *іккоn*—происходитъ отъ слав. *окно*. Названіе печи—финск. *pätsi*, естон. *päts*, вепск. *pätš* — отъ русск. *печь*; вепск. *kirpitš* — отъ русск. *кирпичъ*. Скотный дворъ, помѣщеніе для скота—финск. *läävä*, вепск. *lääv*—отъ слав. *хлѣвъ*; вепск. *кoйušn* — отъ русск. *конюшня*. Садъ — финск. *satu*, эст. *saad*—отъ русск. *садъ* [3]). Къ этому перечню можно, на основаніи труда Веске, прибавить еще слѣдующія слова: др. славянское *skoba*, русск. *скоба*, эст. *каbа* въ значеніи кругловатаго надрѣза, гдѣ соединяются два бревна на углу дома; *soc каbа* — такого же рода вырѣзъ съ положеннымъ на него мхомъ; *hoone каbа*—крестообразно лежащіе концы бревенъ на углу дома. Русск. *склепъ*—сводъ, баня, мурованный подвалъ, погребъ; *склепъ* (южн. губ.)—печной сводъ, по мнѣнію Веске, объясняютъ заимствованное эстонское *кеlр*—мѣсто крыши, устраиваемое на подобіе свода. Русск. *гумно*—отсюда заимствовано финск. *киотеn*; съ этимъ послѣднимъ согласился Алквистъ [4]). Древ. слав. *vrata*, русск. *ворота*; отсюда фин. *veräjä*—ворота въ плетнѣ, въ заборѣ, плетеныя, рѣшетчатыя ворота; эст. *wäräw*—ворота, *wärawad*—двустворчатыя ворота, лив. *väärо́d*, вепск. *veraj*—ворота [5]). Веске склоненъ относить эти заимствованія къ глубочайшей древности, такъ же, какъ заимствованія названій для амбара (*lato* и пр.), окна и хлѣва. Наконецъ, г. Гейкель (стр. 143) приводитъ эстонское названіе полка въ банѣ—*lawa*, въ которомъ легко узнать русск. *лава*, *лавка*, и

---

[1]) М. П. Веске: Славяно-финскія культ. отношенія, стр. 184.

[2]) Qvigstad: Nordische Lehnwörter, стр. 348.

[3]) Ahlquist, стр. 111, 114, 115, 116, 119, 123.

[4]) Ahlquist, стр. 46. Другое употребительное названіе для гумна финск. *luva luuva* Алквистъ считаетъ заимствованнымъ изъ шведск. *loge*, *ló*, *lóe*.

[5]) Веске, стр. 191, 199, 219, 249, 255, 256. Объясненіе Алквиста названія воротъ у зап. финновъ изъ русск, верея см. выше вотяцкое—*wärjä*.



финск. *soloppi* отъ русск. *жолобъ*, который обыкновенно устраивается на крышахъ финскихъ сараевъ.

Приведенный перечень заимствованныхъ словъ, относящихся къ жилищу, можетъ служить показателемъ, какъ много балтійскіе финны заимствовали у своихъ сосѣдей, и насколько развитіе ихъ жилья и хозяйства находилось подъ вліяніемъ литовско-латышскихъ, германскихъ и славянскихъ народовъ. При просмотрѣ приведенныхъ названій не могло также не броситься въ глаза, что для одного и того-же предмета, напр., окно, печь, гумно, существуютъ у одного и того-же народа разныя названія, заимствованныя изъ разныхъ языковъ. Можно высказать предположеніе, что употребленіе того или другого названія стоитъ въ связи съ географическимъ положеніемъ мѣста жительства народа, такъ что у финновъ Финляндіи, напр., имѣющихъ два выраженія для обозначенія печки, заимствованныя отъ русскихъ и отъ шведовъ, первое употребляется на востокѣ, гдѣ столкновенія съ русскими были чаще, второе на западѣ, гдѣ финнамъ чаще приходилось сталкиваться съ шведами. Точныхъ данныхъ по этому вопросу не находится въ нашемъ распоряженіи, но указаное предположеніе до извѣстной степени подтверждается тѣмъ, что финское названіе гумна — *kuomen* употребляется на востокѣ Финляндіи, *luva* — въ западныхъ частяхъ ея, а лопарское, заимствованное изъ норвежскаго (по Квигстаду) названіе окна *vindek* извѣстно только наиболѣе у сѣверо-западныхъ лопарей.

Историческими судьбами финскихъ народовъ, столкнувшими ихъ съ разными болѣе культурными сосѣдями, объясняется также и тотъ фактъ, что, напр., на названіи жилищъ или частей ихъ у вепсовъ почти совершенно не отразилось вліяніе литово-латышскаго племени, тогда какъ у нихъ довольно значительное число словъ, заимствованныхъ отъ славянъ и германцевъ; а также, что у ливовъ мы почти не встрѣчаемъ названій, взятыхъ изъ русскаго. Большое количество названій, заимствованныхъ изъ шведскаго, у финляндцевъ легко объясняется постоянными столкновеніями со скандинавскими племенами, начавшимися еще въ глубокой древности и кончившимися завоеваніемъ Финляндіи шведами; близкими сношеніями лопарей съ шведами и норвежцами, и таковыми-же эстовъ съ нѣмцами-колонизаторами объясняется большое количество заимствованныхъ отъ нихъ названій. Опредѣлить эпоху, когда были

Digitized by Google

сдѣланы эти заимствованія, въ настоящее время едва-ли возможно, такъ какъ у изслѣдователей относительно многихъ словъ существуетъ въ данномъ случаѣ разногласіе, хотя относительно большинства спеціалисты склоняются относить заимствованія къ отдаленнымъ временамъ. Наконецъ, нельзя всегда опредѣлить, получилъ-ли извѣстный народъ данное слово непосредственно отъ своихъ иноплеменныхъ сосѣдей или онъ заимствовалъ его черезъ посредство своихъ родичей, какъ мы это видѣли на примѣрѣ названія избы—*tupa* у лопарей.

При разборѣ устройства современныхъ жилищъ у указанныхъ народностей, трудно отмѣтить въ отдѣльныхъ случаяхъ вліяніе того или другого сосѣда. Мы можемъ лишь ограничиться нѣкоторыми указаніями: жилище ливовъ по своему устройству стоитъ въ ближайшей связи съ жилищемъ латышей настолько, что нѣкоторые авторы ограничиваются при упоминаніи жилища ливовъ общей фразой, что оно не отличается или отличается лишь въ мелочахъ отъ жилища латышей. Огромное вліяніе латышей на ливовъ, выразившееся въ постепенномъ поглощеніи ливовъ латышами, объясняетъ легко это сходство въ устройствѣ жилья. Повидимому, латыши не остались безъ вліянія и на эстонскій домъ, поскольку это выразилось въ устройствѣ эстами своихъ крышъ. Выше было указано, что эти послѣднія производятъ совершенно своеобразное впечатлѣніе, и что подобныхъ крышъ другіе финскіе народы не дѣлаютъ; устройство ея также отличается рѣзко отъ устройства крышъ сосѣдними русскими, которые, впрочемъ, въ настоящее время дѣлаютъ крыши на два ската; по своей формѣ и общему внѣшнему виду крыши эстонскихъ домовъ, пожалуй, наиболѣе близко стоятъ къ латышскимъ, и если вспомнить, что и эстонское названіе дома—*maja* заимствовано изъ литово-латышскаго, то наше предположеніе о переходѣ отъ латышей къ эстамъ и формы крыши получитъ извѣстное основаніе и въ данныхъ языка.

Несомнѣнно, нѣмецкимъ вліяніемъ на эстовъ слѣдуетъ объяснить расширеніе эстонскаго дома, поскольку это касается увеличенія числа жилыхъ помѣщеній, которыя группируются вокругъ тубы; за это говоритъ названіе ихъ *kammer*, съ прибавленіемъ иногда слова, опредѣляющаго ихъ назначенія. Судя по тому, что курныя избы—тубы въ одну комнату еще въ настоящее время очень часто встрѣчаются у эстовъ и что этотъ типъ въ недавнее сравнительно

Digitized by Google

время (40-хъ годахъ), по свидѣтельству Крузе, былъ господствующимъ, можно съ нѣкоторымъ основаніемъ предполагать, что увеличеніе числа жилыхъ комнатъ въ эстонскомъ домѣ стало появляться лишь сравнительно недавно. Скандинавскимъ вліяніемъ г. Гейкель (стр. 261—329) склоненъ объяснять устройство печей, въ которыхъ соединены вмѣстѣ и печь и очагъ (по устройству приближающійся къ чувалу), такъ что устья той и другого находятся рядомъ, но отдѣлены стѣнкой. Г. Гейкель даетъ этому типу названіе скандикавскаго или скандикавско-остерботнійскаго. Русское вліяніе сказалось, по мнѣнію г. Гейкеля, въ устройствѣ остерботнійскаго дома, но мы старались выше указать, что для принятія этого положенія нѣтъ достаточныхъ основаній. Однако, въ формѣ стола, устраиваемаго съ ящиками и часто встрѣчаемаго въ Остерботніи, г. Гейкель (стр. 252) основательно видитъ вліяніе русскихъ; это послѣднее сказалось и на установкѣ печей по формѣ, которую авторъ считаетъ русской: она встрѣчается въ сѣверныхъ частяхъ Финляндіи въ домахъ, а въ южной и западной частяхъ въ различныхъ баняхъ и ригахъ (стр. 328).

Несмотря на большое количество заимствованій, о которыхъ свидѣтельствуетъ и языкъ, и внѣшній и внутренній видъ жилища у разныхъ финскихъ народностей, несмотря на то, что само жилище съ моментами перехода его отъ шалаша и землянки къ срубу развивается подъ постояннымъ вліяніемъ сосѣдей,— въ жилищѣ финновъ мы встрѣчаемъ и своеобразныя черты, отдѣляющія ихъ отъ ихъ сосѣдей. Главныя черты этого рода были нами указаны выше, не вездѣ, однако, онѣ сказываются сь одинаковой силой. Въ настоящее время продолжаетъ совершаться ассимиляціонный процессъ финскихъ племенъ съ русскими; по мѣрѣ сліянія своего съ послѣдними финны все болѣе утрачиваютъ и самобытныя черты, отличающія ихъ постройки. Среди зырянъ и русскихъ кореловъ, гдѣ русскій элементъ подчинилъ себѣ въ культурномъ отношеніи значительную часть обоихъ народовъ, жилища почти не отличаются отъ русскихъ. Черемисы и мордва переходятъ къ русскимъ избамъ, строятъ свои деревни вдоль улицъ съ фасадами на нихъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ мы это видѣли выше, дворъ черемисина отличается отъ двора русскаго лишь сохраненіемъ куды. У вотяковъ подражаніе русскимъ сильно отражается на постройкахъ, хотя часть ихъ, подвергшаяся вліянію татаръ, слѣ-

Digitized by Google

дуетъ въ данномъ случаѣ татарскимъ образцамъ. У пермяковъ, въ мѣстностяхъ гдѣ они особенно поддались обрусѣнію, избы ихъ, по словамъ И. Н. Смирнова (Пермяки, 193), почти не отличаются отъ русскихъ. Менѣе культурныя финскія народности—лопари, остяки и вогулы—переходятъ, какъ это мы видѣли, непосредственно отъ срубовъ съ плоскими крышами къ русскимъ избамъ. Чѣмъ дальше будетъ итти этотъ ассимиляціонный процессъ, тѣмъ болѣе будутъ исчезать типичныя для финскаго жилья черты, тѣмъ ближе оно будетъ приближаться къ русскому.

Такое-же уничтоженіе финскихъ національныхъ чертъ въ жилищѣ мы вправѣ ожидать и у ливовъ, бо́льшая часть которыхъ уже поглощена латышскимъ элементомъ; вмѣстѣ съ сліяніемъ остатковъ ливовъ съ послѣднимъ, вѣроятно, исчезнутъ различія, и теперь уже незначительныя между ливскимъ и латышскимъ домомъ.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ финскій элементъ сохраняетъ свою самостоятельность—въ Финляндіи и среди эстовъ, происходитъ постепенная утрата въ постройкахъ національныхъ чертъ. Г. Гейкелю въ теченіе его изложенія много разъ приходится упоминать, что въ разныхъ мѣстностяхъ Финляндіи черты, характеризующія финскій домъ, начинаютъ исчезать. Но въ то время какъ для финновъ, поддающихся русскому вліянію, предметомъ подражанія служитъ русскій крестьянскій домъ, для ливовъ латышскій,—для жителей Финляндіи и для эстовъ таковымъ является или городской, или помѣщичій домъ. Въ Финляндіи вліяніе города сказывается на устройствѣ и внутренней обстановкѣ жилищъ, какъ въ Остерботніи, такъ и Тавастландіи, и въ отдѣльныхъ чертахъ проникаетъ и къ саволаксамъ и кореламъ, а въ Эстляндской губ., по словамъ А. Д. Солодовникова (l. c.), у нѣкоторыхъ крестьянъ - собственниковъ „встрѣчаются усадьбы прямо богатыя, снабженныя всѣми удобствами заправской помѣщичьей усадьбы... Внутренняя обстановка дома—городская: мягкая мебель, занавѣски на окнахъ, олеографіи и фотографіи по стѣнамъ... Около дома разбитъ садъ съ дорожками, усыпанными пескомъ, съ клумбами цвѣтовъ и съ фруктовыми деревьями“.

Н. Харузинъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google





Digitized by Google



Digitized by Google

## Акирь повѣсти и Акирь легенды.

Г. Лопаревъ напечаталъ „Слово о св. Ѳеостириктѣ или Ѳеоктиристѣ“ (Памятники древней письменности. XCIV. Слово о св. патріархѣ Ѳеоотириктѣ. Къ вопросу о 29-мъ февраля въ древней лирературѣ. Спб., 1893), о которомъ еще ранѣе А. Н. Веселовскій уже говорилъ въ своей рецензіи на книгу: M. Gaster, Ilchester lectures on grecoslavonic literature, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1888, мартъ стр. 225—228). Содержаніе этого слова такое. Царь Синагрипъ и Акирь плывутъ куда-то „на брань“ на кораблѣ и терпятъ крушеніе отъ бури. По совѣту Акиря, Синагрипъ обѣщаетъ отслужить канонъ св. Николаю и поставить святому свѣчу, и буря утихаетъ. Синагрипъ проситъ Акиря вызвать св. Николая. Акирь говоритъ, что это можетъ сдѣлать только митрополитъ Ѳеоктеристъ. Митрополитъ соглашается исполнить желаніе царя, но требуетъ, чтобъ была выстроена церковь. Все готово, церковь выстроена, трапеза приготовлена, ждутъ святителя, но онъ долго не является: онъ замѣшкался, спасая утопавшихъ; спасенные поднесли св. Николаю курецъ. Когда все это святой разсказалъ Ѳеоктеристу, тотъ сказалъ, что изъ-за такихъ пустяковъ онъ трехъ шаговъ не ступилъ бы. За этотъ недостатокъ милосердія святые отцы приговорили память о св. Ѳеоктеристѣ праздновать только черезъ четыре года.

Царь Синагрипъ и Акирь извѣстны также изъ старинной повѣсти объ Акирѣ премудромъ, но въ содержаніи повѣсти нѣтъ ничего, напоминающаго апокрифъ, кромѣ именъ, такъ что трудно угадать, какимъ образомъ эти имена пристроились къ апокрифу. Мы попробуемъ объединить эти два сказанія посредствомъ восточныхъ параллелей.

Начнемъ съ повѣсти. Прежде всего мы остановимся на тѣхъ параллеляхъ, которыя къ этой повѣсти даетъ лаcская легенда о построеніи храма Мунко-цзу.

Тибетскій царь Сронцзанъ-Гамбо посылаетъ своего вельможу Гари (Гвардамбо, Оки-Гари-тамба, Ха-тамба-лама) сватать для него царевну, дочь сосѣдняго царя. Гари успѣшно исполнилъ порученіе,

Digitized by Google

привезъ царскую невѣсту, но царь заподозрилъ, что онъ хотѣлъ невѣсту удержать для своего сына (какъ въ варіантѣ, напечатанномъ мною въ „Танг.-тиб. окраинѣ Китая“, II, 198) или для себя (какъ во вновь записанномъ мною, еще не напечатанномъ варіантѣ). Гари ослѣпленъ и сосланъ. Между тѣмъ царь очутился въ затруднительномъ положеніи; онъ задумалъ строить храмъ для святыни, привезенной вмѣстѣ съ невѣстой, но постройка его не удается; построенныя стѣны многократно разрушаются; это потому, что постройка возводится надъ мѣстомъ, которое есть „пупъ моря“. Нужно знать тайну, какъ укрѣпить постройку, а ее, говорятъ царскіе совѣтники, знаетъ только сосланный Гари. Подосланые переодѣтые люди вывѣдываютъ секретъ у опальнаго вельможи, и постройка довершена, но Гари погибъ въ наводненіи. Возлѣ палатки, въ которой онъ жилъ въ изгнаніи, былъ колодезь, въ которомъ его сынъ ежедневно поилъ скотъ и, напоивъ, всегда затыкалъ его камнемъ. Какъ только Гари выдалъ тайну, камень отвалился, вода начала изливаться изъ колодезя и залила долину.

Въ этой тибетской легендѣ прежде всего бросается въ глаза сходство съ талмудической легендой о построеніи Соломонова храма; такъ же, какъ и тамъ, неудающаяся постройка; какъ и тамъ, секретъ добывается отъ какого-то мудраго человѣка; въ обѣихъ легендахъ есть колодезь, въ которомъ или мудрый человѣкъ (Асмодей) самъ утоляетъ свою жажду, или его скотъ; въ обоихъ случаяхъ колодезь аккуратно запирается послѣ того, какъ изъ него пили. Разлива воды и объясненія неудачи въ постройкѣ пупомъ моря въ палестинской легендѣ нѣтъ, но эти темы есть въ Палестинѣ, только онѣ стоятъ отдѣльно отъ легенды. Мы разумѣемъ разсказъ въ образованіи Мертваго моря и средневѣковое повѣрье, что въ Іерусалимѣ находится пупъ земли. Этимъ параллели не ограничиваются. Въ библейской исторіи построенія храма сказано, что пособникомъ при построеніи его былъ царь Тира Хирамъ; онъ доставилъ для постройки храма лѣсъ изъ Ливана и драгоцѣнности; онъ же прислалъ и художника, который украсилъ храмъ своими произведеніями; художникъ носилъ имя Хирамъ-Авіа сходное съ именемъ тирскаго царя. Когда храмъ былъ конченъ, Соломонъ вознесъ къ Богу молитвы; Богъ явился Соломону и сказалъ: „если будешь ходить предъ лицомъ Моимъ въ чистотѣ сердца и правотѣ, поставлю престолъ твой надъ Израилемъ во вѣки; если же вы отступите отъ Меня, истреблю Израиля съ лица земли и храмъ отвергну отъ лица моего“ (III кн. Цар. IX, 4—7). Хирамъ, за оказанную имъ помощь, получилъ отъ Соломона двадцать городовъ; онъ вышелъ посмотрѣть на нихъ и остался недоволенъ наградой. Эти мелкія подробности въ ласской легендѣ получили нѣсколько иное развитіе; вмѣсто Хирама въ ней явился быкъ; въ числѣ мѣръ, указанныхъ сосланнымъ Гари, для успѣшнаго исполненія задуманной постройки слѣдовало употреблять на работу сиваго быка; на немъ возили

Digitized by Google

строительный матеріалъ, лѣсъ и камни [1]). Когда постройка была кончена, были прочитаны молитвы, которыми призывалось благоволеніе боговъ на всѣхъ трудившихся при постройкѣ, но быкъ былъ забытъ. Онъ остался недоволенъ и пригрозилъ, что въ будущемъ отомститъ эту обиду. Главный строитель и здѣсь, какъ и Хирамъ палестинскій, остался недоволенъ, и ему же приписана угроза, которую въ библейскомъ разсказѣ дѣлаетъ Богъ не за обиду, будто бы сдѣланную, а за отступленіе отъ закона, которое предполагается въ будущемъ [2]).

Если Соломоновскія темы въ такомъ количествѣ нашлись въ восточномъ Тибетѣ, то мы можемъ разсчитывать наткнутсья здѣсь и на другія палестинскія темы. Очевидно, между Тибетомъ и Палестиной были сношенія; почему бы послѣ этого останавливаться передъ вопросомъ, не найдется ли здѣсь или вообще на сосѣднемъ съ Тибетомъ востокѣ параллелей и къ сказанію о Синагрипѣ и Акирѣ, которое по своимъ географическимъ воспоминаніямъ сосѣдитъ съ Соломоновской сагой: въ немъ упоминается Египетъ; египетскій царь задаетъ Синагрипу загадки, и Акирь ѣдетъ посломъ въ Египетъ; имя Синагрипъ принимается за геродотовское Саннахеримъ, а этимъ именемъ у Геродота назывался царь ассирійскій и арабскій.

И въ самомъ дѣлѣ, параллели къ славянской повѣсти находятся на степномъ востокѣ.

Судьба ласскаго вельможи Гари нѣсколько напоминаетъ Акиря. Гари заподозренъ въ намѣреніи отнять у царя невѣсту—Акирь оклеветанъ: ему приписано намѣреніе лишить царя престола; Гари отправленъ въ ссылку—Акирь отправленъ тюрьму; въ обоихъ ска-

---

1) Разсказъ о построеніи храма (Ѳнгэрикіинъ-цзу) въ Гэсэріадѣ, который, можетъ быть, представляетъ отраженіе ласской леденды, ближе къ библейскому тѣмъ, что пособникомъ Гэсэру въ его постройкѣ является не быкъ, а человѣкъ, купецъ, который проходилъ мимо Гэсэровой стоянки съ караваномъ драгоцѣнностей (Танг.-тиб. окраина Китая, II, 11).

2) Быкъ—строитель впослѣдствіи возрождается въ видѣ царя съ бычьими рогами; онъ описывается, какъ гонитель закона; но его тератологическія особенности напоминаютъ бога Ерликъ-хана, который почитается карающимъ стражемъ закона. Въ дальнѣйшемъ ходѣ ласской исторіи также отраженія библейскаго разсказа. Пораженіе Голіаѳа въ ласской легендѣ обратилось въ пораженіе быка—царя; поражаетъ послѣдняго человѣкъ, одѣтый въ платье религіозной пляски; онъ пляшетъ передъ тѣмъ, какъ убить царя. Этотъ ѳиналъ ласской легенды я уже сближалъ съ послѣднею сценой въ XXIII главѣ „Шиддикура", въ которой соперникъ царя пляшетъ и лишаетъ его престола. Увидя эту пляску, царица стала улыбаться—какъ бы смутный намекъ на Мелхолу, которая посмѣялась надъ пляшущимъ Давидомъ. Человѣкъ, убившій царя—быка, убѣгаетъ отъ погони и скрывается въ пещерѣ; погоня догоняетъ его, входитъ въ пещеру, но видитъ въ ней вмѣсто живого человѣка неподвижную статую (Танг.-тиб. окраина, II. 200, 250). Не отголосокъ ли это библейскаго разсказа о томъ, какъ слуги Саула входятъ въ домъ Давида съ намѣреніемъ убить его и находятъ въ постели вмѣсто Давида лежащую статую?

Digitized by Google

заніяхъ царь очутился въ затруднительномъ положеніи и принужденъ обратиться къ разуму опальнаго вельможи. Дальнѣйшія подробности не сходны. Хотя сходство ограничивается немногими чертами, тѣмъ не мѣнѣе напрашивается предположеніе, не содержался ли въ сказаніи объ Акирѣ разсказъ о сватовствѣ, какъ и въ сказаніи о Гари? Можетъ быть, Акирь ѣздилъ въ Египетъ сватать для алевитскаго царя Синагрипа дочь фараона вродѣ того, какъ Гари ѣздилъ къ танскому царю сватать принцессу за своего тибеткаго царя Сронцзанъ-Гамбо. Гари могъ получить невѣсту только послѣ того, какъ онъ обнаружилъ передъ танскимъ царемъ изобрѣтательность своего ума: онъ сумѣлъ продѣть нить черезъ изворотливый каналъ бусины, сумѣлъ открыть подлинную царевну среди двадцати псевдоцаревенъ; Акирь съ сходнымъ остроуміемъ сумѣлъ найтись при рѣшеніи заданныхъ ему задачъ.

Временно мы оставимъ ласскую легенду и перейдемъ къ другому сказанію, представляющему болѣе яркую параллель къ Акирю. У южносибирскихъ тюрковъ и у бурятъ записаны преданія о Шуно; ихъ разсказываютъ и около Байкала, и въ южной части Енисейской губерніи, и въ Алтаѣ; знаютъ этого героя также и киргизы (Кокчетавскаго округа); они называютъ его Сна-батырь; наконецъ, помнятъ или, по крайней мѣрѣ, недавно помнили эти разсказы и астраханскіе калмыки [1]).

Сагайское преданіе у Радлова передаетъ исторію Шуны въ такомъ видѣ. У киргизскаго хана Kongdaidjy былъ семилѣтній сынъ Суну (Sunu). На домъ хана сталъ нападать тигръ; ханъ собралъ народъ и выступилъ противъ тигра. Суну сталъ также проситься съ ханомъ, но ханъ сказалъ ему, что онъ слишкомъ малъ, и не взялъ. По отъѣздѣ хана Суну пошелъ стрѣлять птицъ, увидѣлъ тигра, выстрѣлилъ, попалъ ему въ лобъ и, связавъ его древесной корой, оставилъ на мѣстѣ. Киргизы нашли связаннаго тигра и думаютъ, это Суну-матыръ убилъ тигра; если онъ выростетъ, намъ придется плохо; надо оклеветать его. Они пошли къ хану и оклеветали его. Одинъ сказалъ: „Суну спалъ съ моей дочерью!“ Другой сказалъ: „Суну спалъ съ моей женой!“ Женщины и дѣвицы принесли къ хану свое бѣлье, будто бы изорванное Суну-матыромъ. Конгдайджи велѣлъ вырѣзать хрящи изъ лопатокъ Суну-матыра, связать ему руки за спиной и бросить въ яму, глубиной въ семь саженъ. Спустя три года, изъ Монголіи былъ присланъ къ Конгдайджи лукъ, поднять который нужно было не мѣ-

[1]) Преданія о Шуну напечатаны въ слѣдующихъ сборникахъ: W. Radlof, Proben, II, 380 (въ сагайской деревнѣ Аскызъ у племени Киргизъ); IV, 206 (у телеутовъ въ селеніи Бачатъ); о. Вербицкій: Алтайскіе инородцы, М., 1893, стр. 117—121; Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями, Иркутскъ, 1890, стр. 36—43 (у балаганскихъ бурятъ); Очерки сѣв.-зап. Монголіи, IV, 301 (у аларскихъ бурятъ).



нѣе шести человѣкъ. Если не найдется у Конгдайджи человѣка, который бы натянулъ этотъ лукъ, то Конгдайджи долженъ платить дань. Конгдайджи вспомнилъ о сынѣ, заплакалъ и велѣлъ посмотрѣть въ ямѣ, не живъ ли онъ. Положили Суну-матыра на войлокъ и подняли изъ ямы; тѣло его стало чернымъ. Вымыли его кислымъ молокомъ и накормили его мозгомъ костей. Черезъ мѣсяцъ (такого ухода?) онъ пришелъ въ старую силу. Суну началъ натягивать лукъ; лукъ лопнулъ. Монгольскіе послы должны были со стыдомъ возвратиться въ свое отечество. На этомъ исторія Суну-матыра кончается; далѣе идетъ разсказъ о другомъ сынѣ Конгдайджи Амыръ-саранѣ [1]). Другіе варіанты дополняютъ это преданіе слѣдующими чертами. По алтайскому варіанту Радлова у Шуны (Schünü) три брата: Амыръ-сана, Тэмиръ-сана и Калданъ-чэрö; когда посрамленные послы съ изломаннымъ лукомъ удалились, три брата отправляются собирать дань; Шöнö ѣдетъ за ними слѣдомъ, напускаетъ морозъ; они останавливаются. Шöнö ѣдетъ впередъ и собираетъ дань. На обратномъ пути онъ встрѣчаетъ трехъ человѣкъ, предлагающихъ ему водку, но одинъ изъ нихъ совѣтуетъ не пить, а отдать собакѣ; собака издохла. Шöнö не возвращается къ отцу, а уѣзжаетъ къ русскому царю, который даетъ ему „Красношоковъ", Въ алтайскомъ преданіи у о. Вербицкаго Шюна оскорбленъ братомъ Калданомъ, который отнялъ у него любовницу Кара-кызъ [2]). Шюна пустилъ стрѣлу въ юрту брата; братъ пожаловался отцу царю, тотъ велѣлъ засадить Шюну въ подземелье, въ 70 саж. глубиной. Одинъ старикъ сдѣлалъ подкопъ къ темницѣ и въ продолженіе семи лѣтъ питалъ узника. Тогда Черный Калмыкъ присылаетъ къ Конгдайджи пословъ однихъ за другими съ предложеніемъ отгадать, въ первый присылъ — которая изъ двухъ сорокъ дѣйствительная, которая обращенная шаманомъ изъ вороны; во второй присылъ—который конецъ у куста таволги вершина, который комель. Старикъ получаетъ отъ Шюны отгадки и передаетъ хану. Въ третій присылъ принесенъ лукъ; тридцать человѣкъ разомъ тянули его и не могли натянуть. Тогда вынимаютъ Шюну изъ подземелья. Онъ обросъ мохомъ и не можетъ глядѣть на свѣтъ. Его вымыли верблюжьимъ молокомъ, напоили водкой и накормили бараниной.

---

[1]) Разсказъ объ Амыръ-саранѣ еетъ, повидимому, продолженіе исторіи Шуны, къ которой тутъ примѣшаны историческіе факты о послѣднемъ джунгарскомъ ханѣ Амурсанѣ, бѣжавшемъ въ Россію. Китайцы требовали выдачи его, а когда имъ сказали, что онъ умеръ, то они просили показать его кости. Въ сагайскомъ преданіи Амыръ-саранъ готовится умереть, только проситъ своего дядю русскаго царя, чтобъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу опустили его коня, панцырь, лукъ и стрѣлу и черезъ три дня посмотрѣли на трупъ. По истеченіи трехъ дней бѣлый царь заглянулъ въ могилу; трупъ исчезъ.

[2]) Кара—по-тюркски „черная", кызъ—„дѣвица".


Digitized by Google

Судьба Шуно похожа на судьбу Гари и Акиря, особенно на судьбу послѣдняго. Онъ также оклеветанъ и посаженъ въ тюрьму, какъ и Акирь, и ему также приходится давать разгадки на загадки враждебнаго царя. Въ разсказѣ о Гари послѣдовательность другая: сначала загадки, потомъ ссылка, которая тутъ замѣняетъ тюрьму; въ повѣсти объ Акирѣ сначала тюрьма, потомъ загадки; въ разсказѣ о Шуно порядокъ, какъ въ славянской повѣсти — тоже сначала тюрьма, потомъ загадки. Въ обоихъ сказаніяхъ разрѣшенія заданныхъ иностраннымъ царемъ задачъ влекутъ за собой освобожденіе узника. Шуно вышелъ изъ ямы обезсиленный, и его пришлось откармливать; эта черта есть и въ повѣсти объ Акирѣ. По освобожденіи изъ тюрьмы его также пришлось откармливать.

Разстояніе между мѣстностями, гдѣ записаны ласская легенда (сѣверо-восточный уголъ Тибета) и тюркское преданіе о Шуно (южная Сибирь) значительно, около 2000 верстъ; въ промежуточномъ пространствѣ, т.-е. на плоскости Монголіи, сказанія о Шуно не замѣчено. Но чего теперь нѣтъ, могло быть прежде; въ старое время сказаніе о Шуно могло быть распространеннымъ на югъ отъ Сибири до предѣловъ Тибета. Сказаніе о Шуно встрѣчается преимущественно у тюрковъ; изъ монгольскихъ племенъ оно находится только у бурятъ и калмыковъ, т.-е. у тѣхъ племенъ, которыя были близки къ тюркамъ, жили съ ними въ сосѣдствѣ и обнаруживаютъ слѣды тюркскаго вліянія какъ въ языкѣ, такъ и въ сказаніяхъ. Плоскость Монголіи, занятая теперь монголами, нѣкогда была занята тюрками; за такія племена принимаютъ Тугю и Уйгуровъ; въ то время, когда они занимали Монголію, сказанія о Шуно вмѣстѣ съ другими тюркскими сказками должны были распространяться на югъ столь далеко, какъ далеко простирались кочевья этихъ народовъ и владѣнія ихъ властителей, и владѣнія обоихъ этихъ племенъ доходили до сѣвернаго Тибета.

Китайскія лѣтописи сохранили извѣстія, что народъ Тугю предкомъ своимъ считалъ нѣкоего Асену (Sena) или Ашену или Асяньше и разсказывалъ о немъ, будто онъ былъ выкормленъ волчицей. Имя Sena, Асена, Ашена оріенталисты сближаютъ съ монгольскимъ *шоно*, „волкъ". Предокъ уйгурскихъ царей по одной легендѣ, сохранившейся въ китайской лѣтописи, произошелъ отъ союза хуннской царевны съ волкомъ. Монгольское книжное сказаніе ведетъ начало монгольскаго народа также отъ волка; у Сананъ-сэцэна и въ Алтанъ-Тобчи предокъ монгольскаго народа называется Бурте-чино; второй членъ *чино* значитъ „волкъ". Въ Юань-чао-ми-ши просто сказано, что предокъ монголовъ былъ „сѣрый волкъ". Этимъ волкомъ, или Бурте-чино, и начинается рядъ монгольскихъ хановъ по книжнымъ монгольскимъ сказаніямъ. Мною въ сѣверномъ Тибетѣ записана легенда о Ли-сунъ-сяо, который былъ прижитъ царевной съ каменной бабой, брошенъ въ пещерѣ и выкормленъ лисицей (по-монгол. *унюгунъ*, по-широнгольски *хунугунъ*). Мы смотримъ на эти

Digitized by Google

факты, какъ на подкрѣпленіе нашего мнѣнія, что сказанія о царевичѣ, воспитанномъ волкомъ, или о предкѣ волкѣ распространялись отъ южной Сибири до сѣвернаго Тибета. Вѣроятно, не мало сюжетовъ уйгуры или вообще тюрки, кочевавшіе у сѣверной окраины тибетскаго нагорья и жившіе тутъ осѣдло, имѣвшіе государственность и письменность, передали дикимъ своимъ сосѣдямъ тангутамъ. Мы думаемъ, что возможно поставить вопросъ и о сѣверномъ происхожденіи ласской легенды о Сронцзанъ-Гамбо и Гари.

Южно-сибирское сказаніе о Шуно, вѣроятно, относится къ тому же персонажу, т.-е. къ предку волку, или, по крайней мѣрѣ, тема о предкѣ народа волкѣ или, что то же, о предкѣ царей (т.-е. о первомъ царѣ) находилась въ одной схемѣ съ тѣми темами, которыя теперь связаны съ именемъ Шуно. Схема была такая: сначала шелъ разсказъ о рожденіи и дѣтствѣ перваго царя (разсказы о „шоно", предкѣ волкѣ), потомъ слѣдовалъ разсказъ о царѣ и мудрецѣ (Шуно), отгадывающемъ загадки. Въ этомъ сводномъ разсказѣ имя Шуно, конечно, должно остаться при одномъ которомъ-нибудь персонажѣ,—или при царѣ, или при мудрецѣ. Ласская легенда можетъ быть принята за преданіе о первомъ царѣ (Сронцзанъ-Гамбо), въ которой разсказъ о сверхъестественномъ рожденіи его опущенъ, но сохранился разсказъ о мудрецѣ; ласская легенда (по нашему предположенію) ведетъ свое начало отъ той гадательной тюркской версіи, въ которой имя Шуно пріурочено было къ царю, и для мудреца потребовалось новое имя (Гари). Въ ласской легендѣ мы находимъ схему усложненною темой о сватовствѣ. Это усложненіе совершилось, кажется, на сѣверѣ. Въ статьѣ „Ордынскія параллели къ поэмамъ ломбардскаго цикла" мы указали на близость персонажей Шуно, Хасара и Тасъ-хара; этими сопоставленіями Шуно сближается съ стрѣлкомъ, который участвуетъ въ походѣ Чингисъ-хана для пріобрѣтенія жены. Разница въ томъ, что въ ласской легендѣ царь Сронцзанъ не ѣздитъ самъ по невѣсту, а посылаетъ свата, мудраго вельможу; въ сѣверныхъ же монгольскихъ сказаніяхъ о Чингисѣ царь и его помощникъ ѣдутъ вмѣстѣ. Впрочемъ, и въ Тибетѣ была, можетъ быть, версія, по которой царь самъ принималъ участіе въ поѣздкѣ. Книжное сказаніе о Сронцзанѣ расходится съ народной редакціей; Сронцзанъ-Гамбо требуетъ у китайскаго двора невѣсту, получаетъ отказъ и идетъ войной на Китай. Въ китайской лѣтописи (О. Іакинѳъ, Исторія Тибета и Хухунора, Спб., 1833, стр. 130) это разсказано такъ. Первымъ сильнымъ туфаньскимъ кянбу (т.-е. тибетскимъ царемъ) былъ Лунцзанъ. Перваго посланника въ Китай онъ отправилъ въ 634 г. съ предложеніемъ о бракѣ, прося царевну. Получивъ отказъ, онъ вступилъ въ Китай съ войскомъ. Китай согласился выдать царевну. Лунцзанъ послалъ посла великаго луньчжи Лудунъ-цзаня; посолъ очень понравился императору, и онъ его женилъ на китаянкѣ, а за Лунцзаня выдалъ княжну Вынъ-ченъ. Лунцзанъ выѣхалъ

Digitized by Google

встрѣчать царевну въ Бохай, по возвращеніи построилъ для царевны городокъ и дворецъ. Къ этому мѣсту сдѣлано о. Іакинѳомъ подстрочное примѣчаніе: „Сему государю приписываютъ построеніе главнаго Будалинскаго дворца, въ которомъ живетъ далай-лама. Подъ Лунцзанемъ тутъ, несомнѣнно, разумѣется тибетскій Сронцзанъ, и Лунцзань есть искаженное китайскимъ произношеніемъ имя тибетскаго царя.

Мы выше сказали о возможности постановки вопроса о сѣверномъ происхожденіи ласской легенды о Сранцзанъ-Гамбо и Гари. Мы идемъ далѣе и думаемъ, что не только ласскую легенду легко принять за отголосокъ далекихъ сѣверныхъ сказаній, но что можетъ быть возбужденъ вопросъ о сѣверномъ происхожденіи тибетской лѣтописи, по крайней мѣрѣ той ея части, которая начинается Сронцзаномъ Гамбо и кончается Ландармой. Сравнимъ тибетскую легенду съ лѣтописными извѣстіями о Сронцзанѣ.

Легенда знаетъ царя Сронцзана-Гамбо; при немъ мудрый вельможа, который высватываетъ для царя чужеземную царевну. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана въ Тибетѣ воцаряется нечестивый царь Ландарма, гонитель истиннаго ученія. Онъ имѣетъ на головѣ бычьи рога; это признакъ того, что подъ видомъ этого царя вновь явился тотъ быкъ, который доставлялъ матеріалъ для постройки, былъ обиженъ и пообѣщалъ отмстить обиду.

Лѣтопись начинается повѣствованіемъ о мудромъ царѣ Сронцзанѣ; его мудрости Тибетъ обязанъ введеніемъ буддизма, заведеніемъ спокойствія общественнаго и гражданскаго порядка. Мудрость здѣсь приписана самому царю. Черезъ нѣсколько поколѣній послѣ Сронцзана воцаряется Ландарма (гланъ-дарма), свирѣпый гонитель буддизма; и лѣтопись указываетъ на бычьи признаки царя; самое имя его включаетъ въ себѣ членъ *гланъ*, что по-тибетски значитъ „быкъ“.

И легенды и лѣтопись говорятъ о какомъ-то царѣ-быкѣ. Это относитъ насъ къ воспоминаніямъ объ уйгурскихъ царяхъ, сохранившихся у китайскихъ и мусульманскихъ писателей. Первый уйгурскій царь былъ Бука-ханъ; *бука* по-тюркски — „порозъ“. Объ немъ у д' Оссона (Histoire des Mongoles par C. d'Ohsson, t. I, p. 432) читаемъ слѣдующій разсказъ, заимствованный изъ арабской книги Тарихъ Джиганкушай, написанной Джувейни. Въ мѣсности Кумланджу при сліяніи Толы и Селенги стояли два дерева; однажды замѣтили, что земная поверхность между ними начала подниматься и образовала холмикъ; потомъ этотъ холмикъ вскрылся, и изъ него вышли пять мальчиковъ; когда дѣти спросили, кто ихъ родители, имъ указали на два дерева; они пришли отдать имъ честь, которую дѣти обязаны отдавать виновникамъ жизни; деревья заговорили по-человѣчески; они учили дѣтей стяжать самыя отмѣнныя качества и желали имъ долгой жизни и вѣчной славы. Одинъ изъ этихъ пяти мальчиковъ, повидимому самый младшій, сталъ впослѣдствіи

Digitized by Google

знаменитъ подъ именемъ Boucou-tèkin'a [1]). Далѣе д' Оссонъ приводитъ о томъ же разсказъ китайской книги Su-houng-kiang-lou. Въ горахъ Khorin берутъ начало двѣ рѣки: Тула и Селенга; въ одну ночь необычайный свѣтъ спустился на дерево, которое находилось между двумя рѣками: обитатели окрестностей отправились туда и нашли дерево вздувшимся на подобіе забеременѣвшей женщины. Послѣ девяти мѣсяцевъ и десяти дней оно родило пять мальчиковъ. Жители страны, полные удивленія, воспитали новорожденныхъ. Младшій получилъ имя Bouka-khan; онъ подчинилъ себѣ сосѣднія страны и сдѣлался ихъ царемъ (ibid., 438 439).

Тибетская лѣтопись разсказываетъ, что у тибетскаго быка-царя Ландармы было два сына, которые послѣ смерти отца вели между собой убійственную войну. Въ книгѣ Бодиморъ эта исторія разсказана такъ: послѣ смерти Ландармы одна изъ его женъ осталась беременной; ожидаемаго ребенка разсчитывали сдѣлать царемъ; старшая жена царя, не желая потерять свое значеніе, придала себѣ ложный видъ беременности, и когда у дѣйствительно беременной родился сынъ, она взяла у одной нищей женщины ея новорожденнаго и выдала за своего сына. Впослѣдствіи эти два принца начали распрю, которая продолжалась сорокъ семь лѣтъ и имѣла послѣдствіемъ полное разореніе страны (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mong, S. 363).

Такая же распря имѣла мѣсто, кажется, и въ уйгурской лѣтописи. О Бука-ханѣ говоритъ нѣсколько словъ персидскій историкъ Рашидъ-эддинъ. Былъ, говоритъ онъ, найманскій государь Инанчъ-Екэ-Тука-ханъ (Тука въ транскрипціи переводчика г. Березина; вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, читать Буку-канъ; см. Танг-тиб. окраина Китая, II, 215). Екэ, переводитъ Рашидъ-эддинъ, значитъ „великій", а Туку-ханъ въ древности былъ великій государь, котораго уважали уйгуры и другія племена. „Говорятъ, что онъ родился отъ дерева" (дѣло идетъ, очевидно, объ уйгурскомъ Бука-ханѣ, о которомъ мы только что сдѣлали выписку изъ книги д' Оссона и котораго также лѣтопись признаетъ за сына дерева). Этотъ Инанчъ-Екэ-Тука-ханъ... имѣлъ дѣтей; имя старшему было Бай-Буга.... Его назвали Таянгъ-ханъ. Онъ (Тука-ханъ) имѣлъ другого сына, котораго называли Буюрукъ-ханъ. Оба брата, по кончинѣ отца, заспорили и повздорили изъ-за наложницы его, которую онъ любилъ, стали врагами и раздѣлились; нѣкоторые беки и войско присоединились къ сему брату, а нѣкоторые къ тому" („Исторія монголовъ" въ Трудахъ Вост. Отд. Археол. Общ., ч. V, стр. 111—112).

---

[1]) Холмъ, между двумя деревьями, который, къ удивленію жителей, съ каждымъ днемъ возразсталъ, напоминаетъ нѣсколько тибетское повѣрье о горѣ около Лассы, которая въ извѣстную пору года начинаетъ двигаться (разростаться?) по направленію къ городу. Подъ ней лежитъ, говорятъ, голова Ландармы; сама гора называется Ландарменъ-тологой—«голова Ландармы» (Извѣст. Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ. 1893 г. (т. XXIV), кн. I, стр. 42).

Слова Рашидъ-эддина могутъ быть поняты такъ, что дѣло идетъ будто бы о Тукѣ-ханѣ найманскомъ, который былъ названъ этимъ именемъ въ честь древняго уйгурскаго Туку-хана. Найманскаго Тука-хана Рашидъ-эддинъ далѣе дѣлаетъ современникомъ Чингисъ-хана, но исторія двухъ сыновей Тука-хана взята Рашидъ-эддиномъ, повидимому, изъ уйгурскихъ лѣтописей. Она напоминаетъ разсказъ китайской, вѣрнѣе уйгурской лѣтописи о Хэли-ханѣ и Инанѣ (см. о. Іакинѳа, Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи; Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 178). Инань изъ племени Илихи, вассалъ Хэли-хана, тайно измѣняетъ хану; между ними происходитъ война, которая кончается пораженіемъ хана; ханъ обращается въ бѣгство съ остатками своихъ приверженцевъ подобно, тому, какъ Ванъ кирейскій бѣжалъ въ пустыню отъ своего подданнаго Чингиса[1]). Имена уйгурской лѣтописи представляютъ нѣкоторое сходство съ именами позднѣйшей монгольской исторіи; Хэли можетъ быть искаженное китайцами Кирей; Хэли-ханъ было только титуломъ хана, подобно монгольскому „ханъ киреевъ" какъ въ лѣтописи титулуется Ванъ, соперникъ Чингиса. Настоящее имя Хэли-хана было Дуби; это имя напоминаетъ Тубута-тэнгри, другого соперника Чингиса. О Хэли-ханѣ сказано, что онъ былъ пожалованъ отъ китайскаго императора званіемъ Вана; монгольская лѣтопись то же разсказываетъ о кирейскомъ ханѣ; онъ назывался Ваномъ потому, что ему китайскій дворъ пожаловалъ это званіе за какую-то услугу. Инань, сказано въ уйгурской лѣтописи, былъ изъ племени Илихи; у Вана кирейскаго былъ братъ Эрке, который однажды свергнулъ Вана съ престола и заставилъ его скитаться въ пустынѣ; въ китайскихъ памятникахъ это имя является въ формѣ Илихе, очень близкой къ вышеприведенному Илихи. У этого Инаня, продолжаетъ уйгурская лѣтопись, было два сына, которые долго враждовали между собой изъ-за престола по смерти отца, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не восторжествовалъ; онъ занялъ престолъ и назвался Дони-ханомъ, подъ которымъ, вѣтоятно, надо видѣть Рашидъ-эддиновскаго Таяна. На родство сказаній монгольскаго и уйгурскаго указалъ уже г. Березинъ, переводчикъ Рашидъ-эддина.

И въ тибетской исторіи и въ уйгурской мы находимъ быка-царя; и въ той и другой послѣ его смерти идетъ разсказъ о сильной распрѣ его сыновей [2]). Можно думать, что тибетскій и уйгурскій разсказы—оба одного происхожденія, вопросъ только въ томъ, кто у кого заимствовалъ. Такъ какъ уйгурская, вѣрнѣе тюркская, цивилизація древнѣе тангутской, тюрки ранѣе образовали осѣдлости

---

[1]) Китайская лѣтопись, сохранившая эти сказанія, вѣроятно взяла ихъ изъ уйгурскихъ лѣтописей.

[2]) Сказка о сынѣ дерева, избраннаго потомъ въ цари, была извѣстна въ Тибетѣ; см. Дараната, Ист. буддизма въ Тибетѣ (В. Васильевъ, Буддизмъ, т. III, Спб. 1869), стр. 199—200. Это былъ царь Гопала: *го* по-санскритски «корова».



и государства и вѣроятно ранѣе составили лѣтописи, то вѣроятнѣе, что тангуты сдѣлали позаимствованіе; они ввели въ свою лѣтопись отрывокъ изъ уйгурской.

Сронцзанъ-Гамбо представляетъ духовную противоположность Ландармѣ; этотъ—нечестивый, злой, скверный царь; тотъ—благочестивый, мудрый и благонамѣренный. Можетъ быть, въ разсказѣ объ нихъ не скрывается никакого историческаго факта, и мы имѣемъ дѣло только съ эпической антитезой; давая такое значеніе этому разсказу, мы можемъ предполагать, что такая же антитеза была выставлена и въ сѣверныхъ лѣтописяхъ. Сближеніе тибетскаго быка-царя съ уйгурскимъ Бука-ханомъ увлекаетъ насъ къ тому, чтобы въ сѣверномъ ордынскомъ фольклорѣ искать и другого царя, т. е. Сронцзана-Гамбо; уйгурская лѣтопись могла начинаться, какъ тибетская, т. е. и здѣсь разсказывалось въ началѣ лѣтописи о мудромъ царѣ.

Въ тюркской ордѣ мы находимъ разсказъ если не о мудромъ царѣ, то, по крайней мѣрѣ, о мудромъ царскомъ совѣтникѣ. У алтайцевъ это Ерень-чиченъ, у киргизъ Джиренше-шешенъ [1]); у бурятъ, кажется, онъ является подъ видомъ мудраго Зара (*зара*—„ежъ“ по-бурятски). Въ нѣкоторыхъ разсказахъ онъ самъ даетъ мудрые отвѣты; въ другихъ онъ ищетъ невѣсту для своего сына, встрѣчается съ мудрой дѣвицей и умѣетъ оцѣнить ея мудрость (Radloff, Proben, I, 197; IV ,201; Очерки сѣв.-зап. Монг. II, 158; IV 362—365; Танг.-тиб. окраина, II, 382). Киргизы говорятъ, что Джиреншешешенъ былъ визирь Асъ-Джанибекъ-хана, а по преданіямъ киргизъ, живущихъ около озера Иссыкъ-куля, Джанибекъ имѣлъ ослиныя уши или бычьи рога, слѣдовательно соотвѣтствуетъ тибетскому царю-быку Ландармѣ.

Въ длинной и неустойчивой исторіи сюжетовъ вельможа-совѣтникъ могъ занять мѣсто царя. И, кажется, мы можемъ найти это тюркское имя пріуроченнымъ къ одному уйгурскому царю. Въ китайской книгѣ: Suhoung-kian-lou помѣщенъ разсказъ о сынѣ Бука-хана, о Joulun ticghin'ѣ; китайцы не выговавиваютъ иностраннаго *р* и замѣняютъ его звукомъ *л*; поэтому вмѣсто Юлунъ или Джулунъ можно допустить чтеніе Юрунъ или Джурунъ. Этотъ Джурунъ-тикинъ сватаетъ китайскую царевну, только не за себя, какъ это дѣлаетъ Сронцзанъ, а за своего сына, т. е. какъ это дѣлаетъ Ерень-шешенъ или Джиренше-шешенъ. За то, что эта легенда одного происхожденія съ ласской, говоритъ одна подробность. Въ ласской легендѣ съ отвозомъ невѣсты соединено пріобрѣтеніе святыни въ видѣ статуи, т. е. предмета, который, судя по аналогіямъ, долженъ доставить странѣ благоденствіе; и въ уйгурской также: китайскіе послы просятъ у Джурунъ-тикина въ калымъ за невѣсту гору, въ

[1]) *Шешен* киргизское, *чичен*, *чечен* алтайское, *цэцэн* монгол., *сысын* бурятское—„мудрецъ“.

8*



которой было заключено счастье уйгурскаго народа (d' Osson, Histoire d. Mong., t. I, p. 439). Разница только въ томъ, что въ тибетской легендѣ святыня переносится отъ тестя къ свекру, а въ уйгурской отъ свекра къ тестю.

Эти сближенія даютъ намъ поводъ объяснить и имя тибетскаго царя Сронцзана сѣверными звуками. Оно, можетъ быть, принято за парное, составленное изъ членовъ Срон и цзан. Въ имени Сронъ, можетъ быть, скрывается сѣверное тюркское Джиренъ.

Въ былинахъ и преданіяхъ на сѣверѣ (т.-е. въ Монголіи и Алтаѣ) встрѣчается парное Иринъ-сайнъ (у алтайцевъ. Иринъшайнъ). Такъ называется богатырь, о которомъ поются длинныя былины и разсказываются сказки; онѣ записаны въ сѣверо-западной Монголіи, въ Ордосѣ и на Алтаѣ. Племя Хото-гойту считаетъ Иринъ-сайна своимъ предкомъ (Очерки сѣв.-зап. Монголіи, II, 25. Членъ Иринъ, вѣроятно, то же, что Джиренъ, Еренъ и пр. Членъ сайнъ встрѣчается еще въ сложномъ имени Абатай-сайнъ-ханъ и въ титулѣ одного знатнаго монгольскаго князя: Сайнъ-нойонъ. Абатай-сайнъ-ханъ иногда произносится Абатай-санъ-ханъ (Оч. сѣв.-зап. Монг., IV, 333, 340). Форма *сана* встрѣчается въ окончаніяхъ личныхъ именъ, каковы, наприм., Амурсана, Тамирсана [1]). Не происходятъ ли эти *сана* и *сан* отъ монгольскаго *шоно*, „волкъ?“ Въ дархатскихъ легендахъ встрѣчается имя Шоно-нойонъ; такъ будто-бы называется бѣлокъ Мунку-саганъ, находящійся въ верхней долинѣ р. Иркута, въ Саянахъ.

Мы предлагаемъ догадку, что членъ „сайнъ“ во всѣхъ трехъ случаяхъ (Иринъ-сайнъ, Абатай-сайнъ и Сайнъ-нойонъ) явилось, какъ результатъ осмысленія [2]), и что первоначально на этомъ мѣстѣ стояло другое, можетъ быть „сана“, т.-е. шуна, „волкъ“; далѣе, что монгольское Иринъ-сайнъ въ тибетскомъ исказилось въ Сронцзанъ. Эта догадка совпадаетъ съ другою, высказанною выше, что ласская легенда ведетъ свое начало отъ версіи, въ которой имя Шуно было пріурочено къ царю, а не къ мудрецу. То же самое надо сказать и о славянской повѣсти, если имя Санахеримъ принять за парное, составленное изъ членовъ „сана“ и „херимъ“; и здѣсь членъ „сана“ стоитъ въ имени царя, вслѣдствіе чего для мудреца понадобилось новое имя—Акирь.

На связь имени Санахеримъ съ монгольскимъ „шоно“ указываетъ сравненіе одной армянской легенды съ монгольскими сказками. Г. Хахановъ записалъ легенду о братьяхъ Сеннохеримѣ [3])

---

[1]) Въ числѣ монгольскихъ именъ встрѣчаются Темурчинъ, Каракчинъ, Керемучинъ; окончаніе „чинъ“ можетъ быть *чино*, „волкъ“. Другое окончаніе „ше“ встрѣчается въ бурятскомъ и киргизскомъ: Тöмöрше, Каракше, Хурумше (Хурумчи), Джангбырше, Джиренше.

[2]) *Сайн* по-монгольски—„добрый“, „хорошій“.

[3]) У Эмина Санахеримъ.


Digitized by Google

и Сенесерѣ (Этногр. Обозр., кн. XVII, стр. 160—161); это были дѣти Оханеса. Царь велѣлъ отцу убить ихъ, но отецъ пожалѣлъ и отвезъ въ монастырь, гдѣ онъ отдалъ ихъ старцамъ на воспитаніе, а царю сказалъ, будто его волю исполнилъ. Однако, царь узналъ впослѣдствіи, гдѣ эти дѣти скрываются, и послалъ ихъ взять. Они были привезены, и царь опредѣлилъ принести ихъ въ жертву языческимъ богамъ. Но въ тотъ самый часъ, когда царь хотѣлъ было исполнить свое намѣреніе, Сеннехеримъ поднимаетъ гирю, опускаетъ ее на голову царя и убиваетъ его [1]). На эту тему у монголовъ записано нѣсколько сказокъ; Bergmann въ своихъ Streifereien (Nomad. Streif. unter d. Kalmüken, Riga, 1805) напечаталъ сказку объ Ойо-чикиту (редакція сказки выдаетъ его за воплощеніе бога Арья-Бало). У царя Унекера (Uennäkär Törölkitu) дѣти, сынъ Ойо-чикиту и дочь Эрдена-цецекъ; они отвѣчаютъ Сеннекериму и Сенесеру армянской легенды. Отцу Оханесу отвѣчаетъ звѣздовѣдъ Ajalgo, царскій совѣтникъ. Гонителемъ является не царь, а мачеха, Allabunga, жена царя. Она требуетъ смерти дѣтей; царь поручаетъ исполнить это своему совѣтнику Ajalgo, но тотъ отвозитъ дѣтей къ хутухтѣ, а царю доноситъ, что они убиты. Монастырь, какъ убѣжище, въ которомъ скрылись дѣти, замѣнился здѣсь домомъ хутухты, а хутухты, какъ духовныя лица, живутъ въ монастыряхъ. Впослѣдствіи дѣти возвращаются, и царевичъ убиваетъ мать гонительницу. Въ „Очеркахъ сѣв.-зап. Монголіи", IV, 283, я помѣстилъ варіантъ этой сказки, записанный мною около озера Убса. У царя не сынъ и дочь, а два сына царевича (ближе къ армянской легендѣ): старшій называется Ою-чикты [2]), младшій Эрдэнэ-абахай-цецекъ [3]). Мачеха настаиваетъ, чтобъ царевичи были убиты, но вельможи (тушемили), которымъ было поручено сдѣлать это, выпроваживаютъ царевичей изъ царства; убѣжище изгнанные царевичи находятъ у Тюре-герелтей-хана или (или Теръ-герелтей-хана) [4]). Сказка кончается тѣмъ, что младшій царевичъ Абахай-цецекъ возвращается, разоблачаетъ, что подъ видомъ мачехи скрывается шулмусъ (нечистая сила), и убиваетъ ее.

---

[1]) Въ армянской поэмѣ „Давидъ Сасунскій" (см. въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1881, ноябрь, стр. 51) сыновья царя язычника носятъ имена Абамеликъ и Санасаръ; царь хочетъ принести Санасара въ жертву богамъ, Санасаръ уговариваетъ отца прежде поклониться богамъ, и когда тотъ нагнулъ свою голову, сынъ опускаетъ на нее свою булаву.

[2]) Отецъ царевичей названъ почти тѣмъ же именемъ: Аю-чикты, что въ переводѣ значитъ „съ медвѣжьими ушами"; *аю* по дюрбютски и по-тюркски „медвѣдь".

[3]) Это скорѣе женское имя; *эрдэни*—„драгоцѣнность"; *цецек*—„цвѣтокъ"; *абахай* въ бурятскихъ сказкахъ означаетъ „дѣвицу".

[4]) *Тюре* или *тер*, можетъ быть, есть сокращенное *тенгри*, „небо", какъ это слово въ самомъ дѣлѣ произносится сойотами; *герелтей*, „лучезарный", отъ слова *герел*, „лучъ".


Digitized by Google

Г. Хангаловымъ записана сходная бурятская сказка. У царя Анъ-Богдора дочь, которую онъ держитъ въ подземной темницѣ. Его вельможа Таба-ярья тайно посѣтилъ ее, и царевна родила двухъ мальчиковъ. Анъ-Богдоръ узнаетъ объ этомъ и велитъ Таба-ярья убить ихъ, но Таба-ярья отвозитъ ихъ въ лѣсъ, гдѣ одинъ изъ нихъ попадаетъ на воспитаніе къ семи волкамъ (долонъ шоно). Царь узнаетъ, что дѣти живы, и посылаетъ отряды войска убить ихъ, но это не удается: волки защищаютъ дѣтей; они душатъ лошадей у царскаго войска. Въ бурятской сказкѣ гонителемъ дѣтей царь, какъ и въ армянской; повелѣніе убить ихъ дается ихъ отцу; и это такъ-же, какъ въ армянской легендѣ. Вмѣсто монастырскихъ отцовъ воспитателями изгнанныхъ дѣтей являются волки [1]). Этотъ воспитанникъ волковъ называется Шононъ-хобунъ-шолгу, „волчій сынъ Шолгу“; мы видѣли, что тугюэскій предокъ, воспитанный волчицей, носилъ имя Ашена или Асена, т.-е. шуно — „волкъ“; вѣроятно, и въ нѣкоторыхъ варіантахъ бурятской сказки царевичъ носилъ это-же имя. Въ Очеркахъ с.-з. Монг., IV, стр. 285, № 60, *б* представляетъ варіантъ той же сказки; одинъ изъ бѣжавшихъ царевичей называется Шоно-доитъ [2]); въ № 139 Шанъ-тондубъ, гдѣ Шанъ тоже, вѣроятно, „шоно“ [3]). Одинъ изъ принцевъ дорогой изнемогаетъ и отстаетъ, другой до-

---

[1]) Едва ли для разселенія этого сюжета можно намѣчать путь съ запада на востокъ; мудрено объяснить, какимъ образомъ монастырь обратился въ нору, а монахи въ волковъ; обратное же превращеніе представить себѣ легче. Семью волками представляютъ себѣ киргизы созвѣдіе Большую Медвѣдицу (Афанас., „Поэтич. воззрѣнія“, II, 762; Желѣзновъ, „Уральцы“. II, 281), которое кабардинцы принимаютъ за семь братьевъ, аталыковъ, т.-е. воспитателей чужого ребенка. Волкъ по-тюркски *бури*; семь волковъ по-тюркски будетъ *еди бури*, *джеты бури*. Б. Медвѣдица по-монгольски называется *долонъ бурханъ* (долонъ — „семь“). Не эти ли семь звѣздъ скрываются подъ видомъ семи мудрецовъ-учителей во вступительномъ разсказѣ „Шиддикура“? Въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ въ варіантѣ, слышанномъ мною у дюрбютовъ, тѣло Амы-цаганъ-бюро распадается на семь звѣздъ, которыя образуютъ Б. Медвѣдицу (Очерки с.-з. Монг., IV, 198).

[2]) Эта сказка есть варіантъ V главы „Шиддикура“ (Этн. Сборн., изд., Геогр. Общ., в. IV, стр. 35—40), Имена принцевъ—Наранъ-Гэрэлъ (лучъ солнца) и Саранъ-Гэрэлъ (свѣтъ луны).

[3]) Въ сборникѣ „Арджи-Борджи“ два мальчика изгнанника Бикаръ-Мадзади и Шялъ; послѣдній воспитался въ семьѣ волковъ. Когда они стали юношами, они убили царя-насильника; такъ какъ бурятская сказка „Анъ-Богдоръ“ представляетъ нѣсколько параллелей къ „Арджи-Борджи“ и можетъ быть принята за одну изъ ея версій, то, согласно съ „Арджи-Борджи“, мальчику, воспитаннику волковъ, слѣдовало бы убить Анъ-Богдора, какъ это дѣлаютъ и дѣти въ армянской легендѣ. Имя Богдоръ находится также въ бурятской сказкѣ о Ханъ-Гужирѣ, который ѣздилъ добывать масло изъ печени Наранъ-Гэрэла (Записки Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 1, стр. 61—77). Въ V гл. „Шиддикура“ злая мачеха требуетъ, чтобъ вырѣзали сердце у царевича Наранъ-Гэрэла. Въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ царевичъ вырѣзываетъ изъ плывущаго по рѣкѣ трупа эрдемъ (т.-е. эрдени, — „драгоцѣнность“, судя по аналогіи съ сказкой „Арджи-Борджи“?).

Digitized by Google

ходитъ до ламы отшельника и поселяется около него. Но ханъ этой земли хочетъ бросить его въ воду въ жертву водяному дракону; ханскіе слуги приходятъ взять юношу; лама спряталъ своего друга подъ котелъ; но когда ханскіе слуги хотѣли увести самого ламу, юноша вышелъ изъ-подъ котла и добровольно отдался ханскимъ слугамъ. Онъ былъ брошенъ въ воду, но благополучно выходитъ изъ нея; ханъ болѣе не преслѣдуетъ его; онъ находитъ своего брата, оставленнаго въ пустынѣ. Вмѣсто монастыря армянской легенды здѣсь пещера съ ламой отшельникомъ; добровольная отдача себя царскимъ слугамъ есть и въ армянской легендѣ.

Третья тема, связанная съ именемъ Саннахеримъ, находится у Геродота: крысы спасаютъ египетскаго царя Сеѳоса отъ нашествія ассирійскаго царя Саннахерима; онѣ перегрызаютъ доспѣхи во вражескомъ лагерѣ. Мы эту тему уже нашли въ бурятской сказкѣ объ Анъ-Богдорѣ, только вмѣсто крысъ сходную услугу здѣсь оказываютъ волки. Эта легенда о крысахъ жила когда-то въ городѣ Хотанѣ, лежащемъ на монгольской плоскости, у самой окраины Тибета. На это нахожденіе темы обратилъ уже давно вниманіе Либрехтъ и сблизилъ хотанское преданіе съ египетскимъ (Liebrecht, Zur Volkskunde. Heilbronn. 1879. S. 13, 14). Интересно, что въ томъ же Хотанѣ разсказывали легенду о раганѣ, который былъ зарытъ въ землѣ, и только одинъ праведный человѣкъ ходилъ къ нему и носилъ пищу,—тема, напоминающая Шуну, сидящаго въ ямѣ, котораго тайно кормитъ старикъ.

Сдѣланныя сопоставленія приводятъ насъ къ такому заключенію. Сказанія о Саннахеримѣ сложились въ центральной Азіи; въ первой половинѣ этого имени „сана“ мы видимъ ордынскія имена: Асена, Sena, Сна, Шуно и пр. Съ этимъ именемъ въ ордѣ были связаны темы: 1) о царевичѣ, прижитомъ отъ волка или воспитанномъ волчицей (или семью волками); 2) о сватовствѣ за иностранную царевну, при чемъ дѣятельную роль игралъ мудрый совѣтникъ царя, которому удалось дать отвѣты на хитрыя загадки, и 3) о крысахъ. Вторая тема о сватовствѣ иногда упрощалась до разсказа объ однѣхъ загадкахъ, какъ въ теперешнихъ разсказахъ о Шуно; иногда усложнялась постройкой дворца для привезенной невѣсты или храма для помѣщенія святыни, привезенной вмѣстѣ съ невѣстой. Послѣдній видъ имѣетъ ласская легенда; но, можетъ быть, и славянская повѣсть объ Акирѣ въ другихъ варіантахъ имѣла тотъ же видъ, т.-е. тутъ было и сватовство, и постройка храма. Въ дошедшей до насъ редакціи сохранился только намекъ наэту тему, —Акирь собирается строить дворецъ между небомъ и землей. Если были побочные варіанты, передававшіе, какъ Акирь сваталъ дѣвицу для своего царя, то они могли приближаться или къ редакціи ласской устной легенды (Гари одинъ ѣдетъ за невѣ-

Digitized by Google

стой), или къ редакціи книжной тибетской (царь самъ ѣдетъ за невѣстой, тогда мудрый совѣтникъ можетъ сопутствовать ему). Если редакція почему-либо была принуждена направить поѣздку черезъ море, то вотъ въ эту-то часть повѣсти и могъ вставиться разсказъ о бурѣ и страхѣ, который испыталъ царь Синагрипъ.

Формы, которая напоминала бы обѣ половины имени Саннахеримъ, въ сказкахъ и легендахъ, съ занимающимъ насъ сюжетомъ, въ Средней Азіи не замѣчено. Внѣ ихъ мы находимъ форму Ханъ-Хурмустенъ-ханъ или Ханъ-Хормуста. Ханъ въ концѣ трехчленнаго имени, конечно, „царь“, но ханъ въ началѣ должно означать что-нибудь другое. Это, можетъ быть, то же, что *анъ* въ бурятскихъ сказочныхъ именахъ Анъ-Богдоръ, Анъ-Долманъ, а также *анъ* въ имени якутскаго бога—Анъ-дарханъ-хотунъ. Возможно, что къ имени Ханъ-Хормуста были нѣкогда пріурочены темы о сватовствѣ и о построеніи храма, т.-е. если не темы о Саннахеримѣ, то темы о Сронцзанѣ. Ханъ-Хормуста, какъ думаютъ оріенталисты, соотвѣтствуетъ индійскому Индрѣ; онъ бросаетъ съ неба молніи. Сѣверные буряты шаманисты не знаютъ Хормусты или, по крайней мѣрѣ, онъ у нихъ не популяренъ: у нихъ свой Индра, это—Эсэгэ-маланъ-тэнгри, который такъ-же, какъ и Ханъ-Хормуста, помѣщается на небѣ и бросаетъ молніей. Объ этомъ Эсэгэ-маланъ буряты разсказываютъ: 1) какъ онъ женилъ своего сына, при чемъ ему пришлось пользоваться мудрымъ свѣтомъ мудреца Зарà, 2) какъ онъ строилъ дворецъ и дворецъ все разваливался, пока не былъ полученъ совѣтъ отъ старика, обреченнаго къ смерти, но котораго сынъ, жалѣючи, скрывалъ въ ящикѣ и тайно кормилъ (Извѣстія Вост.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., т. XIV, №№ 1—2, стр. 21, 22; XIX, № 3, стр. 22). Если мы перенесемъ эти темы съ бурятскаго Индры на монгольскаго, то мы получимъ ихъ пріуроченными къ парному Ханъ-Хормуста.

Въ легендѣ о св. Ѳеоктеристѣ заключается тема о вызываніи святого и о явленіи его. Такая тема довольно распространена на востокѣ. Въ Очеркахъ с.-з. Монголіи, IV, 259, я помѣстилъ разсказъ, какъ богдо-гегенъ по требованію едзенъ-хана (т.-е. китайскаго императора) вызвалъ появленіе бога Ерликъ-хана [1]); изъ земли показалось пламя и въ серединѣ его огненная голова. Этотъ разсказъ напоминаетъ мусульманскій о томъ, какъ по просьбѣ Соломона ангелъ вызвалъ огонь изъ земли и въ немъ показалъ сатану (Weil, Biblische Legenden, S. 230). Другой разсказъ помѣщенъ мною въ книгѣ «Тангуто-тиб. окраина Китая», II, 241: гегенъ Чжаинъ-чжаппа-сэнъ даетъ одному купцу мудраго слугу, а потомъ, по просьбѣ купца, гегенъ показываетъ ему этого слугу въ его настоящемъ, т.-е. божескомъ видѣ: передъ купцомъ встаетъ образъ бога Тамчинъ-чойчжала (съ бычьей головой). У монгольскаго лѣто-

[1]) Ерликъ-ханъ, царь ада, изображается съ бычьей головой.



писца Санангъ-сэцэна есть разсказъ о ханѣ, котораго далай-лама обращаетъ изъ шаманства въ буддизмъ; по просьбѣ хана далай-лама является передъ нимъ въ божескомъ видѣ, въ видѣ бога Chajanggiriw'ы, по тибетски Тамчинъ-чойчжала (Schmidt, Gesch. d. Ost-Mongol., S. 249).

Въ послѣднее путешествіе мною записанъ новый разсказъ на эту тему. Балданъ, монголъ родомъ, кончивъ обученіе въ Лассѣ и получивъ званіе хларамбо, отправился домой; далай-лама далъ ему провожатаго, которому сказалъ, что онъ долженъ проводить монгола до красныхъ песковъ. Ѣдутъ они; лама замѣчаетъ, что его слуга не простой человѣкъ, что онъ обнаруживаетъ божескія силы; когда доѣхали до красныхъ песковъ, слуга сказалъ Балдану, что служба кончена и что онъ долженъ возвратиться. Тогда Балданъ проситъ его показаться въ божеской славѣ. Слуга сказалъ, что онъ завтра исполнитъ эту просьбу, а сегодня все-таки онъ пойдетъ домой, и далъ Балдану нѣкоторыя наставленія: Балданъ долженъ приготовить балинъ (фигурное тѣсто) и смотрѣть завтра въ ту сторону, куда слуга ушелъ; и когда увидитъ бога, онъ не долженъ сробѣть и долженъ проговорить: „вселись, боже, въ балинъ!" Балданъ приготовилъ балинъ, кромѣ того, рядомъ положилъ хадакъ (шелковый длинный лоскутъ) и назавтра ждетъ явленія бога, смотритъ по направленію къ горѣ, за которую вчера ушелъ его слуга. Видитъ, изъ-за горы выходитъ туча, и въ тучѣ показывается страшная фигура бога Гомбо (Махагала). Балданъ оробѣлъ и сказалъ: „Вселись, боже, въ хадакъ!"[1]) Тотчасъ же на хадакѣ появилось изображеніе бога Гомбо. Потомъ туча вмѣстѣ съ изображеніемъ бога исчезла. Балданъ-хларамбо сталъ собираться ѣхать далѣе; хотѣлъ убрать хадакъ, не можетъ поднять его. Собрались люди, помогаютъ Балдану, но ничего не могутъ сдѣлать. Запрягли подъ телѣгу, на которой лежалъ хаданъ, множество лошадей; телѣга не двигается съ мѣста. Ничего не могли сдѣлать, чтобъ сдвинуть телѣгу и порѣшили выстроить на этомъ мѣстѣ храмъ для храненія освященнаго хадана съ нерукотворнымъ изображеніемъ бога Гомбо. Этотъ храмъ и теперь существуетъ въ хошунѣ синемѣднаго чахарскаго знамени и называется Тэргэтей Махагаленъ суме, „храмъ Махагала съ телѣгой"[2]). Въ этой легендѣ тема—явленіе бога въ

---

[1]) Робость, которая чувствуется при явленіи бога въ славѣ, есть и въ разсказѣ о вызовѣ Ерлика передъ едзенъ-ханомъ; едзенъ-ханъ испугался и умоляетъ богдо-гегена убрать этотъ призракъ (Оч. с.-з. Монг., IV, 259). Въ нашихъ былинахъ Владиміръ проситъ Илью, чтобъ онъ показалъ ему силу Соловья, Соловей свиститъ, Владиміръ пугается и проситъ убрать Соловья.

[2]) Не двигающаяся телѣга съ святыней напоминаетъ колесницу съ „Золотыми останками повелителя" Чингисъ-хана, которая, дошедши до топкаго мѣста Муна увязла по ступицу и не двигалась дальше; она двинулась только послѣ того, какъ Кэлегутэй-багатуръ сказалъ рѣчь, обращенную къ Чингисъ-хану (Алтанъ-Тобчи, 146). Остановка доставляемой святыни есть и въ легендѣ



славѣ—соединена съ другой: принось святыни въ страну и построеніе храма для ея помѣщенія. Асмодей, который являетъ Соломону свою силу, необходимое лицо при постройкѣ Соломонова храма. Такое же соединеніе темъ мы находимъ и въ Діалогахъ Сидраха (А. Н. Веселовскій, „Наблюденія надъ исторіей нѣкоторыхъ романтическихъ сюжетовъ средневѣковой литературы", въ Журн. Мин. Нар. Пр., часть CLXV, отд. 2, стр. 151—156). Царь Бокхъ не можетъ построить башню на границѣ своего царства въ защиту отъ сосѣдняго царя Garabo (Guarahabo); построенныя стѣны разрушаются. Бокху совѣтуютъ обратиться къ царю Траттабару; тотъ даетъ мудреца Сидраха. Сидрахъ прибылъ и говоритъ, что нужно отправиться на гору, къ которой путь лежитъ черезъ страну песиглавцевъ, и добыть на той горѣ тразъ. Гора достигнута; въ странѣ песиглавцевъ Бокхъ принуждаетъ Сидраха поклониться идолу, стоящему въ царской палаткѣ, но тотъ отказывается и за это опущенъ въ яму. Однако, безъ Сидраха не знаютъ, какъ найти дорогу и выйти изъ страны песиглавцевъ [1]). Сидрахъ освобожденъ изъ заточенія. Царь Бокхъ увѣровалъ въ бога Сидраха и проситъ мудреца показать св. Троицу, что тотъ и исполняетъ. Тогда злые духи производятъ грозу и ливень, который угрожаетъ залить страну. Сидрахъ совершаетъ нѣкоторыя дѣйствія, можетъ быть обрядъ, исполнявшійся въ предупрежденіе бѣдствій отъ грозы [2]), и гроза прекращается.

Въ этомъ сказаніи царь и мудрецъ вмѣстѣ совершаютъ поѣздку. Сидрахъ, какъ совѣтодатчикъ въ дѣлѣ постройки, отвѣчаетъ Асмодею Соломоновой саги и вельможѣ Гари ласской легенды. Ссылка вельможи Гари здѣсь замѣнена заточеніемъ въ яму; тутъ участь Сидраха сходится съ судьбой Акиря и Шуно [3]). Какъ

---

о Шантиварманѣ, по порученію царя ходившемъ за богомъ Авалокитешварой; богъ не дошелъ до родины Шантивармана и остановился на дорогѣ, явившись на деревѣ (Дараната, Ист. буддизма въ Тибетѣ, перев. Васильева, стр. 147—160). Авалокитешвара или Гуань-инь-пуса, его воплощеніе, есть спаситель или спасительница на водахъ, какъ и Николай въ легендѣ о Θеоктеристѣ.

[1]) Въ другихъ разсказахъ съ такимъ сюжетомъ (хожденіе въ страну мрака и пр.) помогаетъ своими совѣтами старикъ, обреченный на смерть по обычаю того времени умерщвлять престарѣлыхъ, но спрятанный по жалости сыномъ въ ящикъ.

[2]) Сидрахъ кропитъ водой изъ сосуда, въ которомъ отразилась св. Троица, въ четырехъ углахъ шатра и бьетъ деревомъ о дерево. Во время первой грозы урянхайцы и другіе кочевники кропятъ на юрту молоко.

[3]) Шуно буряты отожествляютъ съ Шудурманомъ (Очерки с.-з. Монголіи, IV, 301). Шудурманъ—это то-же лицо, которое у монголовъ извѣстно подъ именемъ Шидырванъ; въ одномъ сказаніи Шудурманъ отожествленъ также съ Шидургу книжныхъ сказаній о Чингисъ-ханѣ. Еще въ очеркахъ, IV, 863, я сдѣлалъ указаніе на возможность сближенія Шидырвана съ Акиремъ. О Шидырванѣ не удалось пока записать цѣльнаго сказанія; собранное представляетъ отрывки. Одинъ отрывокъ передаетъ, что еджень-ханъ, т.-е. китайскій импе-

Digitized by Google

вызыватель божества въ славѣ, Сидрахъ отвѣчаетъ богдо-гегену, гегену Чжаинъ-чжаппа-сэну и Балдыну-хларамбо восточныхъ легендъ и Ѳеоктеристу легенды, напечатанной г. Лопаревымъ, Сидрахъ данъ Бокху какимъ-то царемъ Траттабаромъ, подобно тому

раторъ, очень довѣрялъ Шидырвану и ввѣрилъ ему управленіе государствомъ, но одинъ завистливый вельможа написалъ два письма: одно еджень-хану, что Шидырванъ укочевываетъ съ своимъ народомъ прочь изъ государства, а другое Шидырвану, что еджень-ханъ посылаетъ войско противъ него. Обманутый письмомъ еджень-ханъ, дѣйствительно, послалъ войско, а Шидырванъ, услышавъ, что войско и въ самомъ дѣлѣ идетъ, покочевалъ прочь. Завистливый вельможа дѣлаетъ то-же, что въ славянской повѣсти дѣлаетъ Анаданъ, неблагодарный воспитанникъ Акиря. Въ другомъ отрывкѣ Шидырванъ (тутъ онъ названъ Чодырманъ; отрывокъ записанъ у бурятъ) является изгнанникомъ изъ царства, вновь призываемымъ для спасенія отечества отъ враговъ посредствомъ рѣшенія загадки, какъ и въ сказаніи объ Акирѣ. Этотъ отрывокъ сильно смѣшиваетъ Шидырвана съ Шуно; Шидырвану (Чодырману) приписывается здѣсь стрѣляніе въ старуху, которая своими заклинаніями производила моръ въ народѣ, что другими разсказами приписывается Шуно, Хасару и друг. стрѣлкамъ. Въ третьемъ отрывкѣ Шидырванъ, схваченный слугами еджень-хана (китайскаго императора), поднимается на воздухъ; это напоминаетъ летающаго на воздухѣ Акиря (см. Очерки с.-в. Монг., IV, стр. 298, 301, 303, отрывки *в*, *л*, и *н*). Въ бурятскихъ разсказахъ имя Шудурманъ прилагается къ двумъ лицамъ: 1) къ лицу, которое страдаетъ отъ измѣны, подобно Акирю, и 2) къ царю, у котораго Чингисъ-ханъ отнимаетъ жену. Такимъ образомъ бурятскій Шудурманъ отвѣчаетъ разомъ монгольскимъ Шидырвану и Шидургу. Сбивчивость идетъ далѣе: Шудурманъ смѣшивается съ Шуно, которому въ монгольскихъ сказаніяхъ отвѣчаетъ Хасаръ, какъ такой-же стрѣлокъ по волшебницѣ старухѣ. Получается несообразность; при наложеніи сказаній бурятскаго о Шуно и монгольскаго о Шидургу одно на другое персонажъ Шуно не ложится на мѣсто Шидургу; ему отвѣчаетъ Хасаръ, который сражается противъ царя Шидургу. Если-бъ мы допустили предположеніе, что имя Шидургу въ какой-нибудь отдѣльной редакціи закрѣпилосьза стрѣлкомъ, а царю, который въ монгольскомъ сказаніи называется Шидургу, пришлось дать другое имя, то мы въ такой редакціи нашли бы объясненіе появленія имени Сидраха въ легендѣ о постройкѣ зданія. Хасаръ—стрѣлокъ, главный помощникъ Чингисъ-хана въ затѣянномъ имъ дѣлѣ, въ отнятіи жены у Шидургу; одинъ устный разсказъ, записанный мною, приписываетъ Хасару самую иниціативу предпріятія; онъ подсказалъ Чингисъ-хану, что жена Шидургу красавица. Роль его напоминаетъ роль Гари при Сронцзанѣ тибетскомъ. Какая-то ошибка была причиной, что Хасаръ подвергся немилости Чингисъ-хана; онъ былъ привязанъ къ стѣнѣ; это соотвѣтствуетъ ссылкѣ, которой подвергся Гари. Но безъ Хасара доведеніе предпріятія до конца невозможно. Его освобождаютъ, и цѣль похода достигнута. Въ этой схемѣ Хасаръ играетъ ту же роль, какъ Сидрахъ въ исторіи царя Бокха. О пріуроченіи нѣкоторыхъ темъ, соединенныхъ съ Шидургу, къ бурятскому шаману Гурте было говорено мною въ статьѣ: „Тема объ усѣченной головѣ" (Этн. Обозр., кн. XVI, 103); тамъ же я высказалъ догадку, что этотъ шаманъ и былъ тотъ оскорбитель чести ханскаго семейства, наказать котораго былъ посланъ Сохоръ-нойонъ, и что его имя было Бо-ханъ, подмѣнившееся позднѣе историческими именами Бохакъ или Бокухъ. Шидургу въ книжномъ сказаніи описывается вѣщимъ; онъ зналъ, какъ создать воду въ безводной пустынѣ, какъ добыть звѣзды Чолпанъ и Мечинъ; онъ научилъ Чингисъ-хана, какъ добывать огонь. Этой вѣщей натурой Шидургу сближается съ Гари, который также знаетъ тайны природы, знаетъ, отъ какой причины падаютъ стѣны строющагося храма. Вѣщее знаніе, приписываемое Шидургу, можетъ очень

Digitized by Google

какъ слуга, оказавшійся потомъ богомъ Тамдиномъ, данъ купцу гегеномъ Чжаинъ-чжаша-сэномъ,—какъ слуга, оказавшійся богомъ Махагалой, данъ Балдыну далай-ламой.

Разливъ воды, отъ котораго Сидрахъ спасаетъ царя Бокха и его войско, объясненъ, какъ средство, придуманное злыми духами, чтобы отмстить за обращеніе царя Бокха въ христіанскую вѣру. По аналогіи съ другими разсказами можно, однако, догадываться, что причина могла быть другая. Экспедиція Бокха была предпринята для сбора чудодѣйственныхъ травъ; кто-нибудь оберегалъ эти травы; вѣроятно, онѣ не давались безнаказанно: не произвели ли нечистые духи наводненіе съ цѣлью помѣшать возвращенію Бокха и воспрепятствовать похищенію травъ? Въ лассокой легендѣ о построеніи храма Мунко-цзу или Эрдени-цзу есть разливъ, но онъ не представленъ въ видѣ мѣры, чтобы помѣшать похищенію; въ такомъ значеніи разливъ является въ легендѣ о монгольскомъ Эрдени-цзу, находящемся въ долинѣ р. Орхона, какъ въ ранѣе записанныхъ мною варіантахъ, такъ и въ новомъ, недавно записанномъ. Въ послѣднемъ разсказывается, что Абатай-сайнъ-ханъ похитилъ святыню въ Тибетѣ и убѣгаетъ съ нею на родину въ Монголію; за нимъ посланъ въ погоню старикъ на быкѣ съ поводильщикомъ, несущимъ желѣзный посохъ; по указанію старика поводильщикъ втыкаетъ посохъ въ землю и вынимаетъ его назадъ; изъ образовавшагося отверстія полилась вода, образовалось море, которое загородило дорогу Абатаю.

Акирь ѣдетъ вмѣстѣ съ царемъ Синагрипомъ, подобно Сидраху и Бокху; цѣль поѣздки неизвѣстна; вѣроятно, они ѣдутъ за какимъ-нибудь чудеснымъ предметомъ, въ родѣ травъ съ горы песиглавцевъ или въ родѣ святой статуи, привезенной Гари и Абатаемъ, или, наконецъ, цѣлью поѣздки была невѣста. Въ морѣ ихъ застигаетъ буря; естественное мѣсто для этого случая уже на обратномъ пути, когда они увозили съ собой похищенное. Это была мѣра для воспрепятствованія похищенію со стороны охранителей святыни. Тутъ совершается чудо спасенія, подающее поводъ къ другому чуду—явленію чудотворца, которое здѣсь отвѣчаетъ явленію св. Троицы въ Діалогахъ Сидраха. Въ Діалогахъ св. Троицу вызываетъ

---

пригодиться лицу, которое является сватомъ невѣсты для царя, и имя Шидургу, можетъ быть, дѣйствительно стояло иногда на мѣстѣ Гари, Хасара и и другихъ пособниковъ царя. Монголы имя Шидургу придаютъ тибетскому царю Сронцзану-Гамбо; въ монгольской письменности этому тибетскому царю дается имя: Berke Schidurgho taelgen khan (Köppen, Die Religion d. Buddhas, B. II, S. 53), и такимъ образомъ имя Шидургу вводится въ кругъ сюжета о добываніи царской невѣсты и постройки храма или дворца. Исторія сватанья невѣсты для царя имѣетъ двѣ версіи: по одной самъ царь ѣдетъ добывать невѣсту, по другой онъ посылаетъ сватовъ; въ первомъ случаѣ мудрость, вѣщая природа должна быть приписана самому царю, во второмъ—свату, царскому послу. Имя Шидургу, какъ имя вѣщаго человѣка, мудреца, въ первомъ случаѣ слѣдовало присвоить царю, въ второмъ—царскому послу.



Сидрахъ, т.-е. мудрецъ, главный дѣятель въ исторіи добыванія чудеснаго предмета (т.-е. травъ); въ монгольскомъ разсказѣ вызываетъ бога Балдынъ-хларамбо, т.-е. лицо, которое доставило въ южную Монголію святыню. Въ апокрифѣ вызываетъ св. Николая митрополитъ Ѳеоктеристъ. Мы думаемъ, что въ началѣ было иначе—чудо явленія святого производилъ Акирь.

Указанными выше связами славянской повѣсти объ Акирѣ съ легендами о строеніи храма и привозѣ невѣсты мы объясняемъ появленіе именъ Акиря и царя Синагрипа въ апокрифѣ о св. Ѳеоктеристѣ. Не случайно они туда попали. Эпизодъ о бурѣ и явленіи чудотворца выхваченъ, мы думаемъ, изъ какой-то потерявшейся версіи повѣсти объ Акирѣ и Синагрипѣ. Вмѣсто того, чтобъ спрашивать, какимъ чудомъ привлечены въ апокрифъ о св. Ѳеоктеристѣ имена Акиря и Синагрипа, вопросу надо дать такой оборотъ: какими судьбами къ эпизоду изъ повѣсти объ Акирѣ и Синагрипѣ пристроилось имя св. Ѳеоктериста и тема о нескорой помощи погибающему? Иными словами — за Ѳеоктеристомъ изъ апокрифа нужно оставить только его разговоръ съ спасателемъ на водахъ Николаемъ, рисующій разсчетливый характеръ митрополита, вызовъ же чудотворца нужно признать въ апокрифѣ пришлымъ [1]).

**Г. Потанинъ.**

[1]) Для пріема св. Николая царь Синагрипъ, по указанію Ѳеоктериста, строитъ церковь—это отголосокъ темы о построеніи храма, который часто соединяется съ привозомъ святыни и проявленіемъ бога въ славѣ.


Digitized by Google

# СМѢСЬ.

## Сказка о насѣкомыхъ въ старинной записи.

Любовь къ животнымъ и внимательное наблюденіе ихъ жизни находятъ себѣ яркое выраженіе въ многочисленныхъ народныхъ сказкахъ, пѣсняхъ, пословицахъ, загадкахъ и другихъ произведеніяхъ народной словесности. Въ каждомъ сборникѣ русскихъ сказокъ можно найти нѣсколько №№—овъ такихъ, большею частью юмористическихъ, разсказовъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются животныя. Едва-ли у многихъ народовъ найдется такое умѣнье воспроизводить словами разнобразные крики животныхъ, особенно птицъ, какое мы наблюдаемъ въ нашемъ простонародьѣ. Намъ нужно только напомнить читателямъ Этнографическаго Обозрѣнія интересную статью В. Н. Добровольскаго: „Звукоподражанія въ народномъ языкѣ и въ народной поэзіи“ [1]). Удивительной мѣткостью отличается народъ и въ характеристикѣ того или другого животнаго, въ умѣньѣ сопоставить его съ тѣмъ или другимъ типомъ человѣческаго общества. Весь животный міръ, извѣстный русскому крестьянину,—и звѣри, и птицы, и рыбы, и даже насѣкомыя—даетъ обильную пищу его наблюдательности, вызываетъ въ его воображеніи сравненіе съ міромъ людей и возбуждаетъ тотъ благодушный юморъ, въ которомъ чувствуется глубокая симпатія ко всему живому. Эти мѣткія, съ любовью написанныя каррикатуры изъ міра животныхъ приводятъ въ восторгъ не только дѣтей, спеціальныхъ любителей всякой «букашки, мушки, таракашки». Онѣ нравятся и взрослымъ, особенно если они въ животныхъ узнаютъ знакомые имъ типы человѣческаго общества. Интересъ народа къ удачнымъ характеристикамъ животныхъ побудилъ людей, хорошо знавшихъ народные вкусы и умѣвшихъ къ нимъ подлаживаться—нашихъ старинныхъ бахарей и скомороховъ—складывать юмористическія сказки и пѣсни про птицъ и звѣрей. Вспомнимъ извѣстную во многихъ записяхъ олонецкую «старинушку» о птицахъ и звѣряхъ, содержащую характеристику болѣе 30 представителей животнаго царства, въ которомъ слушатель находитъ все знакомыя лица: стряпчаго (ястребъ), плотника (губалъ), боярина (лебедь), хлопот-

---

[1]) Книга XXII, стр. 81—96 (1894 г.).

Digitized by Google

ника (канюкъ), ходатая (гусь), погощанку (чайка), пономарицу (синицу), красну дѣвушку (ластушка), ябедника (вытлюкъ), молодую женку (тетерка), пономаря (журавль), кожемяку (медвѣдь), овчинника (волкъ) и проч. [1]). Типы рыбьяго царства не менѣе удачно воспроизведены въ народной сказкѣ о Ершѣ Щетинниковѣ, [2]) которая представляетъ передѣлку старинной повѣсти, извѣстной въ записяхъ XVIII столѣтія. «Списокъ суднаго дѣла, како тягался лещъ съ ершомъ о Ростовскомъ озерѣ», какъ извѣстно, представляетъ въ карикатурѣ всѣ формы словеснаго судопроизводства XVI-го столѣтія и по мѣткости сатиры находилъ многочисленныхъ читателей и переписчиковъ. Это «судное дѣло» легло въ основу не менѣе популярной «Повѣсти сказуемаго Ерша Ершова Щетинникова и ябедника», перешедшей въ устную сказку и продолжавшей еще въ XVIII столѣтіи развиваться въ подробностяхъ. Изложеніе сказки обличаетъ въ ея слагателѣ манеру спеціалиста-бахаря, а одинъ изъ старинныхъ варіантовъ (1729 года) почти достигаетъ склада стиха, состоя изъ краткихъ, часто риѳмующихся предложеній. Видно, что и здѣсь интересъ сюжета побудилъ какого-нибудь скомороха обработать его на пѣсенный ладъ, какъ была другимъ бахаремъ обработана «старинушка» о птицахъ и звѣряхъ.

Не меньшаго вниманія, чѣмъ пѣсня о птицахъ и звѣряхъ и сказка о Ершѣ, заслуживаетъ печатаемый ниже старинный текстъ сказки о *мизгирѣ* (паукѣ).

Однороднаго содержанія, но сильно скомканная, сказка о мизгирѣ помѣщена Аѳанасьевымъ въ записи крестьянина Александра Зырянова, сдѣланной въ заштатномъ городѣ Далматовѣ, въ Шадринск. у. Пермской губерніи. Нѣсколько лучшій варіантъ, несомнѣнно списанный изъ какой-нибудь старинной тетрадки, доставленъ тѣмъ же Зыряновымъ въ Пермскій сборникъ 1859 г. (отд. II стр. 118—120). Наконецъ, еще варіантъ, скомканный въ 10 строкъ и неизвѣстнаго происхожденія, находимъ въ VI выпускѣ сборника Аѳанасьева. Всѣ доселѣ изданные варіанты по полнотѣ значительно превосходитъ запись «Исторіи о мизгирѣ», оказавшаяся въ доставленной въ Этнографическій Отдѣлъ изъ Вологды г. Дилакторскимъ старинной тетрадкѣ. Эта тетрадка, въ обычную четвертку, состоитъ изъ 4-хъ листовъ толстой бумаги и содержитъ двѣ *исторіи*. Первая носитъ слѣдующее, написанное киноварью, заглавіе: *исторія о разговорахъ между двема товарищами ис которыхъ единъ любилъ пить вино, а другой не любилъ* (всего 13 страницъ); вторая— *исторія о мизгирѣ*—занимаетъ въ тетрадкѣ дальнѣйшія 8 стра-

---

1) *Гильфердингъ*—№№ 62, 130, 137, 264, 280, 298. *Рыбниковъ*—I, 87; II 59; III, 57—60, 61.

2) Сказка о Ершѣ напечатана въ нѣсколькихъ варіантахъ у Аѳанасьева—Нар. русс. сказки, 2-е изд., № 41 и примѣч. въ IV т. (36—39); см. также Пермскій сборникъ 1859 г. кн. I, отд. II, стр. 125 и слѣд.


Digitized by Google

ницъ послѣ послѣдней «исторіи», для восполненія неоконченной страницы, прибавлены слѣдующія слова:

«Аще кто сію тетрать твердо знаетъ, тотъ человѣкъ твердъ умомъ бываетъ».

На обратной сторонѣ записана, судя по цвѣту чернилъ, нѣсколько позже стихотворная загадка о комарѣ:

„Есть птица шестеронога,
Сотворена отъ Бога,
Весьма она тонкогласна,
Всѣмъ людямъ ужасна.
Прилѣтаетъ она во время свое,
И всякъ тогда боится ее.
Цари и вельможи ея страшатся,
Едва могутъ обороняться;
А простой народъ терпитъ великую
отъ нея невзгоду,
Особливо въ сѣрую погоду.“

На послѣдней чистой страницѣ тетрадки ея собственникъ сталъ переписывать статью «О масленичномъ поѣздѣ — вѣдомость 1762 года», но на второй строкѣ прекратилъ свою работу. [1])

Такимъ образомъ, послѣдняя начатая статья довольно точно опредѣляетъ время написанія текста сказки о мизгирѣ. По нѣкоторымъ признакамъ, [2]) онъ списанъ съ другого болѣе древняго списка, относящагося, вѣроятно, къ началу XVIII в.

Что касается времени сложенія сказки, то едва ли мы ошибемся, отнеся ее еще къ XVII-му столѣтію и усматривая въ ней работу какого-нибудь сказочника-спеціалиста, вполнѣ опытнаго въ прибауточномъ стилѣ: слагатель владѣетъ размѣренною рѣчью, любитъ аллитерацію и риѳму и хорошо знакомъ съ эпическимъ складомъ нашихъ былинъ. Такъ, у него шоршень, обрадованный вѣстью о смерти мизгиря, сообщенной ему таракономъ, сверчкомъ и клопомъ,

„Принимаетъ ихъ за руки бѣлыя,
За перстни злаченые
И садитъ за столы дубовые,
За ѣствы сахарныя,
За питья медвяныя.“

Такое знакомство съ эпическимъ стилемъ, на нашъ взглядъ, обнаруживаетъ въ слагателѣ жителя одной изъ *сѣверныхъ* губерній, въ которыхъ въ XVII в. еще жили въ народѣ былины, сохранившіяся въ наше время только въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ въ непрерывной традиціи. Предположеніе это подтверждается и тѣмъ, что раньше извѣстная запись сказки о мизгирѣ происходитъ изъ Пермской губерніи, а печатаемая ниже нашлась въ тетрадкѣ изъ Вологодской губерніи. Замѣтимъ, что слово

---

[1]) Этотъ текстъ оказался въ другой тетрадкѣ, присланной г. Дилакторскимъ, и напечатанъ въ предыдущей кн. „Этногр. Обозрѣнія“.

[2]) Напр., *по колодою* вм. подъ колодою; въ словѣ *подъ* буква *д* была вынесена вверхъ, какъ въ другихъ случаяхъ, и не замѣчена писцомъ.


Digitized by Google

*мизгирь* (паукъ), по Далю, принадлежитъ языку сѣвер. и восточныхъ губерній.

Объ извѣстности сказки о мизгирѣ на сѣверѣ свидѣтельствуетъ также стихотворная ея передѣлка, записанная Рыбниковымъ въ Олонецкой губерніи (въ Ладвинскомъ погостѣ Петрозаводскаго уѣзда) со словъ крестьянина Никиты Рѣзина въ 1862 году. [1])

Любопытно, что сказитель приплелъ нашу сказку къ пѣснѣ «О птицахъ русскихъ и заморскихъ», очевидно, руководясь соображеніемъ объ однородности обоихъ сюжетовъ. Пропѣвъ о томъ, «Каково птицамъ жить на Руси», Рѣзинъ сказалъ вслѣдъ за этимъ нѣсколько такъ называемыхъ *небывальщинъ*, небылицъ въ стихахъ, и между ними скомканную въ нѣсколько стиховъ сказку о мизгирѣ, которой начало (приводимое нами ниже въ примѣчаніяхъ) напоминаетъ отдѣльными выраженіями начало нашего текста. Считаю не лишнимъ привести текстъ олонецкой небывальщины съ 10-го стиха [2]), отмѣчая для сравненія курсивомъ стихи, совпадающіе съ выраженіми сказки.

И живетъ мизгрище
Стуловато личище,
И поставилъ мережи
Край пути-дороги.
И солетались *господскія мухи-клъти* [3])
И попали мизгрю въ сѣти,
Сами говорятъ—толкуютъ:
„Братцы—господа, не покиньте!"
*Услыхала госпожа*,
Сонная, *пестрая воса и безъ пояса*,
И какъ скоро прилетѣла,
И такъ мизгрю въ сѣти попала,
Сама себя изругала:
«Не чертъ ли меня и несъ
«На чужое спасенье!
Солеталося тутъ
Синихъ и зеленыхъ поганыхъ мухъ,
И солетались, погребали,
Кишки свои набивали.
Жукъ былъ.....
Клопъ астраханомъ.
Садились на клочокъ, [4])
Нюхали божью травочку—табачокъ.

Увлекшись картиной нюханья табака насѣкомыми, Рѣзинъ забылъ дальнѣйшія похожденія мизгиря и кончилъ «небывальщину» такими стихами:

Бога хвалятъ, Христа величаютъ,
Богатую богатину проклинаютъ:
„Много е пива меду,
„Это намъ ни по чемъ:
„А у насъ травочка-табачокъ,
„Табакъ шпанскій, королевскій,
„Табакъ зоренъ (т.-е. крѣпокъ)
„Ноздри поретъ,
„Глазъ вонъ воротитъ".

[1]) Пѣсни, собран. Рыбниковымъ, ч. III, стр. 332 и слѣд.
[2]) Первые 9 стиховъ см. въ примѣчаніи къ тексту.
[3]) Вѣроятно, слѣдуетъ: И солеталися мухи въ господскія клѣти (см. текстъ).
[4]) Вѣроятно: *кочокъ*.



Digitized by Google

Послѣдніе стихи, очевидно, шутливые приговоры или причеты, произносимые при нюханьи табака. [1])

Не представляя интереса по содержанію, олонецкая запись не лишена значенія по своей формѣ. Она показываетъ, какъ легко юмористическая сказка, благодаря своему складу, аллитераціямъ, риѳмамъ, перелагалась въ пѣсню. Такую же стихотворную обработку, какъ мы выше указали, получила сказка о Ершѣ. Если мы вспомнимъ пѣсню о птицахъ, юмористическую олонецкую «старину» о большомъ быкѣ [2]), небылицу о мизгирѣ, пѣсню о ершѣ и многочисленныя шуточныя, обыкновенно коротенькія пѣсни, особенно дѣтскія и плясовыя, разсказывающія въ комическихъ чертахъ событія изъ міра животныхъ, [3]) то увидимъ, какъ охотно народные поэты складывали пѣсню о животныхъ — звѣряхъ, птицахъ, рыбахъ, насѣкомыхъ,—нерѣдко перелагая въ стихотворный складъ сказки о нихъ.

Въ заключеніе замѣчу, что терминъ «исторія» или «гисторія» обозначавшій во 2-ой половинѣ прошлаго столѣтія переводные романы и повѣсти, прилагался и къ чисторусскимъ произведеніямъ. Такъ, напримѣръ, извѣстна «Гисториа о Илье Муромце и о Соловье разбойнике», изданная по рукописи XVIII в. (принадлежащей И. Е. Забѣлину). [4]) Можно поэтому предположить, что терминъ «исторія» былъ примѣненъ къ сказкѣ о мизгирѣ въ какомъ-нибудь спискѣ XVIII в., смѣнивъ ея прежнее заглавіе, которое, вѣроятно, было: «повѣсть».

---

*Приложеніе.*

## Исторія о мизгирѣ [5])

Было в прежние вѣки, в теплые лѣта, во время было у нашего господина паута *[1]) учинилась ромода *[2]) только невскоре, учинилась у его ссора при болотѣ в краю, уголовные брани. И они тутъ запрекословились межъ собою, завоевали о самой о бездѣлице, другъ друга хвалять, а лутчаго борца мизгиря молодца и в дѣло не ставятъ. И туть мизгирю стало забѣдно, зѣло за преку и за кручину, сталъ мизгирь яритца, на бездушную тварь сердитца. И какъ пришла красная весна и лѣто теплое, и стали мухи летати, весело играти да пѣсеньки попевати и въ

---

[1]) См. Этногр. замѣтку П. В. Шейна—Приговоры и причеты о табакѣ, въ VII кн. „Трудовъ Этнограф. Отдѣла И. О. Л. Е. А. и Э. 1886 г.

[2]) Гильфердингъ, №№ 297, 303.

[3]) Напримѣръ: женитьба комара на мухѣ, смерть таракана, свадьба воробья и друг.

[4]) См. «Русскія былины старой и новой записи“ подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. Ѳ. Миллера. Отд. I стр. 4--7.

[5]) Мы сохранили правописаніе подлинника, исправивъ только явныя описки и выведя слова изъ-подъ титловъ.

Digitized by Google

господския клѣти летати и крестьянъ стали кусати, кровь проливати, и очень она укусить, а сама боржи(е) того і струсить, какъ бы он ея убить. *3) А вонъ онѣ летають, никого не опасаются, а вси надъ мизгиремъ насмехаются. А мизгирю стало забѣдно, зело за кручину, сталъ ногами трести да мерешки плести, а ставить сталъ на самую дорогу, в косящаты окошка, гдѣ бы мухамъ летати и въ сѣти попадати. И туть муха попала. Мизгирь сталъ муху бити и губити и за горло давити. И туть муха закрычала: «осудари господа! отнимите меня!» Учюла госпожа пестрая оса такое честное убийство и прилитѣла скоро госпожа оса, нага и боса, и бес пояса. И туть надъ ней по грѣхамъ учинилось, а у мизгиря на ту пору сѣти излучились рѣткие и частые, крѣпкие и плотные; и туть муха да оса спѣшно скачють, а неутѣшно плачють, а онѣ умильные гласы разпущають, горячие слезы проливають. И туть муха да оса кончаются, своего живота лишаются. И туть к нимъ собирались, кости их погребати мертвые тѣла хоронити. И пришолъ архимантритъ шоршень, игуменъ жукъ, попъ пауть, мошка дьячки, комары подъяки, просвирня была некошная *4) строкя. *5) А они тут их погребали, а вси мизгиря всѣмъ соборомъ проклинали да плутомъ его всѣ называли, а мизгирь туть не ленился, их не стыдился, пути занимал, сѣти метал рѣткие и частые, крѣпкие і плотные. И тут архимандрить шорьшенъ говорить: «Я де мизгиря не боюся, повыше залечю, мизгиревы мережы пролечю. Туть же игуменъ жукъ говорить: «И я де мизгиря не боюсь: у меня полѣтка прыткая, гортанъ толстая; со мною де онъ хоть и схватится, да самъ наплачется». А тут же попъ пауть говорить: «И всѣхъ онъ силние называется, а сам изрываетца: какъ де ево стану проклинать, такъ ему мизгирю і на свѣту не бывать.» Туть же комары и мошка пред ними говорять: «Ахти! и намъ тошно, живемъ мы на красномъ бору, а у нась головы болные, а пролѣты частые и дальные, а дума у нас крѣпкая, и про насъ у его сѣти не рѣткие.» И туть архимандритъ шоршенъ политѣлъ повыше і облитѣлъ мизгиревы мережы. Игуменъ политѣлъ да в сѣти попал. И туть ігуменъ жукъ сталъ с мизгиремъ дратца и насилу от него мизгиря радъ добромъ роставтца. И пауть попъ также политѣлъ да в сѣти попалъ. И туть мизгирь на паута сталъ искать кнута:... б....нъ ты сынъ пауть попъ, ты (бъ) не назывался господиномъ честнымъ попомъ: я веть, мизгирь, не дѣвка, знаю васъ всѣхъ по попѣвке, кто каковъ есть». А какъ будеть солнце по полудни, а комары да мухи стали аки бубны, *6) политили они всѣ под дуплю, тот имъ стал жаръ не понутру. И туть мизгирь удумалъ да сложился с тороканомъ і называл ево капралом, да со дьячком-сверчком и со ближнимъ родсвенником со клопом; и они межъ собою так уложили и усовѣтовали, что такъ быть, какъ бы их із дупли добыть. «Ты, тороканъ, возьми с собой барабанъ, а сверчекъ дутку і пот(ь)те вы к архимандриту шоршню, і вы у ево благословитесь и всему ево собору поклонитесь и говорите ему такъ: «Гой еси ты, архимандрить шоршенъ, мы по твоему благословению мизгиря кнутом простегали и в сылку в Астраханъ сослали; не бойтесь ничево: там



Digitized by Google

ему и голову отрубили». И туть архимандрить шоршенъ обрадовался, тѣ рѣчи полюбилис ему: «Спасибо вамъ, люди добрые, что вы мизгиря перевели, моево недруга измѣнника,» —и принимаеть их за руки бѣлые, за персни злаченыэ і садить за столы дубовые, за ѣствы сахарные, за питья медвяные. И такъ стали пить да веселитца, от прежнева страху какъ бы избыть, і какъ бы намъ прожить без печали, чево мы на себя не знаемъ и не вѣдаемъ. А мизгиръ туть не ленился, еще по прежнему сталъ пути занимати да сѣти метати, рѣткие і частые, крѣпкие и плотные. И туть у них по(дъ) колодою шухоба *7) учинилас, іспугалис; а въ то время торокан потерялъ барабанъ, а сверчокъ всталъ на кочокъ, сам заскакал да въ дутъку засвисталъ. И от того страхъ великъ стал, и от того страха архимандрить шоршенъ убоялся и политѣл да в сѣти попал. И туть ему, архимандриту шорышню, головы отсѣкли и под колоду свалили і живота ево лишили. Игуменъ жукъ после ево политѣлъ, также въ сѣти попал, и тому онъ самъ мизгиръ игумену жуку голову отрубилъ и под колоду повалилъ и живота его лишилъ, а мѣлкую сошку за их посмѣшку всю погубилъ и въ конецъ раззорилъ, а себѣ мизгиръ славу добрую и похвалу учинилъ во вѣки. Аминь.—

Примѣчанія:

*1) *Паутъ* -- (перм., вятск., сибирск.) значитъ *оводъ, строка*. Паутка—злая муха, длинная, темносѣрая (Даль).

*2) *Ромода*, по Далю: перм., новгор. — толпа, шумъ, возня, толкотня, суета; столбовая мошка, толкунцы, рой толкущейся столбомъ мошки. По Рыбникову, *ромода* въ Олонец. губ. употребляется въ значеніи: хлопоты, безпокойство. Срав. въ „Пѣсняхъ Рыбникова" (III, стр. 332) „старину небывалую:

Въ давныхъ годахъ
И въ теплыхъ лѣтахъ
*Сочинилась ромода*
*У господина муравья*,
Котораго хвалятъ стрѣльца и борца,
Нахвальнаго молодца;
Край болота домъ сострoилъ,
Никого не почитаетъ
(И самаго мизгиря ни во что считае).

*3) Что-то пропущено въ рукописи.

*4) *Некошный*—злой, непріятный.

*5) *Строка*—по Далю—муха, оводъ, Oestris, которая выводитъ гусеничекъ своихъ въ животныхъ; мѣстами путаютъ строку съ паутомъ, слѣпнемъ.

*6) Въ рукописи: аки стали бубны.

*7) Точное значеніе слова *шухоба* намъ неизвѣстно. У Даля есть слово *шухобарь* (ниж., кстром.) всякая дрянь, хламъ, шарабара. „Всякая шу́хабарь навалена, и проходу нѣтъ".

**Вс. Миллэръ.**

## Къ вопросу объ иноземномъ вліяніи на грузинскую культуру.

Въ сѣверо-западной части Закавказья, въ бассейнѣ рѣкъ Куры, Ріона и Чероха, за семь вѣковъ до Р. Х. водворились народы картвельскаго племени, раздробившіеся, спустя много лѣтъ по Р. Х., на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ—Грузію, Имеретію, Мингрелію, Гурію и Сванетію,

Digitized by Google

то соединявшихся, то снова распадавшихся. Династическія и международныя смуты, воцарившіяся въ этихъ мелкихъ княжествахъ, открываютъ свободный, ничѣмъ не защищенный пропускъ въ глубь страны непрерывнымъ волнамъ иноземныхъ завоевателей, поочередно расхищавшихъ и разорявшихъ Грузію. Поэтому вѣковую жизнь Грузіи въ обширномъ смыслѣ, въ смыслѣ всѣхъ картвельскихъ племенъ, называютъ часто мартирологомъ, повѣстью страданій. И едва ли можно пріискать для нея лучшее имя. Съ тѣхъ поръ какъ исторія замѣтила эту страну, она служитъ центромъ притяженія для многоразличныхъ народовъ, шедшихъ изъ Ассиріи, Персіи, Византіи, Турціи, съ Кавказскихъ горъ и оставлявшихъ за собой кровавые, разрушительные слѣды. [1]) На обнаженныхъ горахъ Карталиніи и среди роскошной растительности Кахетіи и Имеретіи повсюду и донынѣ видны развалины старыхъ башенъ и замковъ, массивныхъ и своеобразныхъ, служившихъ убѣжищемъ во времена вражескихъ нашествій. И едва ли найдется въ мірѣ еще страна, гдѣ было бы столько нѣмыхъ свидѣтелей народныхъ страданій. Въ то время какъ въ позабытыхъ и самою природою замкнутыхъ ущельяхъ Кавказа дичала жизнь невѣдомыхъ міру племенъ, на южной покатости горнаго хребта древняя Иверія (Грузія) въ продолженіе 14 вѣковъ отстаивала свѣтъ христіанства и цивилизаціи отъ кровавыхъ вторженій язычниковъ и магометанъ. Православный крестъ невольно становился для истиннаго грузина символомъ его народности, а защита христіанства—задачей всей его исторіи. Съ паденіемъ Константинополя въ XV в., Грузія является въ теченіе трехъ съ половиной вѣковъ единственнымъ христіанскимъ царствомъ въ Азіи среди мусульманскаго океана. Твердо и убѣжденно отстаивая свою вѣру, грузинскій народъ, въ силу сложившихся политическихъ условій, долженъ былъ сдѣлаться народомъ-крестоносцемъ. «Какъ у рыцаря-крестоносца», говоритъ одинъ русскій писатель, «вся жизнь этого народа дѣлилась между молитвою и кровавымъ боемъ съ исламомъ. Болѣе чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе не выпускалъ онъ изъ своихъ рукъ меча, и если христіанскій крестъ не былъ вышитъ на плечѣ его мантіи, то онъ былъ зато неизгладимо врѣзанъ въ самое сердце народа».

Роскошная и богатая природа Грузіи обратила ее въ соблазнительную добычу, на которую направлялись жадные взоры изъ Персіи, Египта, Финикіи, Греціи, Италіи: всѣ неудержимо стремились сюда, основывали свои колоніи, входили въ торговыя сношенія съ иноземцами, распространяли между ними свой языкъ, свои нравы и свою цивилизацію. Благодаря своему положенію между Чернымъ и Каспійскимъ морями, Грузія рано явилась передаточнымъ звеномъ въ торговыхъ сношеніяхъ Востока

---

[1]) Послѣдствія иноземныхъ вторженій въ Грузію выразились въ пестромъ составѣ грузинскаго лексикона и въ особенностяхъ строенія антропологическаго типа различныхъ народностей грузинскаго племени. См. *Пантюхова*, Антропологическія наблюденія на Кавказѣ (Записки Кавк. Отд. И. Р. Г. О., кн. XV, Тифлисъ, 1893), и *мою* книжку: Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи. 1890.


Digitized by Google

съ Западомъ. [1]) Рѣчная система Куры и Ріона стала для всей Грузіи той столбовой дорогой, которой шло оживленное движеніе со времени укрѣпленія греческихъ колоній по берегу Чернаго моря. Порты Діоскурія, Фазисъ, Сперъ, Эа служили важными пунктами торговли еще въ эпоху похода Аргонавтовъ въ Колхиду (Мингрелію) за золотымъ руномъ. Одно обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Задолго до Р. Х., по словамъ грузинской лѣтописи, въ Мцхетѣ поселились іудеи, которые, вдали отъ своей родины, усердно занялись здѣсь торгово-промышленной дѣятельностью. Слѣдствіемъ торговаго движенія черезъ Грузію было возникновеніе въ ней древнѣйшихъ городовъ: Мцхета, Уплисъ-Цихе, Каспи, Сурамъ, Шораконь, Урбниси [2]) Но довольно бѣглаго взгляда на топографическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть, что они были созданы успѣхами внѣшней торговли. Города эти вытянулись длинной цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Куры и Ріона.

Археологическія раскопки подкрѣпляютъ извѣстія древнихъ писателей о сношеніи Грузіи съ Индіей. На Самтаврскомъ кладбищѣ Мцхета найдены вещи (cyprea moneta, cardium rubinosum), которыя могли быть привезены, по авторитетному мнѣнію гр. Уварова, изъ Индіи. [3]) Геродотъ увѣряетъ насъ въ существованіи вліянія Египта на Колхиду: одинаковый способъ приготовленія полотна, тождественный образъ жизни, а главное—обрядъ обрѣзанія, который съ древнѣйшихъ временъ, по словамъ отца исторіи, былъ свойственъ египтянамъ, эфіоплянамъ и колхидянамъ,—эти признаки, вмѣстѣ съ отмѣченнымъ общимъ физическимъ типомъ, какъ извѣстно, онъ считалъ вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ происхожденія населенія Колхиды отъ египтянъ. [4]) Были ли колхи народомъ грузинскаго племени, или египетскими колонистами—вопросъ спорный: одно несомнѣнно, что народъ, жившій на восточномъ берегу Чернаго моря, былъ въ торговыхъ сношеніяхъ съ Египтомъ. Покойный извѣстный кавказовѣдъ баронъ Усларъ предполагалъ, что колхи смѣшались съ грузинскимъ племенемъ и повліяли даже на лексическій составъ мингрельскаго и лазскаго языковъ, а египтянамъ самою грузинскою лѣтописью приписывается распространеніе въ Грузіи поклоненія небеснымъ свѣтиламъ. Торговое кольцо, шедшее изъ Индіи по Оксусу къ Каспію и чрезъ Закавказье къ Понту, сблизило Грузію съ Ассиріей и Вавилоніей. За шесть вѣковъ до Р. Х. грузины вели съ ними торговлю, отправляя имъ рабовъ и мѣдную посуду. На Кавказѣ въ эпоху желѣзнаго періода засвидѣтельствовано существованіе вѣсовой системы, соотвѣтствующей вполнѣ ассирійской. Это вліяніе Ассиріи переплеталось съ воздѣйствіемъ Финикіи. Имъ нужно приписать распространеніе на Кавказѣ культа Астарты,

[1]) Историческій очеркъ торговыхъ путей сообщенія въ древнемъ Закавказьѣ см. въ *Сборникѣ* свѣдѣній о Кавказѣ, т. I, стр. 33—58 (Тифлисъ, 1871).

[2]) *Пл. Іосселіани.* Города, существовавшіе и существующіе въ Грузіи. (Тифлисъ, 1850).

[3]) Взглядъ на Мцхетскій могильникъ. Труды Моск. Археол. Общ-ва, т. X, 18—24, 71—4.

[4]) *Геродотъ,* II, 101—104.



Истары халдеевъ (Афродита грековъ). Въ Кобанѣ и Казбекѣ разрыто французскимъ ученымъ Шантромъ много вещей, относящихся къ культу этого божества. Открытыя въ долинахъ рѣкъ Куры и Аракса оружія съ барельефами халдо-ассирійскаго характера, гончарное искусство и рукоятки мечей, найденныя на кладбищѣ въ Самтавро близъ Мцхета, носятъ яркіе слѣды вліянія Ассиріи. [1])

Но ни одна страна древняго міра не имѣла такого сильного вліянія на Грузію, какъ Персія и Византія. До принятія христіанства жизнь Грузіи сливалась съ обширнымъ потокомъ персидской культуры. Подъ предводительствомъ персидскихъ царей народъ грузинскій съ плетеными щитами и въ деревянныхъ шлемахъ бывалъ въ походахъ противъ грековъ и скиѳовъ и знакомился съ чужими знаніями и обычаями. Персы, по словамъ грузинской лѣтописи, распространяютъ въ Грузіи архитектурное искусство; они вводятъ свою систему вѣрованій—ученіе Зороастра, они передаютъ грузинамъ музыкальные инструменты и цѣлый рядъ повѣстей, то въ обработанномъ видѣ, то въ видѣ отдѣльныхъ сюжетовъ о дѣятельности иранскихъ героевъ. Сказанія о Ростомѣ и Зурабѣ переходятъ въ Грузію, націонализуются, и эти богатыри дѣлаются народными. Религія Зороастра водворяется въ Грузіи въ III вѣкѣ до Р. Х. при царѣ Фарнаванѣ, который ставитъ идолъ Армази (персидскій Ормуздъ) [2]). Четвертый царь Фарнаджамъ воздвигаетъ идолъ Задену, служителю бога добра. Дуалистическая система долго борется въ Грузіи съ христіанствомъ, поклоненіе огню сливается съ ученіемъ евангелія, и все это остается понынѣ господствующимъ въ духовно-созерцательной жизни народа. Вѣра грузина въ дэвовъ и эшма, или геніевъ Аримана, представленіе о загробной жизни до сихъ поръ носятъ яркіе признаки ученія Зороастра. Подземное царство, извѣстное нынѣ у грузинъ подъ именемъ шавети или джоджохети, находитъ себѣ аналогію въ персидскомъ «дузахъ». Царство грѣшниковъ отдѣлено отъ жилища блаженныхъ мостомъ чинвада, по Авестѣ, и волосянымъ мостомъ, по представленію современныхъ грузинъ. Вліяніе Персіи усиливается въ эпоху ослабленія грузинскихъ царей въ XVI—XVII вѣкахъ, когда правители Грузіи являлись ставленниками Персіи и вступали на грузинскій престолъ, принявъ предварительно исламъ. Ко времени извѣстнаго путешественника по Персіи Шардена [3]) дворъ грузинскихъ царей, пріемъ пословъ, церкви, какъ это видно у А. М. Павлинова въ III т. «Матеріаловъ», увеселенія, костюмъ ничѣмъ уже не отличаются отъ порядка и нравовъ персидскихъ властителей. Штатъ административныхъ, военныхъ и судебныхъ лицъ теряетъ грузинскія названія и переименовывается въ персидскія. Персидское вліяніе является доминирующимъ въ Грузіи до введенія христіанства въ Грузіи. Проповѣдь и воспріятіе ученія евангелія въ IV в., со времени св. равноапостольной Нины, [4]) послужили новымъ и мощнымъ культурнымъ

---

[1]) *Morgan.* Mission scientifique au Caucase II, 40. *Chantre.* Recherches anthropol. dans le Caucase II, 81—2.

[2]) *Грузинская лѣтопись* I, 32.

[3]) *Chardin,* Voyage en Perse, I, 182, 150 и др.

[4]) Моя работа: „Источники по введенію христіанства въ Грузіи“. Москва. 1893.


Digitized by Google

рычагомъ въ развитіи Грузіи. Христіанство оторвало Грузію отъ исключительнаго вліянія языческаго Востока и поставило ее подъ благотворное воздѣйствіе христіанскаго Запада. Крестъ, воздвигнутый въ древней Иверіи, сдѣлался въ одно и то же время и религіознымъ и національнымъ знаменемъ грузинъ противъ мусульманскихъ народовъ. Религіозная рознь разобщила Грузію съ Персіей и поставила въ непрерывныя сношенія съ Византіей, хранительницей священнаго огня, зажженнаго древними греками и римлянами. Многіе изъ грузинъ, посылаемые съ X вѣка въ Византію для довершенія образованія [1]), основывали школы, по возвращеніи на родину, въ которыхъ знакомили учащихся съ богословіемъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ, съ греческимъ и сирскимъ языками. Въ началѣ XII вѣка въ Грузіи учреждается по образцу греческой, знаменитая школа Арсенія Икалтосли въ Кахетіи, гдѣ между прочимъ получилъ образованіе извѣстный грузинскій поэтъ при царицѣ Тамарѣ— Шота Руставели, авторъ поэмы «Барсова кожа». Грузія, вступивъ въ группу христіанскихъ народовъ чрезъ посредство Византіи, подчинила свою словесность вліянію того періода греческой литературы, который извѣстенъ подъ именемъ византійскаго. Масса произведеній какъ духовнаго, такъ и другихъ литературныхъ отдѣловъ (повѣстей, апокрифовъ) передается ей Византіей. Литературное достояніе Византіи вліяетъ не только на грузинскую письменную словесность, оно отражается въ духовныхъ стихахъ, легендахъ и сказаніяхъ. Аѳонской горѣ принадлежитъ честь въ просвѣщенномъ посредничествѣ между Греціей и Грузіей. Въ Иверскихъ монастыряхъ съ X вѣка на Аѳонѣ предпринимаются обществомъ грузинскихъ монаховъ переводы св. писанія и сочиненій отцовъ церкви. Св. Евѳимій и Георгій Святогорецъ XI в. своими переводами на грузинскій языкъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ книгъ сообщаютъ повѣствовательному языку значительную силу и красоту, изумительную легкость и плавность слога. [2]) Іоаннъ Петрици, [3]) прозванный божественнымъ философомъ, знакомитъ грузинъ съ трактатами Платона и Аристотеля и создаетъ языкъ научный. Шота-Руставели, довершивши свое образованіе на Аѳонѣ, возводитъ до совершенства гибкость и выразительность стихотворнаго языка.

Получивъ христіанство изъ Византіи, Грузія заимствовала отъ нея церковное зодчество и пѣніе, принявшее, вслѣдствіе внѣшнихъ вліяній и мѣстныхъ условій, своеобразный складъ. Всѣ храмы Кавказа могутъ быть отнесены къ двумъ главнымъ типамъ; одни, какъ церкви въ Атени, Драни, св. Креста близъ Мцхета, представляютъ собою, подобно византійскимъ церквамъ VI—VIII ст., центрально-купольныя сооруженія, т.-е.

---

1) *Варданъ,* армянскій историкъ, говоритъ, что Давидъ Возобновитель (1089—1125) отправилъ въ Грецію сорокъ молодыхъ людей для изученія языковъ, что они и исполнили. Изъ числа ихъ трое оказались лучшими и даровитыми, которые сдѣлались украшеніемъ этого необразованнаго народа. „Всеобщая исторія" Вардана Великаго, пер. Н. Эмина, стр. 147 (М. 1861).

2) *Бакрадзе,* Исторія Грузіи,

3) Этотъ же грамматикъ Петрици перевелъ исторію Іосифа Флавія.


Digitized by Google

тскія, въ которыхъ всѣ части группируются вокругъ средняго пространства, покрытаго куполомъ. Другой типъ представляетъ соединеніе купольной системы съ базиличною, т.-е. образуетъ продолговатое трехнефное (рѣдко пятинефное) зданіе, въ которомъ эффектъ сосредоточенъ у алтаря и надъ нимъ (напр., Кутаисскій соборъ, храмы въ Мокви, Бедіи, Пицундѣ, Никорцминдѣ и др.). Усвоивъ себѣ эти два типа, грузинское зодчество развивало ихъ свободно и сообразно національному духу и климатическимъ свойствамъ страны, при чемъ воспринимало элементъ сассанидскаго и западно-европейскаго искусства (въ особ. XIII в.). Такая переработка основныхъ византійскихъ началъ шла постепенно и привела, наконецъ, въ XII и XIII ст., къ образованію столь стройно-гармоничнаго и оригинально-изящнаго архитектурнаго стиля, что ему, по всей справедливости, отводится отдѣльное мѣсто въ исторіи искусствъ. Живопись и скульптура въ Грузіи сохранили явственную печать византійства, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда приходилось писать лики мѣстныхъ, неизвѣстныхъ Греціи, святыхъ, грузинскіе живописцы смѣло руководствовались византійскими первообразами [1]). Наконецъ, мотивы древне-грузинскихъ народныхъ пѣсенъ тождественны со строгимъ стилемъ церковнаго обихода, имѣвшаго своимъ источникомъ греческіе напѣвы. Грузинская народная музыка вступила на правильный путь лишь съ принятіемъ христіанства изъ Византіи. Современная народная пѣсня грузинъ представляется въ видѣ діатонической плавной мелодіи, построенной въ одномъ изъ церковныхъ ладовъ. Всѣ историческія наслоенія выразились въ усвоеніи ими увеличенной секунды отъ персіянъ и татаръ, а мелизма отъ арабовъ, и на этой уже почвѣ образовались новыя мелодіи въ смѣшанномъ грузино-арабо-персидскомъ стилѣ.

Къ византійскому вліянію на Грузію съ VIII вѣка присоединяется вліяніе арабовъ, распространяющихъ среди грузинъ свѣдѣнія по точнымъ наукамъ: математикѣ и астрономіи, также по архитектурѣ и живописи (въ Тифлисѣ съ VIII в., со времени ихъ водворенія въ Грузіи, существовала астрономическая обсерваторія). Подъ воздѣйствіемъ этихъ трехъ культуръ—персидской, византійской и арабской [2]) крѣпнетъ и расширяется умственный горизонтъ, вырабатывается и обогащается литературный языкъ, развивается переводная и оригинальная письменность. Гру-

---

[1]) См. *Кондакова*, „Опись памятниковъ древности въ храмахъ и монастыряхъ Грузіи". (Спб. 1887). Prince *G. Gagarine*, „Le Caucase Pittoresque (Пар. 1847). *Tetier*, „Description de l'Arménie de la Perse etc". (t. I, Пар. 1842).

[2]) Это тройное мощное вліяніе иноземцевъ наиболѣе ярко выразилось въ музыкѣ и искусствѣ. Всѣ грузинскія мелодіи могутъ быть разграничены на четыре группы: къ первой принадлежатъ народныя пѣсни, построенныя въ греческихъ ладахъ и въ духѣ церковныхъ напѣвовъ; ко второй должны быть отнесены пѣсни съ персидскимъ вліяніемъ, т.-е. грузинская мелодія съ увеличенной секундой; къ третьей относятся груз. пѣсни съ арабскимъ вліяніемъ, т.-е. груз. мелодія въ греческомъ ладѣ съ арабскими мелизмами, а къ четвертой принадлежатъ пѣсни со смѣшаннымъ арабо-персидскимъ вліяніемъ, т.-е. мелодія съ увеличенной секундой и мелизмами. *Ипполитовъ-Ивановъ*, „Груз. народ. пѣсня", стр. 5—6. (Москва, 1895 г., изъ „Артиста" № 45).

Digitized by Google

зинская образованность достигаетъ высшаго апогея въ XII в., въ эпоху царицы Тамары, доставившей Грузіи своими побѣдоносными войнами преобладающее политическое вліяніе во всей Малой Азіи и на Кавказѣ. Вѣкъ ея ознаменованъ литературною дѣятельстью поэтовъ—Шота Руставели, Шавнели, Чохруха, и романистовъ—М. Хонели и Е. Тмогвели, произведенія которыхъ носятъ яркіе слѣды двойственнаго вліянія пылкаго востока и разсудительнаго запада. Легендарная исторія приписываетъ Тамарѣ всѣ замѣчательные архитектурные памятники Грузіи; это—нѣмые свидѣтели величавой эпохи Грузіи. Тамара повсюду оставила неизгладимыя черты своей дѣятельности и, по словамъ одного историка, «написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи». Съ кончиной царицы все измѣнилось: она какъ будто унесла въ могилу счастливые дни своей родины. По смерти ея на Грузію обрушивается рядъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдствій. Въ XIII в. она испытываетъ страшное нашествіе монголовъ, въ XV в. подвергается варварскому вторженію Тамерлана, начало XVII в. печально ознаменовано неистовствомъ Аббаса I, шаха персидскаго. Въ XVII ст. Грузія перекидывается, какъ мячъ, отъ персовъ къ туркамъ, отъ турокъ къ грузинамъ, отъ грузинъ къ персамъ. Грузинскіе цари принимаютъ исламъ и дѣлаются постоянными данниками персидскихъ шаховъ. Въ 1795 г., при царѣ Ираклін II [1]), вторгается въ Грузію свирѣпый Ага-Магометъ-ханъ, шахъ персидскій, предаетъ все огню и мечу и наноситъ послѣдній роковой ударъ независимому существованію Грузіи, вошедшей затѣмъ съ первыхъ годовъ XIX столѣтія въ составъ Россійской имперіи. Такимъ образомъ, говоря словами генерала Фадѣева, „христіанской Грузіи удалось цѣною сверхчеловѣческихъ усилій уцѣлѣть до того часа, когда Россія доросла, наконецъ, до подножія Кавказа". [2])

Такова печальная судьба Грузіи! Она постоянно горитъ, постоянно разрушается, постоянно истребляется. Разоренія ея, избіеніе ея жителей оказываются чѣмъ-то обычнымъ, какъ бы очереднымъ явленіемъ ея нормальной жизни. Врядъ-ли можно сосчитать случаи возрожденія Грузіи изъ пепла, всѣ кровавые фазисы, въ которыхъ она, такъ сказать, мѣняла свой историческій обликъ. «Много есть грустной поэзіи въ кровавой исторіи Грузіи; грузинъ ее вспоминаетъ со слезами. Она описываетъ вѣками неисчислимыя бѣдствія, дробленіе царства на царство, междоусобицы между царями и князьями, возстанія племенъ на племена и родовъ на роды.... Но среди этихъ мрачныхъ событій исторія Грузіи представляетъ нѣсколько свѣтлыхъ страницъ". Трудно было бы ей прожить длинный рядъ вѣковъ историческою жизнью, когда приходилось съ оружіемъ въ рукахъ завоевывать себѣ каждый день существованія. И не смотря на всѣ тяжелые удары, грузины отстояли свою народность и православную вѣру. Подъ сѣнью христіанской церкви они находили и отраду и утѣшеніе. Воинственный духъ, укрѣплявшійся въ грузинѣ силою политическихъ обстоятельствъ, смягчался религіознымъ чувствомъ, обратившимъ его въ благо-

---

[1]) Подробности въ Histoire de la Géorgie, t. I и II.
[2]) *Русь*, 1884 г., № 2, стр. 22.


Digitized by Google

чествваго паломника и подвижника, усерднаго книжника и художника, стража и защитника св. Гроба Господня [1]). Одной рукой онъ неустанно оберегалъ страну отъ хищныхъ завоевателей, а другой онъ возводилъ и щедро украшалъ храмы и монастыри въ Грузіи и далеко за ея предѣлами—въ Палестинѣ и Сиріи, на Синаѣ и Аѳонѣ. Силы его подкрѣплялись твердой надеждой на поддержку десницы Провидѣнія. Безстрашный воинъ на полѣ брани, идущій одинъ противъ десяти, какъ во время нашествія Ага-Магометъ-хана, онъ смирялся въ храмѣ Божьемъ, изливая передъ святынями слезы благодаренія, выстраданную душевную боль и сердечныя муки. При всѣхъ превратностяхъ судьбы Грузіи, церковь оставалась въ его глазахъ надежнымъ убѣжищемъ для пробужденія національнаго чувства противъ мусульманскихъ властителей. Въ виду такой всеобъемлющей роли церкви, понятно ея мощное вліяніе на складъ міросозерцанія грузинскаго народа.

Эта непреклонная защита церкви въ минуты отчаянія пріучила Грузію обращать взоры упованія на Россію, православную державу, съ которой Иверія вступаетъ въ непрерывныя сношенія съ XVI в. [2]) Съ этихъ поръ Россія и Грузія обмѣниваются посольствами, подарками, посланіями. Политическія сношенія сопровождаются религіозно-культурными, и такимъ образомъ вліяніе русское проникаетъ въ глубь Грузіи, сказывается прежде всего въ церковной живописи (напр., въ храмѣ Бахтало, близъ Закаталъ), и чинѣ богослуженія (см. «Арсеній Сухановъ», изслѣд. С. Бѣлокурова), а впослѣдствіи и въ литературѣ. Чрезъ посредство Россіи вносится въ Грузію вѣяніе европейской цивилизаціи, лучи которой впервые освѣтили берега Чернаго моря, благодаря торговымъ связямъ съ XVI в. венеціанцевъ и генуэзцевъ съ Мингреліей и Имеретіей [3]). Со времени занятія верхней Грузіи (Ахалцыхскаго уѣзда) османами, ее наводняютъ римскіе миссіонеры, приносящіе въ край вмѣстѣ съ проповѣдью католицизма начатки западной культуры. Папскіе нунціи проникаютъ въ грузинское царство, пріобрѣтаютъ довѣріе и любовь грузинскихъ царей, въ качествѣ врачей и пріятныхъ собесѣдниковъ, созидая себѣ прочный оплотъ перешедшихъ въ католицизмъ. Вліяніе ихъ настолько усиливается, что въ XVIII в. самъ глава грузинской церкви, католикосъ Антоній I, проявляетъ излишнія симпатіи къ папскимъ миссіонерамъ и, по постановленію мѣстнаго духовнаго собора, за отступничество отъ православія лишается патріаршаго престола и изгоняется изъ страны. Католикосъ Антоній I прибылъ въ Россію, оправдался предъ Свят. Синодомъ въ возведенныхъ обвиненіяхъ и получилъ архіерейскую каѳедру во Владимірѣ. При царѣ Иракліи II онъ вернулся въ Грузію и привезъ съ собой учеб-

[1]) *Цагарели:* „Грузинскіе памятники старины на Синаѣ и въ Святой землѣ". Спб. 1888 г.

[2]) *Броссе*: „Краткая переписка груз. царей".

[3]) Путешествія итальянцевъ Ламберти, Контарини, Барбаро см. въ газ. „Кавказъ" за 1867 г. Плано Карпини и Асцелинъ, изданы *Языковымъ* въ Собраніи путешествій къ татарамъ. Спб. 1825. См. еще *Семеновъ:* Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи; т. I, отд. I, посвященъ Кавказу.

Digitized by Google

ные планы и труды—частью оригинальные, частью переводные—по богословію, философіи, метафизикѣ, логикѣ, исторіи, грамматикѣ и риторикѣ для преподаванія ихъ въ схоластическихъ имъ организованныхъ тифлисскихъ и телавскихъ [1]) духовныхъ семинаріяхъ по образцу Кіево-Могилянскаго коллегіума и Славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ. Пользованіе услугами папскихъ миссіонеровъ при составленіи Антоніемъ учебниковъ усиливало вліяніе католицизма и въ учащейся молодежи, и въ народѣ. Это вліяніе столкнулось съ остатками язычества, съ переживаніями ислама, который въ эпоху мусульманскаго владычества успѣлъ привить народу чуждыя православію понятія и обычаи. Подъ этимъ тройнымъ воздѣйствіемъ—православія, католицизма и ислама, преломившимися черезъ призму европейской цивилизаціи, до настоящаго времени направляется вся духовная и религіозная жизнь грузинскаго народа.

**А. Хахановъ.**

## Еще о пародіи въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ напечатанной въ XX-ой книгѣ «Этногр. Обозрѣнія» въ моей замѣткѣ по поводу сообщенной мною пародіи на историческую пѣсню, говоря о причинахъ малоизвѣстности въ нашей литературѣ этого рода народной поэзіи, я совершенно упустилъ изъ виду указать на то, что, кромѣ правительственной цензуры, достаточно строгой, въ средѣ русскаго общества первой половины истекающаго столѣтія, даже вплоть до эпохи реформъ, существовала еще болѣе строгая, болѣе щепетильная цензура нравовъ и поступковъ со стороны вліятельнѣйшихъ его представителей и законодателей. Этой цензурѣ всѣ безусловно и безапелляціонно покорялись. Въ то время не только дамы пріятныя во всѣхъ отношеніяхъ, но и весьма серьезные, умные люди изъ среды какъ многодушныхъ, такъ и малодушныхъ помѣщиковъ, изъ среды даже писателей и редакторовъ готовы были посадить Гоголя въ кутузку за неприличный, по ихъ мнѣнію, способъ его выраженій, въ родѣ того, наприм., что Яичница (въ «Женитьбѣ») не перемѣнилъ свою фамилію на Яичницынъ, потому что это было бы похоже на: «собачій сынъ»; упрекали его и въ томъ, что онъ позволяетъ себѣ разсказать въ «Мертв. душ.», какъ будочникъ ночью въ публичномъ мѣстѣ казнитъ на ногтѣ своего пальца какого-то звѣрка; тогда считалось крайне неблагопристойнымъ произносить въ обществѣ слово «юбка» (la juppe—ничего), или, говоря о дамѣ, сказать, что она «съ норовомъ», или, что у нея поэтическое или художественное «чутье». Но еще деспотичнѣе, еще ревнивѣе эта цензура старалась оберегать честь

---

[1]) Телавская семинарія и первый ея ректоръ Гаіозъ Нацвлишвили 1746—1819 г. Журналъ *Иверія*, 1881 г. августъ, ст. г. *Мтварелишвили*. Этотъ Гаіозъ перевелъ Велизарія Мармонтеля въ г. Кременчугѣ и тутъ же напечаталъ свою Грамматику груз. яз. Ему принадлежитъ еще рядъ переводныхъ и оригинальныхъ сочиненій.



и достоинство всѣхъ классовъ служилаго сословія, начиная съ будочника. О недостаткахъ, слабостяхъ этихъ людей, причинявшихъ подчасъ немало вреда не только обывателямъ, но отчасти и государству, можно было говорить только въ своемъ кругу, и то не безъ оглядки,—но отнюдь не въ печати. Поэтому очень естественно, что писатели и издатели того времени, прежде чѣмъ подавать свои рукописи въ административную цензуру, вычеркивали въ нихъ не только все то, что не могло быть одобряемо послѣдней, но преимущественно и то, что, по ихъ личнымъ соображеніямъ, могло возбудить негодованіе и осужденіе представителей цензуры нравовъ, имя которымъ было легіонъ. Достаточнымъ подтвержденіемъ сказаннаго можетъ, по моему мнѣнію, служить, между прочимъ, заявленіе, сдѣланное знаменитымъ археологомъ Калайдовичемъ въ своемъ предисловіи ко 2-му изданію «Древнихъ россійскихъ стихотвореній». Приведя (на стр. XXIX, въ выноскѣ) заглавія 7-ми стихотвореній, выпущенныхъ имъ по причинѣ преобладающаго въ нихъ характера Барковщины, онъ прибавляетъ: «Кромѣ сихъ піесъ, оставлены мною въ рукописи еще двѣ: „Изъ монастыря Боголюбова старецъ Игримище“ [1])—въ насмѣшливомъ тонѣ написанная и «Голубина книга сорока пядень», неприличная по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разсказомъ». Такими-то пріемами въ означенное глухое время пользовались почти всѣ литераторы и ученые издатели при изданіи въ свѣтъ своихъ и чужихъ произведеній. И если такая инквизиціонная опека не могла особенно сильно вредить развитію литературы письменной и печатной, то для словесной, устной, не успѣвшей еще пріурочиться къ письменности, оказалась весьма пагубной и повела къ тому, что многіе перлы сатирической поэзіи русскаго народа остались совсѣмъ неизвѣстными и, пожалуй, затерянными на вѣки для послѣдующихъ поколѣній. Подтвержденіемъ сказаннаго отчасти можетъ служить приведенное Калайдовичемъ на стр. XXXIII своего предисловія начало одной изъ выпущенныхъ имъ изъ сборника Кирши Данилова пѣсенъ подъ заглавіемъ «Агаѳонушка». «Въ Агаѳонушкѣ», говоритъ почтенный археологъ, «виденъ примѣръ пародіи Данилова собственнаго его произведенія—Соловья Будимировича». Затѣмъ въ выноскѣ запѣвку названной пѣсни и пародирующія ихъ строки изъ «Агаѳонушки», сопоставляются такимъ образомъ:

*Соловей Будиміровичъ*:

„Высота-ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ-море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе“.

— *Агаѳонушка*:

„Высока-ли, высота
Потолочная,
Глубока, глубота
Подпольная,
А и широко раздолье
Передъ печью шестокъ,
Чистое поле—
По подлавечью.
А и синее море—
Въ лохани вода“.

[1]) Вѣроятно— Пилигримище.


Digitized by Google

Такое удачное подражаніе этой пародіи пародируемому оригина лыму уже рѣдко встрѣчаемъ въ тѣхъ пѣсенныхъ обломкахъ, которые еще кое-гдѣ на Руси сохранились въ видѣ вставокъ въ пѣсняхъ сатирическаго пошиба, настоящій смыслъ которыхъ уже для насъ совершенно затерялся.

Нижеприводимая изъ моего рукописнаго великорусск. сборника скоморошья пѣсня достаточнымъ, кажется, образомъ можетъ уяснить читателю мою мысль. На кого и на что эта пѣсня намекаетъ—намъ непонятно; можетъ быть даже, что въ ней никакихъ намековъ и не заключается совсѣмъ. Ясна въ ней для насъ только вторая, ме́ньшая половина, представляющая пародію на эпизодъ изъ былины о Кострюкѣ и не состоящая въ органической связи съ первой. Вотъ эта пѣсня:

Гдѣ это видано, гдѣ это слыхано?
Чтобы курочка бычка родила,
Кочерыжечка яичко снесла[1])
Помелица раскудахталась,
А чепелина на яйцахъ сидитъ?
А Ермошкинъ вылетываетъ,
Журавелюшка всю ночь проходилъ,
Онъ насилу жеребеночка родилъ.
Матушка бычка, бычка,
Государыня,—телушечка!
Повели быка на теремъ,
Напоили быка киселемъ.
Бычурычка напивается,
Рога его раздуваются.
Купцы-братцы по сѣничкамъ расхаживали,
Сини полы разворачивали.
Какъ зарѣзали бычурычку,
Вынули требушечку,
Повѣсили на цѣпушку.
Откуда ни взялся Стенькинъ братъ,
Отхватилъ требушины шматъ
Завязали ему руки назадъ,
Заставили рѣчи говорить.
При царѣ, царѣ,—царевичѣ
(Вѣчная ему память),
Какъ вздумалъ онъ жениться.
Онъ немного приданаго бралъ:
300 донскихъ казаковъ,
Девяносто тридцать мужиковъ.
. . . . . . . . . . . . . . . . .
„Всѣ ли гости съѣхались?“
„Одного гостя нѣту—мово шурина любимова“.
Онъ попозже всѣхъ пріѣзжалъ,
Попроворнѣе всѣхъ наѣдался,
Поскорѣе всѣхъ вылѣзалъ,—
Онъ семьсотъ скамеекъ повалилъ,
Девяносто мужиковъ задавилъ.
Вотъ злая свекровушка
Вышла на крылечушко,
Ударила дѣтища своего
Объ сыру землю такъ,
Чтобы сыра земля растрещалася,
Рубашечка разсѣкалася[2]).

(Запис. въ Самарской губерніи и сообщ. въ 1868 г. Г. Н. Потанинымъ).

Какъ видно, эта пѣсня не цѣльная, а сштукованная изъ двухъ. Для насъ главный интересъ заключается во второй ея половинѣ, весьма схожей съ той, которая была напечатана въ предыдущей нашей замѣткѣ изъ Курской губерніи. Она ясно доказываетъ, что и въ Самарскомъ краѣ старинныя историческія пѣсни были сильно распространены среди народныхъ массъ и до такой степени завладѣли ихъ воображеніемъ и памятью, что

---

[1]) Въ 8 явленіи III дѣйствія комедіи Островскаго: „Свои люди—сочтемся“ сваха поетъ почти тѣ же стихи.

[2]) Окончаніе этой пѣсни поразительно сходно съ окончаніемъ того варіанта о Кострюкѣ Кострюковичѣ, который напечатанъ въ III ч. сборника Рыбникова, стр. 264:

„Опускалъ на сыру землю.
Тутъ на немъ кожа-то треснула,
Съ бѣлой шеи до гузна,
Рубашка-то лопнула“.

Digitized by Google

не могли не подавать повода ихъ доморощеннымъ юмористамъ издѣваться надъ ними подъ веселую руку, представить ихъ наизнанку, облечь въ ихъ форму какіе-нибудь выдающіеся забавные случаи изъ окружающей ихъ жизни семейной и общественной. Вотъ почему народныя пародіи, при всей кажущейся ихъ маловажности, даже безсмысленности, могутъ подчасъ служить нѣкоторымъ подспорьемъ и указателемъ при разысканіи слѣдовъ древнихъ русскихъ эпическихъ и историческихъ пѣсенъ въ какой-либо части населенія нашего обширнаго отечества. Въ пародіяхъ и не совсѣмъ уже понятныхъ сатирахъ народа отголосокъ этихъ многозначительныхъ пѣсенъ слышится вплоть до нашихъ дней.

Вотъ еще, напр., отрывокъ хороводной пѣсни Псков. губ., бывшей извѣстною въ свое время, безспорно, въ полномъ составѣ народу:

Пóдойду, пóдступлю
    Подъ Иванъ-городъ каменный;
Выломлю, вышиблю
    Чеботомъ стѣну каменну;
Растворю, растворю
    Колыванскія ворота,
Выведу, выведу,
    Душу красну дѣвицу...

Пѣсня эта заключаетъ въ себѣ намекъ на отношенія псковитянъ къ ливонцамъ. Иванъ-городъ находился близъ Нарвы; Колывань—тотъ же Ревель. Пѣсня поется въ хороводѣ. (Сообщ. въ концѣ 60-хъ годовъ М. И. Семевскимъ). Этотъ отрывокъ послужилъ канвой для пародіи:

Обойду, обойду
    Широкій дворъ батюшкинъ,
Нáберу, нáберу
    Сырыхъ дровъ берéмечко,
Истоплю, и́стоплю
    Про молодца тéмницу,
Нáварю, нáварю
    Наварную кашицу,
Пóложу, пóложу
    Тараканій окорокъ,
Еще ли положу, положу
    Комарово плечико.
Кушайте, кушайте
    Наварную кашицу;
Каюсь я, каюсь я,
    Что много положила.

— Обойду, обойду
    Широкій дворъ матушкинъ;
Истоплю, истоплю
    Про дѣвицу свѣтлицу.
Наварю, наварю
    Наварную кашицу;
Положу я здобинья—
    Поросячій окорокъ;
Еще ли положу
    Три фунтика маслица:
Кушайте, дѣвицы,
    Наварную кашицу.
Каюсь я, каюсь я,
    Что мало положила.
(Сообщ. Г. Н. Потанинымъ изъ Самарск. губ. въ 1868 г.).

Пародированіе пѣсенъ самимъ народомъ можно встрѣтить даже въ обрядовыхъ пѣсняхъ. Считаемъ не лишнимъ для образца привести цѣликомъ двѣ свадебныя пѣсни изъ рѣдкаго теперь пѣсенника 1815 года.

а) Когда дружка щедръ, то его величаютъ пѣснею (не пародіею):

    Друженька хорошенькій
    Друженька пригоженькій! [1]).
Какъ на дружкѣ кафтанъ
Багрецоваго сукна,
Какъ на дружкѣ камзолъ
Золотой парчевой.
Какъ на дружкѣ штаны
Черны бархатные,

[1]) Этотъ припѣвъ повторяется затѣмъ послѣ каждаго 4-стишія.

Digitized by Google

Какъ на дружкѣ чулки
Бѣлы шелковые.
Какъ на дружкѣ башмаки
Черны замшевые;
Пряжки съ искорками
Вонъ повыскакали.
Онъ при тросточкѣ стоитъ,
Пребоярясь говоритъ.
На немъ шляпа со перомъ
И перчатки съ серебромъ.
Коль хочешь въ рай,
Передайся намъ;
Еще есть про тебя
У насъ скляница вина,
И скляница вина,
И пива ендова,
Еще кринка молока
И конецъ пирога.

б) Когда же дружка скупъ и мало даетъ, то, вмѣсто приведенной пѣсни, ему поютъ слѣдующую пародію:

Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій! (*Припѣвъ*).
На дружкѣ-то кафтанъ
Весь по ниточкѣ сбиранъ,
Какъ на дружкѣ-то камзолъ
Со фальшивой бахромой,
Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дѣда сатаны,
Чулки вязаные,
И тѣ краденые.
Башмачки хороши,
Лишь подошвы изошли,
Пряжки съ искорками
Вонъ повыскочили.
Какъ на дружкѣ-то шляпенка
Послѣ сватушки чертенка,
Онъ по горницѣ прошелъ
Три шолуда нашелъ.
На полати-то взглянулъ,
Трои лапти стянулъ,
На поварнѣ живалъ
И онъ ложки мывалъ.
Помои пивалъ,
Мочалки сосалъ;
Посадимъ тебя за столъ,
Пришибемъ тебя пестомъ.
На закусочку
Колотушечку.
Скажемъ: по воду пошелъ,
Скажемъ: подъ ледъ онъ ушелъ.
Друженька по горенкѣ похаживаетъ,
Частехонько поговариваетъ:
Ужъ куда, братцы, хорошъ!
На лиху болѣсть похожъ.
Рожа праслицею,
Глаза скляницею,
Да и носъ крючкомъ,
Голова пестомъ.
Дружка ворота рублемъ отпираетъ,
Коломъ запираетъ;
Дружку по денежкамъ принимаютъ,
А дубиной провожаютъ.
Друженька хорошенькій,
Друженька пригоженькій![1]).

(Новѣйшій карманный россійскій пѣсенникъ, Москва 1815, стр. 170—171 и 172—174).

Эту пародію можно бы назвать пѣснею величальною, вывороченной наизнанку по адресу дружки. Она вызвана раздраженіемъ обманутаго расчета и потому нашпигована довольно язвительною бранью. Такихъ вывороченныхъ пѣсенъ сатирической закваски (за исключеніемъ бранливости), существовало въ недавнемъ прошедшемъ немалое количество. Если онѣ теперь не встрѣчаются или только изрѣдка встрѣчаются въ пѣсенномъ обиходѣ нашихъ поселянъ, то главнымъ образомъ вслѣдствіе нецензурности ихъ содержанія. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ въ селѣ Мураевнѣ (Ряз. г., Данк. у.), гдѣ я записывалъ мѣстныя пѣсни, мои пѣвицы, бабы молодыя и пожилыя, предобродушно увѣряли меня, что ихъ мужчины то

[1]) Къ послѣднему № имѣются въ печати лучшіе варіанты, есть и рукописные. Въ недавнее время хоръ Славянскаго распѣвалъ въ своихъ концертахъ эту пѣсню съ большимъ успѣхомъ. Начиналась она у него такъ: На Иванушкѣ чапанъ чортъ по ноченькамъ подралъ и т. д.

Digitized by Google

и дѣло пересмѣиваютъ ихъ тяговыя пѣсни, и если поютъ ихъ подчасъ, то все шиворотъ-навыворотъ и съ словами срамными. Но, кромѣ этого сорта травестіи, въ народѣ были въ ходу и, вѣроятно, циркулируютъ коегдѣ еще и теперь такіе пріемы, которые пользуются для своихъ цѣлей только готовой рамкой пародируемаго оригинала для удобнѣйшей вставки въ нее своего спеціальнаго содержанія, исключительно, однако, сатирическаго характера. И онѣ частехонько, хотя не сплошь, но подъ конецъ нѣтъ - нѣтъ да и обмолвятся какой-нибудь голой нескромностью. Къ такимъ пародіямъ относится нижеслѣдующая пѣсня о необузданномъ разгулѣ *души зятюшкиной*. По формѣ и тону она скопирована съ извѣстной святочной хороводной пѣсни, подъ названіемъ: «Келейка», «Игуменъ», бывшей въ дореформенное время и немногіе годы спустя въ большомъ употребленіи среди крестьянскаго населенія почти всѣхъ великорусскихъ губерній. Приводимъ изъ неѣ для сравненія подъ буквою *а* первые 5 стиховъ по вар., напечатанному во 2-мъ т. Записокъ И. Р. Г. Общ., зап. А. А. Кокосовымъ въ Шадринск. у. Пермск. губерніи.

а) Кто-нибудь изъ парней садится на стулъ среди избы, дѣвушки же составляютъ кружокъ, ходятъ вокругъ сидящаго и поютъ:

Вокругъ я келейки хожу,
Вокругъ я новенькія,
Вкругъ сосновенькія;
Ужъ я старицу бужу
(Вар.: Я черничку бужу),
Я спасенную душу и т. д.

б) Пародія:

Кругъ я печки хожу, } 2
Кругъ муравленныя;
Я на печку гляжу, } 2
На муравленную.
Отворяйся заслонъ, } 2
Вынимайся, пирогъ!
Становися, пирогъ, } 2
На дубовый столокъ,
Наѣдайся душа, } 2
Душа зятюшкина!
Я наѣлся, какъ быкъ,
Самъ не знаю, какъ быть.
Кругъ я бочки хожу, } 3
Кругъ дубовенькія,
Я на бочку гляжу } 2
На дубовенькую:
Оттыкайся, гвоздокъ, } 3
Наливайся, медокъ,
Напивайся, душа, } 3
Душа зятюшкина!
Я напился, какъ быкъ, } 3
Самъ не знаю, какъ быть.
Кругъ кроватки хожу, } 3
Кругъ тесовенькія
На кроватку гляжу, } 3
На тесовенькую.
На кроваткѣ лежитъ } 3
Душа Катенькина и т. д.

(Зап. Садовниковымъ въ Самар. г.).

Тонъ и складъ этой пародіи сильно напоминаютъ начальныя строки шуточнаго стихотворенія Пушкина о Стурдзѣ, извѣстномъ дипломатѣ и богословѣ временъ императора Александра 1-го:

Я вкругъ Стурдзы хожу,
Вкругъ библическаго.
Я на Стурдзу гляжу,
Монархическаго [1]).

[1]) См. соч. Пушкина (изд. Литературн. Фонда), т. VII, стр. 54, въ подстрочн. примѣчаніи редактора.



Digitized by Google

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пушкинъ и совсѣмъ независимо отъ какихъ бы то ни было постороннихъ вліяній могъ облюбовать и выбрать данную форму для своей цѣли, и ея совпаденіе съ народной можно объяснить только одной случайностью; но если мы вспомнимъ живую, дѣятельную любовь нашего поэта къ произведеніямъ творчества русскаго народа, къ его языку, къ его пѣснямъ, къ которымъ онъ умѣлъ такъ мастерски поддѣлываться [1]), то окажется весьма вѣроятнымъ, что онъ не могъ считать ниже своего достоинства воспользоваться для своей цѣли уже готовымъ образцомъ, который, безспорно, въ его время никакъ не менѣе былъ распространенъ въ народѣ, чѣмъ теперь, и отлить по немъ свою легкую, игривую сатиру. А если еще, сверхъ того, возьмемъ въ соображеніе и то обстоятельство, что всѣ талантливые поэты-пародисты, для приданія своимъ пародіямъ большей популярности всегда выбирали объектомъ своего подражанія такія именно произведенія искусственной и безыскусственной поэзіи, которыя всѣмъ были хорошо знакомы, у всѣхъ, такъ сказать, были на языкѣ, то степень вѣроятности нашего предположенія возвысится до фактической очевидности. Во всякомъ случаѣ, болѣе положительно объ этомъ вопросѣ можно будетъ сказать только тогда, когда объявится въ печати цѣликомъ весь текстъ стихотворной шутки Пушкина о *Стурдзѣ библическомъ*.

С.-ПБ. 28-го мая 1894 г. **П. Шейнъ.**

## Изъ народныхъ устъ.

### Къ народнымъ разсказамъ о холерѣ. [2])

Оце у празныкъ святои Магдалыны йихалы двое мужикивъ зъ поля. Колы иде якась черныця по дорози. Якъ поривнялысь, вона и просе пидвезты іи. Воны кажуть: «сидайте, матушка, пидвеземъ!» Сила вона и дойихала до села, а коло села встала зъ воза и пишла соби въ село пишки. Прыйшла вона до одной хаты, а въ ти хати якъ разъ справлялы хрестыны. Ну, а якъ справляють хрестыны, то звисно—тутъ уже и горилка; то вси такъ понапывалысь, що инши и языкомъ не моглы повернуть. Отъ війшла та черныця, та й каже: «добрый день, добре люде, а що це, пыта, вы справляете—мабудь хрестыны?»—«Вгадалы, вгадалы», адказують,—«хрестыны! може и вы зъ намы выпьете за хресныка», каже хозяинъ. И началы зъ нею шуткувать. Вона довго мовчала, а дали каже: «буде вамъ, добре люде, шуткувать зо мною, це не годыцця, а лучче скажить мини, де ваши диты?»—«Въ сараи сплять», кажуть ій».—«А вы», пытае, «булы сёгодня въ церкви? а дитей вашихъ водылы въ церкву?! Вы ихъ сёгодня и не бачылы, воны у васъ и не причесаны, и не умываны, а вы пьянствуете, а сёгодня празныкъ святои Магдалыны, а вы іи

---

[1]) См. „Мои воспоминанія“ Ѳ. И. Буслаева. Вѣстн. Европы 1891, октяб., стр. 637. Ш.

[2]) См. „Этногр. Обозр.“ *указатель* при кн. XVIII (холера), кн. XVII,183



не чтыте: въ церкву не ходыте, дитей не вчите молытвамъ, та ще й глузуете зъ черныци! За це Богъ васъ покарае!» Уси слухали іи мовчки, а де-яки сталы сміяцця. Тоди вона на усихъ наслала холеру, и скильки ихъ тамъ ны було—уси заразъ померлы; а дали пишла въ сарай и тамъ подушила усихъ дитей. Писля того пишла вона скризь по деревни и тихъ людей, котри булы у церкви, не чипала, а котри не булы, або котри пьянствувалы—усихъ карала, на усихъ насылала холеру. Якъ прыйде у хату, заразъ роспытуе: що роблять, чи у церкву ходять, чи ни. «Я—свята Магдалына, прыйшла подывыцця на васъ, чи вы ще не забулы Бога и его святыхъ?» Ходыла вона по нашему селу довго, я тоди сыльна холера була.

(С. Константиновка, Елисаветград. у. Херсонск. губ. Записалъ Петръ Строцкій).

## Про святую Пятницу. [1])

I. Разъ наварыла я обидать, спекла хлибъ и сила зачисацця, колы прыйихалы зъ поля сынъ и невистка. Пообидалы мы. Невистка позолыла сорочкы, и силы мы зъ нею прясты. Пряли мы до самого вечера. Колы ввечери ўходе до насъ якась жинка: стара-стара, одита въ свытку, а свытка на локтяхъ подрана и скризь дирку выдно голе тило. Ввійшла тай каже: «добрый вечиръ! а що вы сёгодни робылы?» А я кажу: «спекла житній хлибъ, умылася, зачисалася, а невистка позолыла сорочки тай силы прясты обы-двѝ.» — «А вы», каже, «забулы, шо сёгодня свята Пьятныця?»— «И справди», кажу я, «що забула!» —«Та вы», каже, «хоть и не забуваете, то въ святу Пьятныцю и хлибъ печете, и сорочки золыте, и чешетесь, и прядете, а забуваете то, що въ пьятныцю ны можна цёго робыть, бо Пьятныця—така жъ свята, якъ и другы, котрыхъ вы празнуе́те, и що вона за васъ терпыть мукы, якъ вы іи не почитаете!» —сказала и скынула зъ себе свытку; а пидъ свыткою нема ни сорочкы, ни спидныци,—прямо голе тило, та таке попечене, подряпане, поколяне, и по всёму тилу пухыри таки здорови, якъ хлибъ! «Ось бачите?», каже вона, «яка я попечена, позоляна, поколяна, яки у мене пухыри! Оце, якъ вы печете хлибъ, то у мене робляцця пухыри, якъ вы золыте сорочкы, то оце я позоляна, якъ чешетесь—оце я подряпана, якъ прядете, то все одно, що мене колете: оце я поколяна». Якъ оце вона сказала, мы тоди зъ невисткою давай хрестыцця, давай молыцця. Отъ свята Пьятныця и каже: «ну, теперъ прощайте! Сёгодня я ничого вамъ не зроблю, тильки не печить житнёго хлиба, не золить сорочкы, не прядить и не чешицця у святу пьятныцю, а якъ будете це робыть, то буде вамъ горе, и на тимъ свити будете кипить въ смоли, и будуть васъ пекты, и золыть, и колоть веретенамы, и будете вы терпить, якъ теперъ я терплю»,—та й пишла.

(С. Константиновка, Елисаветгр. у. Херсонск. губ. Записалъ П. Строцкій).

II. Була соби жинка—зла, проклята. Отъ, пишла вона въ поле зъ дытыною, а ввечери пишла до дому, а за дытыну й забула. Прыйшла

[1]) См. „Этногр. Обозр.", указатель.



Digitized by Google

до дому, попбрала скотыну, подоила коровы, колы це якъ нагадала за дытыну, побигла заразъ у поле. Прыходыть, колы бачить, а коло дытыны сыдыть якась жинка, горыть вогонь, жинка пече коржъ изъ сажи и волокна и держить ту дытыну. Та жинка и каже: «на, иззижъ цей коржъ, то я виддамъ тоби твою дытыну!» Вона взяла той коржъ, пхае въ ротъ, а винъ не лизе въ горло,—чуть не вдавылась. Тоди та жинка виддала іи дытыну та й каже: «бачъ, трудно йисты цей коржъ,—отъ такъ же и мини трудно терпить, якъ вы въ пьятныцю сажу трусыте и чешытесь!» А то була Пьятныця.

(С. Петроостровъ, Елисаветгр. у., Херсонск. губ. Записалъ Гавриленко).

## Блудъ.

— Диду, що це таке—*блудъ?*—О-це! вы не знаете, що таке *блудъ?!* Блудъ, то це така мара. О-такъ чоловика запута, чортяка, въ свою ситку, та й тяга за собою; хочъ ны хочъ, то все одно, сами ногы за нымъ пійдуть, такъ якъ голодна коняка иде до вивса, та й отороплыво якъ воно товди,—трусысся, неначе цуцыкъ въ дощъ.—А вы, диду, блудылы колы сами?—Мабудь, блудывъ, колы кажу.—Роскажить же намъ, роскажить!—Я блудывъ, ще якъ бувъ хлопцемъ. Ось якъ було. Батько пославъ мене у базарь, а щобъ я ны спизнывся, выпровадывъ мене ще зъ вечира. Ось запригъ я коня, сивъ въ повозку, та й пойихавъ. А до мистечка було верстъ зъ дваццять. Поки йихавъ селомъ, то й поспивувавъ, а якъ выйихавъ за село, то й спивать переставъ, ще й до сна стало клоныть, а я, щобъ ны заснуть, доставъ кесетъ, зробывъ цыгарку, закурывъ, вдарывъ коня, та й потюпавъ по дорози до мистечка. Колы бачу: якась чортяка переходыть мини дорогу, пидбигла до коня и схватыла ёго за поводъ. Кинь ставъ пурчатысь (sic), колы винъ ёго ны пуска; звырнувъ зъ дорогы и потягъ за собою въ степъ. Я хтивъ скочиты зъ воза, колы — ни, щось ыначе прыковало мене до воза! Ось винъ тягавъ, тягавъ мене по степу и прыволикъ у якусь балку; заморяный кинь на гору вже и повозки вытягнуть ны може. А у того чорта хвостяра довга була, ось винъ тею хвостярою и зачавъ коня быты попидъ живитъ... Якъ выйихавъ я на гору, дывлюсь, а ны далыченько блыстять вогни; винъ мене туды и потягъ. Пидъйижжаимъ, я прыдывляюсь,—ажъ то наше село! Я такъ зрадивъ, що ны мигъ вымовыть ни слова. Опамъятавшись, схватывсь за вижки и давъ тягу до дому. Пидъйихавъ до своеи хаты, клычу тата,—а сатана изновъ нагнала мене и осидлала коня. Батько перелякався, выскочивъ на двиръ, а сатана ёго якъ побачила, такъ и дала тягу съ конемъ и повозкою въ кручу; батько ухватывся за вижки, тягне коня до себе, а сатана его ны пуска. А тутъ стало уже свитать, заспивалы пивни. Сатана россердилась, якъ схватыть коня за голову, та якъ ударыть нымъ объ воротя, такъ иму и очи зъ лоба повылазылы; и на другый день бидна коняка ны могла пидняцця на ногы, бо сатана іи пидбыла ногы, проскочивши пидъ пузо.

(Д. Захарьевка, Елисаветградск. у., Херсонск. губ. Записалъ Гирскій).

Digitized by Google

## Якъ нычисты литають до людей.

Живъ соби на свити одынъ чоловикъ, що все знавъ и все бачивъ, що на свити робылось; тильки одного винъ нымкъ ны могъ соби поняты, якъ то мертвыци литалы до людей, и давъ соби слово якъ ныбудь добрацця до цёго. Якось сыдивъ винъ въ хати самъ, та й каже самъ соби: ось я визьму, освятю ножъ та пиду на цвынтарь, обпышу себе ножыкомъ, та тоди побачу, якъ нычисти литають. Такъ винъ и зробывъ. Сыдыть винъ на цвынтари уже мабудь часа тры. Колы у пивночи прылитають тры нычыстыхъ и началы одгрибать ямы. Тильки дня два, може, мынуло, якъ поховалы тихъ сердешнихъ покойныкивъ; а воны одгриблы ихъ, взялы за чубы, а кисткы такъ и посыпались изъ ихъ; потимъ кисткы повкыдалы въ яму и началы загрибать. А цей мужикъ—за чоловичую шкуру, прытягнувъ до себе, обпысавъ ножомъ кругъ, та тоди дывыцця, що дальше буде. Колы це воны загриблы, кынулысь до шкуры, а ін нема! Тоди одынъ каже: «це ты узявъ мою шкуру?» А той крычить на другого—и ну чубыцця, такъ що патли оставалысь у каждого! Якъ тильки перви пивни заспивалы, чорты и розлылысь смолою. Тоди мужикъ пырыхрыстывся та й пишовъ до дому. На другый день все село знало объ цимъ. Тоди люды пишлы до батюшкы, щобъ винъ поховавъ вырыте тило.

(Д. Антоновка Вороновск. вол., Елисаветгр. у., Херс. г. Запис. Л. Воликовскій).

## Йиродъ.

Живъ сабѣ бѣдны чалавѣкъ и зъ маткою, и сышовъ у йихъ хлѣбъ. Напряла тады матка трохи нитокъ ды й каже: иды, мой сынъ, продай сія нитки ды купи хлѣба, а то нечаго намъ ѣсти. Сынъ узявъ тыя нитки и пашовъ у городъ. Коли дарогою баче ёнъ, що сядить край дароги малое дитя и плаче, що нечаго ему ѣсти. Той чалавѣкъ узявъ таго дитёнка и вернувсь у дворъ, не продавъ и нитокъ; посадивъ дитёнка на припячокъ, а ено й галосе: «хлѣба, каже, хочу, ой, хлѣба!..» Матка якъ почала тады лаять сына, що «намъ, каже, и самимъ ѣсти нечаго, а ты ище якогось злыдня привёвъ! Що мы тяперъ рабить будимъ?!.» А дитя исъ припячка почуло, що каже матка чалавѣку, ды й одказуе: «иды, каже, до таго чалавѣка, що у его багато хлѣба, ды й проси, щобъ позычивъ табѣ; якъ не позыче, дыкъ ты дотуль проси, поки ёнъ не скаже: «бѣсъ мае у мене хлѣба»,—а тады ты прамо иды у дворъ». Пошовъ бѣдны чалавѣкъ до багатаго, якъ исказало ему дитя, и почавъ просить у его хлѣба. Багаты и то каже, и другое, дали изразу и каже: «бѣсъ мае у мене хлѣба! Иды сабѣ!» Бѣдны чалавѣкъ завернувсь тады и пашовъ у дворъ. Переночевали уси. Назавтряго прошинаюцца, коли коло таго дитёнка у хати и хлѣба, и сала, и усего, чего хочишь! Уси рады. Поѣли. Тады дитёнокъ и каже: «иды чалавѣкъ, до попа и попроси у его

кадилныцу и багато ладуну и приходь сюды». Чалавѣкъ слухавцца уже дитёнка, пошовъ до попа. Давъ тэй ему кадилныцу, ладуну. Приходе ёнъ у дворъ. Дитёнокъ изновъ каже: «бери кадилныцу и хадемъ на дорогу!» Пашли ены. Кали бачуть: стоить стовпъ на дорози, а на ёмъ сядить тэй, сами найстарши (не проти ночи казано) Йиродъ. Дитёнокъ и каже чалавѣку: «кади проти его!» Тэй начавъ кадить. И прискавъ, и плювався, и чаго не робывъ Йиродъ—каде усё чалавѣкъ, некуды дѣцца Йироду, излѣзъ ёнъ исъ стовпа, тольки его й бачили. А дитёнокъ полѣзъ тады на стовпъ ды й каже: «иды жъ, чалавѣкъ, у дворъ! пожалѣвъ ты мене, буде тяперъ и табѣ добре!» Що-жъ робить чалавѣку?—хочъ и жалка ему дитёнка, пошовъ ёнъ у дворъ и издѣлавсь багаты: усё тое, що було у багатого, перейшло до его.

(С. Погребки, Новгородъ-Сѣверскаго у., Черниговъ. губ. Записалъ Ал. Рклицкій).

Сообщилъ **Вл. Н. Ястребовъ.**

Digitized by Google

## П. I. Шафарикъ.

**(2 мая 1795—14 іюня 1861).**

2 мая нынѣшняго года исполнилось столѣтіе со дня рожденія отца современной славистики Пав. Іос. Шафарика. Наука обязана Шафарику той широкой постановкой вопроса о народности, постановкой, благодаря которой въ этой области науки объединяются и славянская филологія въ собственномъ смыслѣ этого слова, и исторія литературы, и этнографія. Однимъ изъ первыхъ трудовъ, посвященныхъ этнографіи, какъ понималъ ее Шафарикъ, былъ Slovanský národopis (1842 г.), тогда же переведенный его ученикомъ О. М. Бодянскимъ. Несмотря на 50 слишкомъ лѣтъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, книжка эта до сихъ поръ является въ высшей степени важной при изученіи славянской этнографіи, содержа въ себѣ первый точный обзоръ славянской этнографіи; карта, приложенная къ книжкѣ, до сихъ поръ не утратила своего значенія. Въ общемъ это незамѣнимый до сихъ поръ учебникъ для перваго ознакомленія съ славянской этнографіей. Еще болѣе памятенъ намъ Шафарикъ своими знаменитыми «Славянскими древностями» (рус. пер. неоконченный—1848 г., того же Бодянскаго). Это сочиненіе, хотя и оставшееся безъ конца (бытовой отдѣлъ остался неописаннымъ; сохранилась только его программа), до сихъ поръ служитъ точкой отправленія для всѣхъ, берущихся за изученіе славянской исторіи и народности. Этихъ двухъ трудовъ достаточно было бы, чтобы доставить Шафарику первое мѣсто въ ряду новыхъ славянскихъ филологовъ и этнографовъ.

Помимо чисто ученой дѣятельности въ области общей славянской науки о народности, Шафарикъ занимаетъ видное мѣсто въ исторіи развитія чешскаго самосознанія: онъ, идя вслѣдъ за патріархомъ славянства Іос. Добровскимъ, былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ дѣятелей національнаго возрожденія чеховъ и ихъ литературы, работая вмѣстѣ и одновременно со всей плеядой чешскихъ ученыхъ и публицистовъ: съ Палацкимъ, Колларомъ Юнгманомъ, Челаковскимъ, Ганкой, Воцелемъ, Амкерлингомъ и мн. др. Поэтому, празднуя столѣтіе его рожденія, современное чешское общество вспоминало важную эпоху своего развитія. Въ этотъ день должно было состояться соединенное засѣданіе Чешской Академіи и Ученаго общества. (Učená společnost) съ рефератами

Digitized by Google

маститаго чешскаго историка В. Томка и А. Труклярка (редакторъ «Часописа Чешскаго Музея»); въ Филологическомъ обществѣ (Iednota českých filologův) предполагались рефераты о Шафарикѣ Я. Влчка (автора исторіи словацкой литературы, исторіи чешской лит.) и Ю. Поливки (проф. славистики пражскаго университета [1]). Внукъ Шафарика, извѣстный проф. К. Иречекъ, помѣстилъ въ Osvět'ѣ большую статью о своемъ дѣдѣ. Молодой Чешскій историческій журналъ (Český Časopis historický) весь 3-й выпускъ посвятилъ памяти Шафарика; сюда вошли: общая характеристика Ш-а, написанная Я. Влчкомъ; обзоръ «Славянскихъ древностей» археолога и этнографа Л. Нидерле; «П. І. Шафарикъ и исторія славянской письменности» Ю. Поливки; «Шафарикъ и его взгляды критическіе и эстетическіе» І. Махала; «Филогическіе листы» (Listy filologické) также посвятили статью Ш-ку, написанную проф. И. Гебауеромъ.

Въ Москвѣ въ этотъ день не удалось устроить ни одного засѣданія; только 18 мая состоялось въ Общ. Ист. и Древ. Росс. засѣданіе, посвященное памяти Шафарика, игравшаго видную роль въ исторіи этого общества чрезъ своихъ друзей и учениковъ—М. П. Погодина и О. М. Бодянскаго; здѣсь, послѣ вступительной рѣчи предсѣдателя, было чтеніе пишущаго эту замѣтку, посвященное отношеніямъ П. І. Шафарика къ русскимъ ученымъ славистамъ.

**М. Сперанскій.**

## А. В. Елисѣевъ.

(Некрологъ).

22 мая неожиданно скончался въ Петербургѣ отъ крупа д-ръ *Александръ Васильевичъ Елисѣевъ*, состоявшій съ 1884 г. членомъ Имп. Общ. Люб. Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи и другихъ ученыхъ обществъ и пріобрѣвшій себѣ извѣстность неоднократными путешествіями съ ученою цѣлью по Россіи и отдаленнымъ странамъ, а также своими многими научными трудами по антропологіи, этнографіи, географіи и медицинѣ и публицистическими статьями, которыя являлись результатами его личныхъ наблюденій и изслѣдованій. Еще гимназистомъ онъ обошелъ пѣшкомъ часть Финляндіи и многія мѣста Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской, Псковской и Лифляндской губерній. Окончивъ курсъ въ кронштадтской гимназіи, онъ воспитывался затѣмъ въ петербургскомъ университетѣ по естественно-историч. отдѣленію физико-математич. факультета и закончилъ свое образованіе въ медико-хирургической академіи. Въ этотъ періодъ онъ успѣлъ посѣтить Египетъ, Каменистую Аравію, Синай, Палестину. Поступивъ на службу въ качествѣ военнаго врача, а потомъ чиновника особыхъ порученій при главномъ медиц. управленіи, Елисѣевъ познакомился съ окраинами Россіи, Кавказомъ, Туркестаномъ,

[1]) Подробности взяты изъ письма ко мнѣ Ю. И. Поливки.


Digitized by Google

Лапландіей; затѣмъ побывалъ въ Швеціи и Норвегіи вплоть до Нордкапа и Мурманскаго берега; на Уралѣ и въ бассейнѣ Ильменя онъ производилъ антропологическія и археологическія изслѣдованія путемъ раскопокъ и изученія слѣдовъ древней чуди. Въ 1884 и 1886 гг. онъ совершилъ еще два путешествія въ Палестину и на Востокъ по порученію Имп. Правосл. Палестинскаго Общества и прошелъ многія страны Африки и всю Малую Азію, а также посѣтилъ многіе острова и Аѳонъ. Въ 1889 г. въ качествѣ врача онъ сопровождалъ переселенцевъ изъ Одессы во Владивостокъ и ознакомился съ Южно-Уссурійскимъ краемъ, Японіей и Цейлономъ. По возвращеніи оттуда онъ предпринялъ въ 1893 г. новую поѣздку въ Египетъ и Суданъ и, будучи ограбленъ, едва успѣлъ спастись верхомъ на верблюдѣ. Наконецъ, въ прошломъ году онъ принималъ участіе въ абиссинской экспедиціи гг. Леонтьева и Звягина и до послѣдняго времени не оставлялъ мечты снова отправиться въ Суданъ, но смерть застигла его неожиданно, въ самую зрѣлую пору его дѣятельности и положила предѣлъ всѣмъ его планамъ и предпріятіямъ на 38-мъ году жизни.

Біографія и списокъ трудовъ А. В. Елисѣева, по 1888 г. включительно, были напечатаны въ изданныхъ И. Общ. Люб. Естествозн., Антроп. и Этнографіи «Матеріалахъ для исторіи научной и прикладной дѣятельности въ Россіи по зоологіи и соприкасающимся съ нею отраслямъ знанія», собр. Анат. Богдановымъ (т. II. Москва, 1889, листъ 19, съ портретомъ на табл. XIX). Дополненія съ болѣе точнымъ перечнемъ трудовъ покойнаго см. тамъ-же, на послѣднемъ листѣ. Не перечисляя здѣсь указанныхъ тамъ статей по медицинѣ, географіи и по нѣкоторымъ спеціальнымъ вопросамъ, мы укажемъ только тѣ труды Елисѣева, которые ближе насъ интересуютъ, пополнивъ списокъ ихъ новѣйшими трудами и изданіями: 1) Къ археологіи и антропологіи Ильменскаго бассейна («Журн. Мин. Нар. Пр». 1881, ч. CCXIV), 2) Славянская колонизація въ бассейнѣ Ильменскомъ («Древняя и Нов. Россія». 1881 г., мартъ), 3) Борьба Вел. Новгорода со шведами и финнами по народнымъ сказаніямъ (тамъ-же, 1880 г., окт.), 4) Народныя преданія о Суворовѣ (тамъ-же 1879 г., № 8), 5) Путешествіе въ Скандинавію и Лапландію («Моск. Вѣдом.» 1886 г. за февр., и отдѣльно), 6) Вавилоны Сѣвера («Извѣстія И. Р. Геогр. Общ». за 1882 г), 7) Антропологическія замѣтки о финнахъ («Труды Антропол. Отдѣла И. Общ. Люб. Ест., Антр. и Эгн.», т. IX, в. 4, 1887 г.), 8) Нѣсколько вопросовъ русской этнологіи («Нов. Вр.», №№ 4013—4018), 9) Русская колонизація и казацкая вольница («Эконом. Журн.», 1887 г.), 10) О поморскомъ вопросѣ (тамъ-же, 1887 г.), 11) Русскій офеня, Русская монета, Русскіе товары (3 статьи тамъ-же, 1886 г.), 11) Картины изъ доисторической жизни человѣка («Дѣло», 1888 г., кн. 1), 13) Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація («Русск. Вѣстн.», 1891—92 гг.), 14) Въ тайгѣ, изъ воспомин. о далекомъ Востокѣ (СПБ., 1891), 15) Отчетъ о поѣздкѣ на дальній Востокъ («Извѣстія И. Р. Геогр. Общ.», т. XXVI), 16) Обитатели Каменистой Аравіи, антроп. очеркъ («Ж. Мин. Нар. Пр». 1882, ч. CCXXI, и отдѣльно), 17) Поѣздка въ Египетъ, Каменистую Аравію и Палестину («Изв. И. Р. Г. О., т. XVIII), 18) Антро-

Digitized by Google

пологич. экскурсія въ Сахару черезъ Триполи, Тунисъ и Алжиръ (тамъ-же, т. XXI, 1885), 19) Антроп. поѣздка поперекъ Мал. Азіи и сухопутная дорога въ Святую землю (тамъ-же, т. XXIII, и отдѣльно, СПБ., 1887), 20) Путь къ Синаю («Палестинскій Сборн.», вып. IV), 21) Съ русскими паломниками на Святой Землѣ весною 1884 г. (книга въ 365 стр., съ научными антроп.-этногр. и медиц. свѣдѣніями о Сахарѣ, туарегахъ и пр. СПБ., 1885), 22) Значеніе Мал. Азіи для Россіи («Истор. Вѣстн.», 1888 г.), 23) Среди поклонниковъ дьявола—іезидовъ («Сѣв. Вѣстн.» 1888 г., кн. 1—2), 24) Положеніе женщины на Востокѣ (тамъ-же, кн. 4—10 и 12), 25) Религіозный союзъ мусульманъ Сиди-ес-Сенуси («Нов. Вр». 1887, сент.), 26) Матеріалы для изученія цыганъ (Изв. И. Р. Г. О.», т. XVII), 27) Махдизмъ и современное положеніе дѣлъ въ Суданѣ (тамъ-же, т. XXX, 1894 г., и отдѣльно), 28) Антропологическія замѣтки объ обитателяхъ Мал. Азіи («Дневн. Антроп. Отдѣла И. О. Л. Е., А. и Эти.» 1890 г., вып. 6, 7, 9 и 10=Труды Антр. Отд., т. XII), 29) Турки-османы (тамъ-же, 1891 г., вып. 2, 5—8=Труды Антр. Отд., т. XIII), и др.

Съ конца прошлаго года начало выходить описаніе путешествій Елисѣева въ нѣсколькихъ томахъ, въ прекрасномъ изданіи съ иллюстраціями, подъ заглавіемъ: «По бѣлу свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта». Къ сожалѣнію, самъ авторъ успѣлъ издать только первые два тома; дальнѣйшее осталось частью приготовленнымъ къ печати, и, вѣроятно, найдется возможность продолжить изданіе хотя-бы при участіи какого-нибудь изъ ученыхъ обществъ, для которыхъ покойный немало поработалъ. Намъ остается упомянуть, что довольно полный некрологъ А. В. Елисѣева, составленный Д. Н. Анучинымъ, помѣщенъ въ «Русск. Вѣд. № 142, съ указаніемъ важнѣйшихъ трудовъ и краткой оцѣнкой дѣятельности покойнаго (добавленіе его-же см. тамъ-же, №. 145, и № 144—изъ «Нов. Вр.»). Кромѣ того, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ появились некрологи Елисѣева и отзывы о его научныхъ трудахъ, путешествіяхъ и популярно-публицистической дѣятельности съ выраженіемъ самаго искренняго сожалѣнія о преждевременной кончинѣ этого энергичнаго и неутомимаго дѣятеля на пользу русской науки.

Н. Я.

Digitized by Google

# Критика и библіографія.

## 1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

**Д. Н. Анучинъ: Амулетъ изъ кости человѣческаго черепа и трепанація череповъ въ древнія времена въ Россіи** (изъ І-го тома «Трудовъ Виленскаго Археолог. Съѣзда». 4°. стр. 17, съ 3-мя табл. и 13 рис. въ текстѣ. М. 1895).—Работа Д. Н. Анучина, представляя интересный и важный вкладъ въ археологію, является не менѣе интересной и для сравнительной этнографіи. Разбирая и освѣщая со свойственной автору эрудиціей находку, привѣски изъ черепной кости, сдѣланную Ф. Д. Нефедовымъ при раскопкѣ городища около с. Николо-Одоевскаго и дер. Мундура, на р. Ветлугѣ (Костромск. г., Ветлужск. у.) въ столикѣ конца неолитическаго періода, проф. Анучинъ привлекаетъ къ сравненію накопившійся по этому вопросу матеріалъ въ зап. Европѣ. Дѣло въ томъ, что обычай трепанаціи череповъ, равно какъ и употребленіе привѣсокъ, сдѣланныхъ изъ черепныхъ костей человѣка, былъ констатированъ на западѣ еще въ 70-хъ годахъ, когда при раскопкахъ дольменовъ (во Франціи, въ деп. Лозеры) д-ромъ Прюньеромъ были найдены круглыя пластинки изъ кости человѣческаго черепа и одновременно съ этимъ и черепа, представляющіе слѣды искусственной трепанаціи, т.-е. продѣлыванья въ нихъ искусственнаго отверстія. Дальнѣйшія находки подтвердили существованіе этого обычая во Франціи въ неолитическій и галльскій періоды. Аналогичныя находки были сдѣланы и въ древнихъ могилахъ въ Тюрингенѣ и въ Соединенныхъ Штатахъ; трепанированные черепа были найдены и среди перуанскихъ могилъ. Брока́, поставившій вопросъ о трепанаціи череповъ въ доисторическую эпоху на научную почву, уяснилъ этотъ распространенный у древнихъ обитателей Европы обычай путемъ аналогіи съ подобными же обычаями современныхъ дикарей. Въ Россіи находокъ, подобныхъ вышеописаннымъ, не было сдѣлано до 1883 г., когда Ф. Д. Нефедовымъ было раскопано названное городище. Сравнивая черепную привѣску изъ Костромской губ. съ подобными же извѣстными на западѣ и въ Америкѣ, проф. Анучинъ отводитъ ей мѣсто среди другихъ аналогичныхъ находокъ и, поскольку вопросъ идетъ о назначеніи найденной привѣски, онъ высказываетъ мнѣніе, что она «не служила только украшеніемъ, но составляла нѣчто большее, и была, по всей вѣроятности,

Digitized by Google

религіознымъ талисманомъ, *черепнымъ амулетомъ*». Со времени, когда проф. Анучинъ обратилъ впервые вниманіе на черепной амулетъ изъ Одоевскаго городища и посвятилъ ему особое сообщеніе въ И. Моск. Арх. Обществѣ (26 января 1893 г.), прошло два съ небольшимъ года; но вслѣдствіе интереса, возбужденнаго Д. Н. Анучинымъ къ подобнымъ находкамъ, изслѣдователи старательно отмѣчали ихъ, слѣдствіемъ чего было увеличеніе числа извѣстныхъ находокъ этого рода, отмѣченныхъ въ трудѣ проф. Анучина: черепная привѣска была найдена среди вещей изъ могильника «Шишка», близъ с. Козловки (Вятск. губ., Елабужск. у.), раскопаннаго Ф. Д. Нефедовымъ; далѣе, въ городищѣ на Княжей горѣ (Каневскаго у. Кіевской г.) Н. Ф. Бѣляшевскимъ былъ найденъ черепъ со слѣдами трепанаціи, при чемъ черепъ, повидимому, относится къ XII—XIII вв. и, наконецъ, самъ проф. Анучинъ нашелъ среди череповъ, хранящихся въ Московск. Антропологическомъ Музеѣ, черепъ со слѣдами трепанаціи, доставленный проф. В. Ѳ. Миллеромъ изъ древняго могильника на Кавказѣ, въ Хуламѣ (Терской обл., верховья Черека)—мѣстности, прежде населенной осетинами. Обычай употребленія привѣсокъ изъ частей человѣческаго тѣла (волосъ, зубовъ, нижней челюсти, черепа и т. д.) извѣстенъ среди некультурныхъ народностей Австраліи, Америки и Полинезіи; извѣстна и трепанація череповъ, употребляемая въ качествѣ лѣченія отъ разныхъ болѣзней. Фактъ, доказываемый археологическими изслѣдованіями, что этотъ обычай практиковался среди до-историческихъ обитателей зап. Европы, является чрезвычайно интереснымъ для сравнительной этнографіи; аналогичныя находки въ Россіи, собранныя и научно освѣщенныя Д. Н. Анучинымъ, служатъ доказательствомъ существованія этого же обычая и въ восточной части европейскаго материка, при чемъ районъ, охватываемый этими находками, чрезвычайно обширенъ. Выразимъ надежду, что послѣ выхода въ свѣтъ труда Д. Н. Анучина русскіе археологи будутъ внимательно отмѣчать находки черепныхъ привѣсокъ и слѣды трепанаціи череповъ и, такимъ образомъ, обогатятъ матеріалъ по этому одинаково интересному какъ для археологіи, такъ и для этнографіи вопросу.

**Н. Х.**

**I. Matiegka.** Lidožroutství v předhistoické osadě u Knovíze a v předhistorické době vůbec. (Людоѣдство въ доисторическомъ поселеніи у Кновизы и въ доисторическую эпоху вообще)—въ «Památkách archeologických a místopisných» (изданіе Археолог. отдѣл. Музея Корол. Чешск. въ Прагѣ), 1893 г. вып. IV—VI (стр. 285 и сл., стр. 385 и сл.) тома XVI-го.

Статья I. Матейки вызвана раскопками произведенными Вяч. Шмидтомъ въ долинѣ Свято-Юрьевской (v Udolí Svatojiřském), гдѣ г. Шмидтъ въ отбросахъ доисторическаго поселенія нашелъ, вмѣстѣ съ костями животныхъ и черепками посуды, размозженныя, разбитыя человѣческія кости [1]).

[1]) Къ статьѣ Матейки приложены (табл. XV) рисунки этихъ костей. Изъ 52 ямъ въ 12 оказались эти человѣчьи кости; это исключаетъ всякое предположеніе о *случайности* присутствія человѣческихъ костей въ этомъ поселеніи.


Digitized by Google

По поводу этой находки I. Матейка, предполагая, что найденныя кости принадлежали *съѣденнымъ* людямъ, излагаетъ исторію людоѣдства и человѣческихъ жертвоприношеній у древнихъ народовъ вообще и въ Чехіи въ частности [1]). Кости и найденные черепа показываютъ, что съѣденные люди принадлежали къ одной расѣ съ жившими здѣсь людьми (т. н. германскаго типа), а также то, что при употребленіи въ пищу употребленъ былъ огонь. Самымъ рѣшительнымъ доказательствомъ, что люди, кости которыхъ были найдены Шмидтомъ, были *съѣдены*, служитъ то, что нашли ихъ въ пеплѣ и съ другими остатками пищи; изломы костей носятъ характеръ искусственный, напр. черепъ, ясно, былъ проломанъ для добыванія изъ него мозга; на другихъ костяхъ видны слѣды орудій, которыми ихъ разбивали [2]). Другія подробности находки приводятъ автора къ выводу, что людоѣдство въ описываемой мѣстности не было дѣломъ случая (напр. голода, во время осады), не было также только обрядовымъ (при жертвоприношеніяхъ съѣдались только опредѣленныя части тѣла), не было также результатомъ войны (когда съѣдали тѣла убитыхъ), но дѣломъ обычнымъ.

Людоѣдство въ извѣстную эпоху было распространено не только въ Чехіи, какъ показываетъ находка, но и по всей Европѣ. Доказательствомъ этого автору служатъ; во 1-хъ, свидѣтельства писателей древнихъ, во вторыхъ, сказки и повѣрія, до сихъ поръ сохраняющія память о людоѣдствѣ, въ третьихъ, многочисленныя археологическія находки этого рода. Наконецъ, въ пользу того же предположенія говоритъ и то общее положеніе, что *всѣ* народы міра проходили эту ступень культуры (напр., у австралійскихъ дикарей европейцы еще застали людоѣдство): неужели *одни* европейцы составляютъ исключеніе?

Изъ старыхъ писателей, у которыхъ есть указанія на счетъ людоѣдства, приведены авторомъ: *Геродотъ*, свидѣтельствующій о людоѣдствѣ въ Индіи у Массагетовъ, *Страбонъ*, сообщающій, что на Кавказѣ убивали и съѣдали стариковъ 70 лѣтъ (IV, 5, 4), что тоже дѣлали при необходимости Скиѳы, Иберы, Галлы (тоже у бл. Іеронима), а Иры были настоящими людоѣдами. *Діодоръ Сицилійскій*, *Эратосѳенъ* подтверждаютъ это. Плиній говоритъ о людоѣдахъ, жившихъ по Днѣпру, *Плутархъ*—о Согдіанскихъ людоѣдахъ, наконецъ—*Ливій*—о запрещеніи людоѣдства въ арміи Ганнибаломъ. Сюда присоединяются многочисленныя свидѣтельства о человѣческихъ жертвахъ, тѣсно связанныхъ съ людоѣдствомъ, у всѣхъ народовъ древняго міра, а также у народовъ средней и восточной Европы [3]), ставшихъ позднѣе только культурными. Что касается преданій, сказокъ и повѣрій, гдѣ указывается на людоѣдство, то они сохраняются до сихъ поръ у многихъ народовъ, даже стоящихъ на высокой степени культуры, особенно въ Европѣ: таковы сказанія объ Атреѣ,

---

[1]) Статья въ 1893 г. еще не кончена; журналъ же за 1894 годъ до сихъ поръ не полученъ.

[2]) На нѣкоторыхъ костяхъ авторъ склоненъ видѣть даже слѣды зубовъ.

[3]) Литература указана авторомъ въ примѣчаніяхъ (столб. 289).


Digitized by Google

Танталѣ, Полифемѣ, Кроносѣ — у Грековъ и Римлянъ; тоже видимъ у Евреевъ (жертвоприношеніе Исаака), Германцевъ (въ Нибелунгахъ), Славянъ (особенно у Сербовъ и Русскихъ), у инородцевъ (у Вотяковъ). Повѣрій о людоѣдствѣ сохранилось также масса и у древнихъ писателей (Пливій, Цельсъ, Тертулліанъ и др.), каковы, напр., сказанія о цѣлебной силѣ человѣческой крови и мяса. Въ народныхъ лѣчебникахъ до сихъ поръ фигурируетъ человѣчье сердце, человѣчье сало.

Цѣлый рядъ археологическихъ находокъ въ Бельгіи, Франціи, Италіи, Даніи, Германіи указываютъ на эпоху каннибализма въ бронзовую эпоху. То же находимъ на Моравѣ и въ Чехіи. Здѣсь людоѣдство несомнѣнно существовало въ эпоху неолитическую и бронзовую. Объясненіе этому явленію, его характеристику должна дать этнографія. Исторію людоѣдства авторъ представляетъ себѣ такъ. Повидимому, *причиной появленія* людоѣдства было: 1) необходимость, недостатокъ въ пищѣ (напр., на островахъ, жители которыхъ иногда надолго отрѣзываются моремъ отъ остального міра); 2) начавъ по необходимости ѣсть человѣческое мясо, человѣкъ нашелъ эту пищу довольно вкусной, и людоѣдство становится обычаемъ; 3—4) употребленіе мяса поддерживалось употребленіемъ въ пищу покойниковъ и враговъ, павшихъ въ битвахъ, о чемъ у насъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ старыхъ и позднихъ (у дикарей); 5) понятіе о мести: величайшая месть—съѣсть своего противника—поддерживала людоѣдство, что наблюдается до сихъ поръ у дикарей на Суматрѣ; по Марку Поло, было и у татаръ; 6) наконецъ, много способствовали сохраненію людоѣдства —религіозныя вѣрованія и суевѣрія, напр., идея о передачѣ способностей одного человѣка другому через съѣданіе той или другой части тѣла (напр., сердца—для храбрости, глаза — для зрѣнія), чѣмъ объясняются легенды о воспитаніи на человѣческомъ мясѣ выдающихся героевъ, князей, владыкъ у азіатскихъ народовъ.

Замѣчательно, что старый, будто забытый обычай, нѣтъ-нѣтъ да и давалъ знать о себѣ въ эпохи уже къ намъ близкія, даже и въ наше время: напр., въ 1617 г. трупъ маршала d'Ancre былъ разсѣченъ на части и съѣдены его части, а въ 1672 г. было съѣдено сердце Wit'a. Это воспоминанія о кровавой, жестокой мести врагу. Наконецъ, при послѣдней осадѣ Мессины появилось людоѣдство: мясо Швейцарцевъ продавалось на рынкѣ дороже мяса Итальянцевъ!

**М. Сперанскій.**

**O bohatýrském epose Slovanském.** Pojednava Dr. **J. Máchal.** Čásť první: přehled látek v bohatýrském epose Slovanském. V Praze, 1894. Nákladem spisovatelovým. Cena 2 zl. 25 kr.

Едва была раскрыта богатая сокровищница славянской народной поэзіи, едва поэтическія преданія и пѣсни славянъ сдѣлались предметомъ науки, какъ зародилось и стремленіе къ взаимному сличенію того, что въ области народнаго творчества имѣетъ каждое славянское племя,—и къ сопоставленію этого достоянія славянъ съ литературою Запада. Такимъ характе-

Digitized by Google

ромъ отличались работы: Бодянскаго „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“ М. 1873 г. и Л. Штура „O narodních písních a pověstech Slovanskych“. V. Praze, 1853 г.

Бодянскій и Штуръ, отмѣчая отличительныя черты народной поэзіи каждаго отдѣльнаго славянскаго племени, давали и общую характеристику всей вообще славянской народной поэзіи, разсматривая ее, какъ простое и ясное отраженіе народнаго духа. Но, съ одной стороны, собираніе памятниковъ народнаго творчества славянъ въ то время не только не было закончено, но, можно сказать, только начиналось; а затѣмъ самые пріемы изслѣдователей страдали апріорностью, недостаткомъ глубокаго сравнительно-критическаго анализа изслѣдуемаго матеріала и присутствіемъ извѣстной предвзятой идеи въ воззрѣніяхъ на славянство.

Иныя начала стали господствовать въ наукѣ со второй половины нашего столѣтія, и присутствіе этихъ началъ уже ясно отражается въ такихъ трудахъ, какъ Крека «Einleitung in die Slavische Literaturgeschichte» 1-е изд. 1874 г., 2-е 1887, и Ягича «Gradja za slovinsku narodnu poeziju»—Rad Jugoslav. Ak. Zn. i Um. XXXVII, 1876 г.

Книга Крека, выражаясь словами г. Пыпина, представляетъ «чрезвычайно внимательно составленный и снабженный богатыми библіографическими данными обзоръ, во-первыхъ, свѣдѣній о древнѣйшей судьбѣ славянскихъ племенъ, ихъ языкѣ, о культурномъ состояніи и, во-вторыхъ, обзоръ народной поэзіи, преданій и миѳологіи»... («Исторія р. этногр.», т. II, стр. 296). Достаточно извѣстный трудъ Ягича въ своемъ настоящемъ видѣ представляетъ лишь введеніе, но введеніе капитальное, въ исторію славянскаго народнаго эпоса; и можно только пожалѣть, что маститый ученый не далъ полнаго обзора этого эпоса. Послѣднюю задачу взялъ на себя г. Махаль.

Г. Махаль еще до настоящаго своего труда заявилъ себя соч. «Nákres Slovanského bajeslovį», Praha, 1891 г., представляющимъ общій сводъ миѳическихъ воззрѣній славянъ, насколько о нихъ свидѣтельствуетъ исторія и передаетъ въ своемъ преданіи славянскій народъ. Отдѣльныя народныя представленія, какъ заявляетъ въ предисловіи авторъ, онъ старается излагать, руководясь, главнымъ образомъ, сравнительнымъ методомъ, «который одинъ приводитъ къ положительнымъ выводамъ» (Predmluva, стр. 1—2).

Судя по заглавію, разсматриваемая книга г. Махаля о славянскомъ богатырскомъ эпосѣ представляетъ только первую часть обширнаго изслѣдованія, объ общемъ планѣ котораго, къ сожалѣнію, ничего опредѣленнаго неизвѣстно; впрочемъ, мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что по своимъ задачамъ и пріемамъ изложенія оно близко къ «Nákres'у». Во всякомъ случаѣ, вышедшая пока 1-я часть является настолько цѣльною и самостоятельною, что можетъ уже служить предметомъ особаго разсмотрѣнія, независимо отъ мѣста ея въ цѣломъ сочиненіи: въ ней авторъ даетъ намъ общій обзоръ содержанія славянскаго богатырскаго эпоса или, вѣрнѣе, эпосовъ южнославянскаго и русскаго, такъ какъ только въ приложеніи 4 страницы посвящены пѣснямъ польскимъ, лужицкимъ,

Digitized by Google

чешскимъ, словенскимъ и словинскимъ. Это послѣднее обстоятельство объясняется, конечно, тѣмъ, что народный эпосъ развился преимущественно у южныхъ и восточныхъ славянъ, насколько объ этомъ можно теперь судить.

Коснувшись въ краткомъ историко-литературномъ введеніи вопроса о названіи героическихъ пѣсенъ у южныхъ славянъ и у русскихъ, отмѣтивъ первыя историческія свидѣтельства объ этихъ пѣсняхъ, обрисовавши, наконецъ, самое собираніе и изученіе народной эпической поэзіи славянской, при чемъ не оставлена безъ вниманія и чисто этнографическая сторона вопроса, г. Махаль въ первой главѣ обращается къ пѣснямъ сербохорватскимъ и болгарскимъ. Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній о т.-н. бугарщицахъ и о принятомъ имъ дѣленіи пѣсенъ, изслѣдователь излагаетъ южнославянскій эпосъ въ такомъ порядкѣ: I. Пѣсни содержанія миеическаго, сказочнаго и легендарнаго. II. Пѣсни о событіяхъ до Косова. III. Пѣсни о боѣ на Косовѣ. IV. Пѣсни о Кралевичѣ Маркѣ. V. Пѣсни о Бранковичахъ и ихъ современникахъ. VI. Пѣсни гайдуцкія и позднѣйшія. Вторая глава посвящена русскимъ былинамъ, которыя расположены такъ: I. Богатыри Владимирова цикла: А. богатыри мѣстные и Б. богатыри заѣзжіе. II. Богатыри внѣ цикла Владимирова: А. т. н. старшіе, Б. новгородскіе. III. Пѣсни Московской эпохи и позднѣе. Говоря предварительно о мѣстѣ происхожденія былинъ, г. Махаль склоняется къ гипотезѣ о южномъ происхожденіи ихъ, какъ она выражена въ «Экскурсахъ» Вс. Миллера, который, замѣтимъ къ слову, если и не первый обратилъ вниманіе на «степной» характеръ нашихъ богатырей и южную родину ихъ, то за то первый наиболѣе отчетливо и полно формулировалъ и разсмотрѣлъ эти вопросы.

Наконецъ, въ третью главу вошли малорусскія «козацкія думы», обзору содержанія которыхъ также предшествуютъ общія замѣчанія о характерѣ этого рода произведеній, творцахъ и пѣвцахъ ихъ.

Изложеніе содержанія пѣсенъ ведется Махалемъ весьма умѣло, хотя и нѣсколько сжато, такъ что отдѣльные варіанты и болѣе мелкія подробности не могли быть отмѣчены, но за то авторъ даетъ намъ сравнительно-критическій анализъ излагаемыхъ пѣсенъ, выдѣляетъ и разбираетъ основные мотивы ихъ, указываетъ параллели въ народной поэзіи другихъ какъ славянскихъ, такъ и неславянскихъ племенъ; гдѣ возможно, дѣлаетъ соотвѣтствующія историческія указанія. Вообще, помимо простого изложенія содержанія пѣсенъ, здѣсь мы находимъ интересный и заслуживающій полнаго вниманія и дальнѣйшаго развитія сводъ взглядовъ на генезисъ, составъ и значеніе различныхъ пѣсенныхъ мотивовъ. Правда, сводъ этотъ не полонъ и не достаточно критически освѣщенъ, но, быть можетъ, это будетъ возмѣщено въ дальнѣйшемъ продолженіи труда г. Махаля, а сверхъ того мы, должны принять во вниманіе и тѣ условія, среди которыхъ пришлось работать изслѣдователю. Достаточно сказать, что г. Махаль предпринялъ свой общій обзоръ въ то время, когда далеко еще не закончена разработка эпосовъ каждаго отдѣльнаго славянскаго племени, а то, что уже сдѣлано, такъ разбросано и подчасъ даже такъ противорѣчитъ одно

Digitized by Google

другому, что по-истинѣ является своего рода rudis indigestaque moles. Поэтому мы съ полнымъ сочувствіемъ привѣтствуемъ работу г. Махаля, какъ глубоко-симпатичный почннъ—собрать во-едино обширный матеріалъ по славянскому фольклору, привести его въ опредѣленный порядокъ, взаимную связь и, насколько возможно, освѣтить его съ точки зрѣнія прошлыхъ и современныхъ направленій, чтобъ дать, такимъ образомъ, путеводную нить послѣдующимъ изслѣдователямъ. И если мы теперь позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, то вовсе не съ цѣлью умалить общее значеніе труда г. Махаля, а именно въ виду того интереса, который былъ имъ возбужденъ.

Въ области южнославянской народной поэзіи г. Махаль не считаетъ нужнымъ разсматривать отдѣльно эпосы болгарскій и сербохерватскій—на томъ основаніи, что оба они, за малыми исключеніями, воспѣваютъ одно и те же (стр. 1). Если даже это вполнѣ справедливо по отношенію къ настоящему времени, то всеже на очереди останется вопросъ о прошломъ взаимоотношеніи эпоса болгаръ и сербовъ, о генезисѣ и первоначальномъ ядрѣ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Намъ не думается, чтобы г. Махаль свое замѣчаніе о близости болгарскаго и сербскаго эпосовъ рѣшился распространить и на прошлые вѣка. Затронутый вопросъ любопытенъ, хотя бы въ виду подобныхъ словъ пѣсенъ:

Свака земльа хвали господара:
Сень бијели—Сеньанина Ива,
*Бугарија*—Кральевича Марка,
Унгарија—Сибиньанин Іанка,
*Србијанци*—Милош Обилича («Южнославянскія сказанія о Кралевичѣ Маркѣ» М. Халанскаго, II, стр. 432).

Интересно бы выяснить, сколько истины въ такого рода упоминаніяхъ, и вообще дать сравнительную характеристику эпоса болгаръ и сербохорватовъ.

Дѣленіе южнославянскихъ пѣсенъ, на нашъ взглядъ, у г. Махаля не совсѣмъ выдержано, да и не особенно удобно. Напримѣръ, пѣсни о Момчилѣ попали въ отдѣлъ пѣсенъ сказочнаго содержанія (стр. 70), очевидно, на томъ основаніи, что въ нихъ отразился сказочный мотивъ о невѣрной женѣ; но вѣдь этимъ значеніе и содержаніе пѣсенъ о Момчилѣ не исчерпывается: Момчилъ—личность историческая, и пѣсни о немъ имѣютъ также историческую основу, которая даетъ право относить ихъ и къ слѣдующему отдѣлу (ср. «Болгарскія пѣсни о Дойчинѣ и Момчилѣ» В. Джуринскаго). Кстати замѣтимъ, что и пѣсни о Дойчинѣ, которыя представляютъ особую оригинальную группу и тоже, быть можетъ, не лишены историческаго элемента (см. цит. соч., стр. 28—29), у г. Махаля нашли мѣсто лишь въ незначительномъ примѣчаніи къ стр. 118. Затѣмъ, въ тотъ же отдѣлъ пѣсенъ сказочнаго содержанія вошла часть пѣсенъ изъ цикла Марка Кралевича, именно, пѣсни о Маркѣ и невѣрной женѣ его (стр. 73); но разъ циклъ Марка Кралевича выдѣленъ въ особую группу, то лучше бы не нарушать единства этой послѣдней, тѣмъ болѣе, что пѣсни о Маркѣ типа, отмѣченнаго г. Махалемъ на стр. 73, тѣсно свя-



Digitized by Google

заны съ такими, какъ «Марко и Мина изъ Костура» и др. под. (Ср. нашу ст. «Бановичъ Страхиня», Кіевск. Универс. Извѣстія 1894 г., I).

Какъ бы ни казались на первый взглядъ цѣльны и просты южнославянскія пѣсни («O boh. epose», стр. 144), все же ихъ трудно подогнать подъ опредѣленныя рубрики мотивовъ миѳическаго, сказочнаго, легендарнаго или историческаго характера. Независимо отъ того, что придется дробить отдѣльные циклы, какъ это г. Махаль и сдѣлалъ, напр., съ цикломъ Kралевича Марка, главное неудобство скажется при выдѣленіи *основного* мотива пѣсни, уловить который нерѣдко весьма затруднительно, если не прямо невозможно.

Точно такъ-же можно кое-что сказать и противъ дѣленія русскихъ былинъ. Оставимъ циклъ Владимира, хотя въ послѣднее время объемъ и значеніе этого цикла сильно колеблются, но богатыри «старшіе», даже если они сопровождаются оговоркою «такъ называемые», являются уже полнѣйшимъ анахронизмомъ, а богатыри «мѣстные» и «заѣзжіе»—слишкомъ спорны и неопредѣленны, чтобы по нимъ можно было классифицировать былины.

Что касается собственно литературы по русскому богатырскому эпосу, то здѣсь знакомство г. Махаля ограничивается трудами преимущественно болѣе новыми. Чаще всего авторъ цитуетъ А. Н. Веселовскаго, Вс. Миллера, М. Халанскаго, О. Миллера; другіе же упоминаются лишь вскользь. А между тѣмъ, наши старые изслѣдователи, кромѣ несомнѣннаго, конечно, историческаго значенія, не мало представляютъ и современнаго значенія. Ср., напримѣръ, оцѣнку трудовъ г. Буслаева у А. Кирпичникова (Ж. М. Н. Пр., 1887 г., іюль, стр. 401—407). Надлежащее привлеченіе замѣчаній Ѳ. Буслаева, Котляревскаго, Квашнина-Самарина, Л. Майкова («О былинахъ Владиміровa цикла»), К. Аксакова и др., наконецъ, той полемики, которая возгорѣлась по поводу выводовъ В. Стасова, не только содѣйствовало бы полнотѣ книги г. Махаля, но и вело бы къ лучшему оттѣненію и уясненію новѣйшихъ взглядовъ. Даже въ трудахъ менѣе крупныхъ г. Махаль могъ бы почерпнуть кое-что; такъ, напримѣръ, по поводу нѣкотораго сопоставленія Ильи Муромца съ сказочнымъ героемъ Иванушкой-дурачкомъ, намѣчаемаго г. Махалемъ (стр. 158), можно припомнить давнишній опытъ сближенія героевъ нашихъ былинъ и сказокъ (Шеппингъ, «Русская народность въ ея повѣрьяхъ, обрядахъ и сказкахъ», т. I, М. 1862 г.). Сопоставленіе именъ Сухмана и рѣки Сухоны (ср. стр. 181) было сдѣлано еще Н. Петровымъ (Труды Кіевской Дух. Академіи 1874 г., ноябрь, стр. 346). Нечего и говорить о такихъ крупныхъ изслѣдователяхъ, какъ хотя бы Ѳ. Буслаевъ, который въ своихъ многочисленныхъ работахъ затронулъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ и любопытныхъ вопросовъ. И если многія изъ его миѳологическихъ разысканій уже отжили свое время, то нельзя того же сказать объ его стремленіи «прикрѣпить русскій эпосъ къ родной старинѣ и къ его родной землѣ». Какъ на одинъ изъ наиболѣе удачныхъ его опытовъ подобнаго прикрѣпленія, укажемъ на разборъ былины объ Ильѣ и Соловьѣ-разбойникѣ («Народная поэзія», стр. 273—279).

Digitized by Google

Впрочемъ, непосредственнаго знакомства со всею литературой по русскому былевому эпосу нельзя и требовать отъ г. Махаля, такъ какъ такое знакомство представляетъ массу затрудненій даже для русскаго изслѣдователя. Свой пробѣлъ г. Махаль по необходимости долженъ былъ восполнять изъ вторыхъ рукъ, но такимъ путемъ можно было почерпнуть либо черезчуръ ужъ общія свѣдѣнія, либо слишкомъ отрывочныя, да и то не всегда полныя.

Нѣсколько странно, что г. Махаль не остановился надъ вопросомъ о *богатырѣ*. Если онъ не оставилъ безъ вниманія названія эпическихъ пѣсенъ славянъ, то тѣмъ болѣе долженъ былъ коснуться прозванія героевъ ихъ—и еще такого, какъ *богатырь*, надъ которымъ останавливалось столько изслѣдователей и которое самъ г. Махаль счелъ возможнымъ помѣстить даже въ заглавіи своего труда—въ значеніи слишкомъ широкомъ и... нѣсколько не подходящемъ. Именно не подходящемъ, разъ за богатырствомъ признавать тотъ «степной» характеръ, который по «Экскурсамъ» Вс. Миллера былъ извѣстенъ г. Махалю и, повидимому (стр. 144), раздѣляется имъ, какъ равно и нами. При подобномъ взглядѣ на богатырство, едва-ли возможно назвать *богатырскимъ* весь эпосъ славянъ. По крайней мѣрѣ, въ русской литературѣ не принято давать это названіе не только малорусскимъ думамъ, но и т. н. историческимъ пѣснямъ. Да и въ собственно былевомъ эпосѣ русскомъ уже различаютъ былины *богатырскія* и простыя фабулы. (Ср. «Наблюденія надъ географическимъ распространеніемъ былинъ» Вс. Миллера, 1894 г., стр. 68—69).

Говоря о словѣ «былина» и указывая на извѣстныя мѣста въ «Словѣ о полку Игоревѣ» и «Задонщинѣ», г. Махаль цитуетъ Эрбена «Dvě spěvů staroruských. V Praze, 1870 г.» Было бы гораздо удобнѣе воспользоваться въ данномъ случаѣ однимъ изъ болѣе новыхъ трудовъ, напр., г. Барсова, гдѣ г. Махаль, кстати, нашелъ бы какъ объясненіе даннаго слова, такъ и указаніе на то, что народъ свой эпосъ въ настоящее время называетъ не «былинами», а «старинами»; такимъ образомъ, «былина», какъ извѣстный терминъ,—происхожденія не народнаго, а литературнаго («Слово о полку Игоревѣ» III, стр. 62—64).

Русскія историческія пѣсни, а также южнославянскія гайдуцкія, разсмотрѣны слишкомъ кратко. Однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ и художественныхъ пѣсенъ, именно: пѣсни о Щелканѣ, татарскомъ полонѣ и под. не указаны вовсе. Отдѣльнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ и такія былины, какъ о Даниле Игнатьевичѣ съ сыномъ, Ермакѣ (ср. А. Н. Веселовскаго: «Южно-русскія былины», гл. I).

Обращаясь къ третьей главѣ, мы прежде всего должны замѣтить, что г. Махаль совершенно обошелъ вопросъ объ отношеніи малорусской эпики къ нашему былевому эпосу. Между тѣмъ, вопросъ этотъ заслуживаетъ вниманія—особенно въ виду того, что онъ, какъ извѣстно, былъ затронутъ уже давно, на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ возбудилъ оживленныя пренія; и если не рѣшить его окончательно, то хоть изложить судьбу его sine ira et studio—далеко не лишнее.

Затѣмъ, г. Махаль сдѣлалъ крупное упущеніе, ограничившись лишь



Digitized by Google

«наивысшимъ проявленіемъ малорусской эпики»—малорусскими думами. Главными пособіями при разсмотрѣніи ихъ г. Махалю служили «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ» П. Житецкаго и извѣстный сборникъ гг. Антоновича и Драгоманова; самое дѣленіе думъ произведено по тѣмъ рубрикамъ, которыя намѣчены у гг. Антоновича и Драгоманова: думы о бояхъ съ татарами и турками, о бояхъ съ поляками при Хмельницкомъ, думы періода козачества, думы семейныя (ср. Ант. и Др., I, стр. IX). Но, оставивъ въ сторонѣ все, что не носитъ опредѣленной формы думъ, г. Махаль не исчерпалъ всего содержанія «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», не говоря уже о другихъ сборникахъ, и о богатомъ, разнообразномъ малорусскомъ «героическомъ» эпосѣ далъ далеко не полное представленіе. Малорусскія думы, представляющія, по выраженію г. Житецкаго («Мысли», стр. 2), «особенныя формы поэтическаго творчества, народныя по міровоззрѣнію и языку, и въ то же время книжныя по особенному складу мысли и способамъ ея развитія и выраженія», не могутъ быть совершенно обособляемы отъ пѣсенъ какъ по своему происхожденію (ср. «Мысли», стр. 128—129), такъ и по дальнѣйшей судьбѣ, приводившей ихъ къ разложенію и обратному переходу въ форму простой пѣсни (ср. «Мысли», стр. 173—176). Если бы г. Махаль коснулся вообще пѣсенъ эпическаго содержанія, какъ онъ это дѣлалъ въ 1 и 2 гл., то и поэтическая исторія Украйны вышла бы гораздо полнѣе и рельефнѣе. А то, читая о бояхъ съ татарами и турками, мы ничего не находимъ о такомъ популярномъ героѣ, какъ Байда, ни о взятіи Варны и др., ни, наконецъ, цѣлой серіи прекрасныхъ пѣсенъ, касающихся набѣговъ татаръ и турокъ. Эпоха Богдана Хмельницкаго представлена думами о Хмельницкомъ и Барабашѣ, объ угнетеніи Украйны жидами-арендаторами (о возстаніи казаковъ при Хмельницкомъ), о Корсунской битвѣ, о походѣ въ Молдавію и о смерти Богдана Хмельницкаго. Но какъ думы вообще были лишь однимъ изъ моментовъ въ развитіи народной эпики малороссовъ, такъ и самое возстаніе Хмельницкаго является не болѣе, какъ однимъ изъ моментовъ длинной борьбы козаковъ съ поляками, борьбы, которая въ малорусской народной поэзіи отразилась въ гораздо бо́льшей степени, чѣмъ можно объ этомъ судить по думамъ, приведеннымъ г. Махалемъ. Упадокъ козачества характеризуется двумя думами: о Ганжѣ Андыберѣ и «о козацкой жизни». О семейномъ бытѣ козака предоставляется судить по думамъ: «о вдовѣ и трехъ сыновьяхъ», «о братѣ и сестрѣ», «объ отъѣздѣ козака изъ дому» и «о смерти козака-бандуриста».

Вообще, третья глава книги г. Махаля производитъ впечатлѣніе чего-то отрывочнаго, недосказаннаго и не вполнѣ соотвѣтствуетъ общему заглавію труда.

**А. М. Лобода.**

**A. Winter: Ueber Hochzeitsbräuche der Leten nach ihren Volksliedern** (Verhandl. d. Gel. Estnischen Gesellschaft. Bd. XVI. Heft 3. Юрьевъ. 1894, стр. 159—235).—Въ небольшой работѣ, заглавіе которой мы выписали, г. Винтеръ задался цѣлью нарисовать картину латышской свадьбы,

Digitized by Google

таковой, какъ она была «50—100 и больше лѣтъ тому назадъ»; матеріаломъ автору служатъ исключительно пѣсни латышей, уже извѣстныя въ печати, преимущественно же сборникъ Биленштейна. Относясь къ цѣли автора вполнѣ сочувственно, мы не можемъ, однако, не отмѣтить двухъ крупныхъ недостатковъ, которые въ значительной мѣрѣ обезцѣниваютъ его трудъ. Пѣсни обрядовыя, несомнѣнно, служатъ прекраснымъ источникомъ для изученія прошлаго быта народа; но воспоминанія объ исчезнувшихъ въ настоящее время обычаяхъ, которыя сохраняются въ свадебныхъ пѣсняхъ (напр., похищеніе, покупка невѣсты), сохраняются обыкновенно и въ самихъ свадебныхъ обрядахъ, при чемъ подчасъ даже болѣе нагляднымъ образомъ, чѣмъ въ свадебныхъ пѣсняхъ; поэтому изображеніе картины древней свадьбы, если оно имѣетъ въ виду быть полнымъ, должно основываться не только на пѣсняхъ, но и на обрядахъ; что же касается до менѣе древняго быта, то автору, внѣ сомнѣнія, было бы гораздо легче изучить извѣстныя въ литературѣ записи свадебныхъ обрядовъ и на основаніи ихъ начертать свою картину, чѣмъ съ трудомъ выбирать изъ пѣсеннаго матеріала отдѣльныя черты, которыя въ результатѣ не даютъ почти ничего новаго, сравнительно съ существующими записями. Второй недостатокъ труда г. Винтера заключается, на нашъ взглядъ, въ томъ, что пѣсни приводятся авторомъ только въ нѣмецкомъ переводѣ; дѣйствительно, имъ указаны источники, въ которыхъ помѣщенъ латышскій текстъ, но не всякій имѣетъ возможность имѣть подъ руками указанные источники и, такимъ образомъ, провѣрить, насколько стихотворный переводъ автора вѣрно воспроизводитъ оригиналъ. Помѣщеніе латышскаго текста рядомъ съ переводомъ сдѣлало бы работу г. Винтера болѣе цѣнной въ научномъ отношеніи.

Н. Х.

**F. V. Vykoukal, Česká svatba**, v Praze. Сравнительно недавно (1892 г.) вышла интересная книжка Бартоша «Moravská svatba». Описаніе чешской свадьбы г. Выкукаля явилось подъ вліяніемъ работы Бартоша. Работа г. Выкукаля не обнимаетъ описанія обрядовъ во всей Чехіи; она относится къ округу Холтицкому въ Хрудимскомъ краѣ. Небольшой сравнительно районъ, избранный авторомъ, далъ ему возможность представить описаніе свадьбы съ большой точностью и подробностью. Интересъ къ настоящей работѣ усиливается еще тѣмъ, что въ нее вошли не только наблюденія автора и его сотрудниковъ надъ теперешней свадьбой, но также и два описанія болѣе ранняго времени (Моравка и Новака); послѣднія относятся, судя по списку акта свадебныхъ условій (стр. 12—13), къ двадцатымъ годамъ нынѣшняго столѣтія. Нельзя, однако, не выразить сожалѣнія, что авторъ не выдѣляетъ того матеріала, который онъ заимствовалъ изъ этихъ описаній, ограничиваясь лишь иногда ссылкой на «бывалыя времена», при чемъ остается неяснымъ: объясненія ли нынѣшнихъ поселянъ относятся къ бывалымъ временамъ, или же авторъ беретъ ихъ изъ вышеуказанныхъ описаній. Но въ общемъ книжка г. Выкукаля

Digitized by Google

содержитъ тщательное описаніе всѣхъ актовъ свадебнаго обряда; рацеи записаны въ изобиліи; въ описаніе вошло много пѣсенъ, при большинствѣ которыхъ приложены ноты. Такимъ образомъ, настоящая работа представляетъ цѣнное пособіе при изученіи чешской этнографіи.

М. Д.-З.

**Н. Ѳ. Катановъ.—1) О свадебныхъ обычаяхъ татаръ восточнаго Туркестана.** Казань, 1895 г.—**2) Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ.** Вступит. лекція, прочитан. въ Импер. Казанскомъ университетѣ 29 янв. 1894 г.—**3) О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи.** Казань, 1894 г. (Отд. оттискъ изъ XII т. Изв. Общ. Арх. Ист. и Этн. при Казан. университетѣ).—**4) Пѣсня Худояръ-хана и приходъ русскихъ.** СПБ., 1894 г.—**5) Китайскій бунтовщикъ Чи-чи-гунъ.** Казань, 1895 г.

Авторъ вышеуказанныхъ работъ—молодой тюркологъ, состоящій въ настоящее время профессоромъ тюркскихъ нарѣчій въ Казанскомъ университетѣ, по происхожденію изъ татаръ Минусинскаго округа, представляетъ намъ человѣка основательно знакомаго съ своимъ предметомъ. Его трехлѣтнее путешествіе по южной Сибири и сѣверо-западной Монголіи еще болѣе расширило кругозоръ и дало обильный матеріалъ опытному наблюдателю, каковымъ является г. Катановъ. Знаніе тюркскихъ языковъ еще болѣе облегчило автору его работы.

Наиболѣе интересными по содержанію и полнотѣ изъ указанныхъ работъ являются работы «Этнографическій обзоръ турецко-татарскихъ племенъ» и «О погребальныхъ обрядахъ»... Въ первой работѣ въ ясной, сжатой, но полной формѣ представленъ очеркъ турецкаго племени, съ указаніемъ различія языка, мѣстожительства тюркскихъ племенъ, ихъ религіи, которой они держались и держатся въ настоящее время — шаманства, буддизма, мусульманства и христіанства. Далѣе сообщаются свѣдѣнія о письменности, употреблявшейся и употребляющейся у тюрковъ, образѣ жизни, который ведутъ эти племена (осѣдлый, кочующій и бродячій), о типѣ тюрковъ и, наконецъ, говоритъ о государствахъ, основанныхъ тюркскими племенами (17 государствъ).

Въ слѣдующей статьѣ, «О погребальныхъ обрядахъ», описываются погребальные обряды слѣдующихъ племенъ: бельтировъ, сагайцевъ, качаровъ, каргинцевъ и карагасовъ, исповѣдующихъ христіанство; далѣе—урянхайцевъ, исповѣдующихъ буддизмъ, и, наконецъ, казакъ-киргизовъ и нѣкоторыхъ татаръ китайскаго Туркестана, исповѣдующихъ мусульманство. Здѣсь читатель находитъ также множество интересныхъ и новыхъ свѣдѣній о погребальныхъ обрядахъ у малоизвѣстныхъ намъ инородцевъ. Не менѣе интересныя свѣдѣнія даются и въ работѣ автора—«Свадебныя обычаи у татаръ восточнаго Туркестана», съ указаніемъ нравовъ и обычаевъ этого народа. Обряды записаны со словъ туземцевъ (въ селеніи Токсунъ, въ городѣ Турфанъ, селеніи Кизо-тöбе). Турфанскія и токсунскія дѣвицы выходятъ замужъ съ 10-лѣтняго возраста. Продаются дочери по 30—90 р.—

Digitized by Google

Въ пѣснѣ Худояръ-хана описывается потеря имъ своего сына, приходъ русскихъ въ Ташкентъ и храбрость воиновъ. Въ послѣдней работѣ разсказывается о войнахъ Якубъ-бека противъ китайцевъ и разныхъ эпизодахъ изъ жизни этого лица, а также о личности китайскаго бунтовщика Чи-чи-гуна, бѣжавшаго къ Якубъ-беку и помогавшаго воевать съ китайцами.

**Д. П. Н—кій.**

**Dr. Arthur Poelschau: Die livländische Geschichtsliteratur im Jahre 1893** (Riga 1894, стр. 111, 8°). Въ балтійскихъ губ. существуетъ довольно значительное количество ученыхъ обществъ, съ разныхъ сторонъ изучающихъ мѣстный край; кромѣ того, въ періодическихъ мѣстныхъ изданіяхъ помѣщается не мало статей, имѣющихъ отношеніе къ изученію края. Слѣдить за этими изданіями, вслѣдствіе крайне малой распространенности ихъ, чрезвычайно затруднительно; вслѣдствіе этого обзоры, подобные тому, заглавіе котораго мы выписали, являются крайне полезными, такъ какъ они даютъ возможность слѣдить за движеніемъ изученія извѣстной области. «Обзоръ за 1893 г.» является XII-мъ звеномъ въ цѣпи издаваемыхъ авторомъ обзоровъ исторической литературы: въ немъ, кромѣ списка сочиненій, статей, замѣтокъ по исторіи и археологіи края, отведено мѣсто и для статей по этнографіи, географіи, языковѣдѣнію, культурной исторіи и пр., имѣющихъ отношеніе къ балтійскимъ губ. Значеніе «Обзора» усиливается еще тѣмъ, что составитель старается, насколько это возможно, пополнять списокъ статьями и книгами, напечатанными внѣ балтійскихъ губ. на русскомъ и польскомъ яз. Къ недостаткамъ изданія слѣдуетъ отнести недостаточно строго проведенную систему при группировкѣ сочиненій по отдѣламъ. Такъ, напр., въ отдѣлѣ «географіи, этнографіи и статистики» мы съ нѣкоторымъ удивленіемъ встрѣчаемъ работы по вопросамъ: о мѣстонахожденіи древняго гор. Герцеке, о названіи г. Риги, объ открытыхъ слѣдахъ древн. дорогъ, которыя слѣдовало-бы отнести въ отдѣлъ историко-археологическій. Въ концѣ «Обзора» приложенъ списокъ вошедшихъ въ «Обзоръ» трудовъ по авторамъ, въ алфавитномъ порядкѣ.

**Н. Х.**

**Н. Каманинъ. Къ вопросу о казачествѣ до Богдана Хмельницкаго.** Кіевъ 1894 г.—Работа г. Каманина состоитъ изъ двухъ частей: собственно изслѣдованія (1—59) и приложеній (1—24). Интересъ приложеній заключается въ томъ, что въ нихъ помѣщены документы, касающіеся казацкаго землевладѣнія въ южной Руси; нѣсколько документовъ относятся къ концу XV в. Въ изслѣдованіи авторъ даетъ пересмотръ далеко еще не рѣшенныхъ вопросовъ о характерѣ и бытѣ древнѣйшаго казачества. Важность и сложность этихъ вопросовъ таковы, что новое ихъ обсужденіе имѣетъ большой интересъ. Познакомимся со взглядами на древнѣйшую исторію казачества г. Каманина. Основной взглядъ на казачество у автора таковъ, что казачество—землевладѣльческій и земледѣльческій классъ на-

Digitized by Google

селенія южной Руси; по составу своему оно—мѣстное русское населеніе, потомки того же населенія, которое владѣло этою Русью и до нашествія монголовъ; по характеру своего быта—казачество примыкаетъ къ общинному быту до-монгольскаго періода, преобразивъ его однако съ теченіемъ времени въ особыя формы казацкой общины; начало казачества относится ко времени около полов. XIV в., хотя свѣдѣнія объ общинахъ мы имѣемъ только съ конца XV в. Далѣе, по отношенію къ Польшѣ казаки пользуются большею самостоятельностью: они вполнѣ автономны и сливаются постепенно съ Польшей въ одно государство до такъ-называемой реформы казачества Стефаномъ Баторіемъ, вѣроятнѣе уже съ Сигизмунда I. Основной взглядъ автора таковъ, что съ нимъ трудно не согласиться; только отношенія казачества къ Польшѣ въ древнѣйшую его пору представляются намъ менѣе обоснованными. Въ частности авторъ даетъ обзоръ свѣдѣній о древнѣйшемъ казачествѣ XV в., извѣстномъ болѣе подъ именемъ черкасовъ: уже въ этотъ періодъ казачество представляетъ военно-земледѣльческія общины съ самостоятельными «князьями» во главѣ (прототипъ гетмановъ); отрядъ черкасовъ стоитъ постоянно противъ татаръ, гдѣ-то ниже пороговъ, на Тавани (стр. 2—15), что дало поводъ къ *естественному* возникновенію Сѣчи (стр. 15—21). Особеннымъ интересомъ отличается мнѣніе г. Каманина о такъ-называемомъ «началѣ» казачества (лѣтописцы описываютъ «появленіе» казачества въ первые годы XVI в.). Постановка вопроса оригинальная, но рѣшеніе его рѣшительно не оправдывается имѣющимися свидѣтельствами. Въ темномъ намекѣ Кіевской лѣтописи подъ 1519 г. (Сборникъ лѣтоп. Ю. и З. Р.) о какой-то побѣдѣ поляковъ надъ «нашими», г. Каманинъ видитъ цѣлое сложное событіе: попытку короля въ союзѣ съ татарами покорить оружіемъ казачество, въ которомъ проявились «горячія стремленія къ политической независимости»; побѣда короля осталась безъ результатовъ, но само событіе подало поводъ лѣтописцамъ отмѣтить его, какъ *начало* казачества (стр. 23). На это слѣдуетъ замѣтить, что замѣтка лѣтописи слишкомъ коротка и неопредѣленна, чтобы на ней безъ другихъ свидѣтельствъ можно было основать предположеніе о борьбѣ казаковъ съ поляками за независимость; быть можетъ, эта замѣтка указываетъ лишь на одинъ изъ обычныхъ эпизодовъ изъ исторіи борьбы поляковъ и татаръ съ казаками, когда первые рѣшились отомстить казакамъ за какое-либо частное нападеніе. Притомъ, король воспользовался бы побѣдою, а на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что съ 20-хъ годовъ поляки начинаютъ прибирать къ рукамъ вольное казачество. Въ дальнѣйшемъ изложеніи г. Каманинъ даетъ цѣнныя свѣдѣнія о казацкомъ землевладѣніи въ концѣ XV и нач. XVI вв. (стр. 28—39) и, наконецъ, о развитіи мѣстной автономіи среди казачества. Трудно согласиться съ авторомъ въ его способѣ доказательства цѣнности украинскихъ земель (36—37 стр.). Онъ приводитъ нѣсколько данныхъ о стоимости украинскихъ земель и находитъ, что эти земли были такъ же дороги, какъ и земли въ Кіевщинѣ и на Волыни, и что это обстоятельство указываетъ на густоту украинскаго населенія, и что заимокъ уже въ XVI в. негдѣ было дѣлать. Тутъ большая и безполезная натяжка: мы не знаемъ ни размѣра продававшихся

Digitized by Google

земель, ни степени ихъ обработанности, ни, наконецъ, того: съ людьми они продавались или безъ людей. Такое сравненіе—сравненіе несоизмѣримыхъ величинъ. На этомъ мы окончимъ нашъ обзоръ работы г. Каманина. Повторимъ еще разъ, что она представляетъ много новаго, какъ со стороны данныхъ, такъ и со стороны гипотезъ, представленныхъ авторомъ, хотя съ нѣкоторыми частностями трудно согласиться.

**М. Довнаръ-Запольскій.**

**Д-ръ К. А. Бѣлиловскій. Женщины инородцевъ Сибири (Медико-этнографическій очеркъ).** 1894 г.

Положеніе женщины у нашихъ инородцевъ вообще и у сибирскихъ въ частности еще мало изучено. Съ одной стороны, это объясняется трудностью самаго предмета. Извѣстно, что каждому изслѣдователю или этнографу и вообще-то не мало приходится преодолѣть препонъ для полученія отъ инородца тѣхъ или иныхъ свѣдѣній, а когда рѣчь заходитъ о женщинахъ, то здѣсь уже инородецъ совсѣмъ умалчиваетъ. Въ виду этого появленіе каждой работы, относящейся къ указанному вопросу, невольно привлекаетъ вниманіе интересующагося положеніемъ инородческой женщины. Врачамъ болѣе посчастливилось въ изученіи этого вопроса: имъ чаще всего приходится имѣть отношенія съ женщинами, какъ съ больными, изъ разспросовъ которыхъ о болѣзни можно узнать многое, чего никогда не узналъ бы простой изслѣдователь.

Въ такомъ положеніи находился авторъ вышеуказанной работы, въ которой приводятся, кромѣ литературныхъ данныхъ, и личныя наблюденія надъ киргизками и татарками (въ г. Петропавловскѣ). Въ началѣ своего труда авторъ подвергаетъ критическому разбору тѣ сочиненія, которыя касались настоящаго вопроса (Krebel, Witkowsky, Ploss, Kennan, Соммье пользуются очень немногими русскими работами); затѣмъ знакомитъ въ общихъ чертахъ съ характеромъ инородцевъ вообще, съ ихъ особенностями, качествами и чувствомъ нравственности (9—23 стр). Въ представляемой характеристикѣ инородцевъ—остяковъ, самоѣдовъ, коряковъ, бурятъ, айновъ, якутъ, юкагиръ, киргизъ—много недосказаннаго, слишкомъ кратко описано, и въ то же время дѣлаются поспѣшные выводы. Недостаточно обоснованы авторомъ причины вымиранія инородцевъ, такъ какъ тотъ матеріалъ, которымъ пользуется авторъ, недостаточенъ. Далѣе, авторъ касается медицинской помощи инородцамъ Сибири и характеристики народныхъ врачевателей вообще (27).

Переходя непосредственно къ описанію положенія женщины на востокѣ, авторъ прежде всего отмѣчаетъ характерную черту, болѣе или менѣе присущую всѣмъ женщинамъ у инородцевъ,—это стыдливость и чувство нравственности (34). Въ характерѣ женщинъ у большинства инородцевъ представляется очень много свѣтлыхъ сторонъ (43), хотя и здѣсь авторъ недостаточно приводитъ къ тому доказательствъ; точно также мало убѣдительно его заявленіе, что къ мужьямъ своимъ жены у инородцевъ относятся съ глубокимъ уваженіемъ и даже подобострастіемъ. Здѣсь можетъ

Digitized by Google

быть кроется забитость женщины и полная покорность мужу, но авторъ не соглашается съ этимъ (46).

Не мало мѣста въ своемъ трудѣ авторъ удѣляетъ описанію внѣшности женщины инородцевъ, для чего пользуется нѣкоторыми литературными данными. Въ одномъ случаѣ авторъ встрѣтилъ одну молодую киргизскую дѣвушку, которую можно было поставить рядомъ съ Медицейской Венерой,— «ея сказочная красота, заявляетъ онъ, всегда вызывала конфликтъ и смятеніе въ моихъ терапевтическихъ мысляхъ» (50). Слишкомъ картинно. Въ описаніи внѣшности инородческой женщины авторъ не скупится на этическіе образы и картины и, видимо, является большимъ поклонникомъ красоты инородческой женщины—чуть не въ каждой изъ нихъ находитъ что-нибудь привлекательное и красивое. Что касается нравственности женщины у инородцевъ, то она, по мнѣнію автора, стоитъ высоко. Не безынтересныя свѣдѣнія приводятся авторомъ о появленіи менструацій у инородческихъ женщинъ Сибири (раннее ихъ появленіе), хотя фактическія данныя указаны только относительно киргизокъ. Выкидыши у инородческихъ женщинъ въ общемъ не такъ часты (61).

Далѣе авторъ говоритъ о бракѣ у инородцевъ, возрастѣ брачущихся, о положеніи бездѣтной женщины, беременной (послѣдняя пользуется почти у всѣхъ инородцевъ уваженіемъ и нѣкоторыми привилегіями и правами), о родахъ, помощи при нихъ со стороны повитухъ, объ уходѣ за новорожденнымъ, питаніи его и т. д.

Вообще, въ книгѣ автора встрѣчается немало интересныхъ свѣдѣній по вопросу о положеніи инородческой женщины въ Сибири, хотя въ изложеніи замѣчается нѣкоторая поспѣшность и недостаточность фактовъ для окончательныхъ выводовъ. Но, несмотря на это, настоящій трудъ является виднымъ вкладомъ въ медико-этнографическую литературу, которая еще такъ бѣдна въ этомъ отношеніи.

**Д. П. Никольскій.**

**И. П. Минкевичъ, Растенія, какъ медицинскія средства и какъ предметъ обожанія на Кавказѣ.** (Проток. засѣд. Император. Кавказ. Медиц. Общества, № 13, 1895).

Несомнѣнно, что царство растительное, находясь въ ближайшей связи съ существованіемъ человѣка на земномъ шарѣ, оказывало и оказываетъ значительное вліяніе на все человѣчество и каждый отдѣльный организмъ. Растительное царство оказываетъ могущественное вліяніе на умъ человѣка, особенно первобытнаго, дикаго, въ состояніи дикихъ, громадныхъ лѣсовъ, полныхъ секрета и могущества. Обожаніе отдѣльныхъ лѣсовъ, рощъ, деревьевъ встрѣчается во всѣхъ странахъ и у всѣхъ народовъ. Выходя изъ этого положенія, авторъ въ своей работѣ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія, хотя иныя и извѣстныя, о предразсудкахъ, вѣрованіяхъ, существующихъ на Кавказѣ у различныхъ его жителей, и вмѣстѣ съ тѣмъ сопоставляетъ такія данныя, существующія у другихъ народовъ, съ цѣлью показать ихъ родство, общность происхожденія, а также и разныя мѣстныя отличія.

Digitized by Google

Здѣсь авторъ указываетъ на обожаніе отдѣльныхъ деревьевъ у кавказскихъ народовъ, между которыми особенно чтится дубъ и нѣкоторыя рощи, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ считаются святыми, и къ нимъ направляются разные больные, ища исцѣленія. Подъ дубами, напр., осетины устраиваютъ свои мѣста для молитвы (544). Арияне, до принятія христіанства, обожали дерево Базль, родъ тополя. По мнѣнію нѣкоторыхъ народовъ, дубъ служитъ хорошимъ средствомъ для излѣченія грыжи («приковывать болѣзнь»). Такимъ же способомъ лѣчатся больные зубы. Во всѣхъ этихъ лѣченіяхъ требуется полнѣйшая тишина, или произносятся молитвы и заговоры. Особенно развитъ культъ почитанія растенія въ южной Азіи, Америкѣ и т. п. Въ сѣверной Америкѣ, въ Черныхъ горахъ, вѣшаютъ на деревья вещи, заключающія духа болѣзни, чтобы не заболѣть, а также для того, чтобы вымолить хорошую погоду и т. п. Такимъ образомъ, царство растительное, доставляя пищу, убѣжище во время бурь или зноя, средство обороны отъ враговъ и, наконецъ, медицинскія средства въ страданіяхъ и болѣзняхъ, должно было такъ сильно вліять на умственную сторону человѣка, что онъ началъ его обожать; человѣкъ помѣстилъ въ царствѣ растительномъ высшее существо, демоновъ добрыхъ и злыхъ, и здѣсь же человѣкъ ищетъ помощи въ болѣзняхъ и несчастіяхъ.

Конечно, эти взгляды и идеи различны у разныхъ народовъ, и желательно было бы имѣть подобные матеріалы относительно русскаго населенія, а также инородческаго; у послѣднихъ рощи считаются священными. Все это дастъ богатый матеріалъ для этнографіи.

Д-ръ Н—кій.

**В. А. Арнольдова. Санитарно-бытовой очеркъ жизни башкиръ юго-восточной части Стерлитамакскаго уѣзда, Уфимск. губ.** (Отт. изъ «Дневн. Общ. врачей» при Казанскомъ универ. 1894 г., вып. IV).

О врачебно-санитарномъ положеніи нашихъ инородцевъ, какъ уже сказано, мы почти совсѣмъ не имѣемъ достаточно точныхъ свѣдѣній. Этотъ отдѣлъ въ ихъ исторіи до сихъ поръ остается мало изслѣдованнымъ. А потому вышеуказанная работа, относящаяся къ данному вопросу, имѣетъ существенный интересъ. Авторъ, будучи съ 1888 по 1891 годъ земскимъ врачемъ въ Стерлит. у., завѣдывалъ участкомъ, въ которомъ жили и башкиры. Результаты этихъ наблюденій онъ и предлагаетъ здѣсь. Къ сожалѣнію, спеціальная его часть работы, именно врачебная и санитарная, представлены не съ той полностью, съ какой желательно было бы видѣть, между тѣмъ какъ этнографическо-бытовая часть представлена сравнительно полнѣе. Впрочемъ, и тѣ свѣдѣнія не лишены интереса. Въ первой части своего труда авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о населеніи уѣзда, занятіяхъ башкиръ, о посѣвахъ хлѣбовъ, скотоводствѣ, пчеловодствѣ, лѣсныхъ издѣліяхъ и стоимости продуктовъ (4 стр.), о характерѣ башкиръ, грамотности среди нихъ. Затѣмъ переходитъ къ описанію внѣшняго быта башкиръ, какъ-то: одежды, мужской и женской, обуви, жилищъ, на которыхъ авторъ остановился болѣе подробно (9—11 стр.) и, между про-

Digitized by Google

прочимъ, онъ сильно возстаетъ противъ башкирскихъ чуваловъ, отъ которыхъ часто дѣти получаютъ ожоги и даже смерть. Съ этимъ и мы согласны. Далѣе интересныя свѣдѣнія приводятся относительно пищи и способовъ ея приготовленія; говорится о напиткахъ, но о кумысѣ упоминается почему-то вскользь. По мнѣнію автора, у башкиръ замѣчается сильная склонность къ водкѣ—дурной признакъ для будущности башкиръ.

Относительно болѣзней башкиръ авторъ приводитъ краткія свѣдѣнія и, между прочимъ, оказывается, что башкиры страдаютъ сифилисомъ такъ же, какъ и русскіе. Изъ 2,533 заболѣваній башкиръ было 88 сифилитиковъ. Затѣмъ часто между ними встрѣчаются больные съ круглыми глистами (124 случая), фурункулезомъ и сибирскою язвою. Не менѣе часто встрѣчаются ожоги, особенно въ дѣтскомъ возрастѣ, отъ 1 года до 10 л. Характерное явленіе—автору въ теченіе года не привелось встрѣтить ни одного случая съ перелойнымъ воспаленіемъ мочеиспускательнаго канала. Въ заключеніе онъ говоритъ о борьбѣ съ заразными болѣзнями и о народной медицинѣ среди башкиръ. Очень существенный пробѣлъ въ интересномъ трудѣ врача Арнольдова—это отсутствіе свѣдѣній о рождаемости, бракахъ и смертности башкиръ, которыя не удалось получить отъ муллы. Между тѣмъ, эти данныя могли бы пролить много интереснаго для характеристики внутренняго быта башкиръ.

Во всякомъ случаѣ, работа автора имѣетъ немаловажный интересъ въ этнографическомъ отношеніи, и желательно было бы, чтобы другіе врачи, стоящіе близко къ инородцамъ, дѣлились подобными наблюденіями и фактами.

Д-ръ Д. Никольскій.

**Bulletin de la Société Nat. des antiquaires de France. 1894.** *Засѣд 9-го мая Le Blant*: О суевѣріи, считающемъ браки, заключенные въ маѣ, несчастными. Въ Марселѣ и Парижѣ до настоящаго времени многіе избѣгаютъ заключать браки въ маѣ, хотя объяснить это въ настоящее время и не могутъ; Le Blant ищетъ объясненія этого суевѣрія въ римской старинѣ: еще Овидій упоминаетъ о немъ, указывая, что существовала вѣра, что вступившій въ бракъ въ маѣ, долженъ вскорѣ умереть. Плутархъ объясняетъ это повѣрье тѣмъ, что май посвященъ культу мертвыхъ и сыну Майи—Меркурію, отводившему души умершихъ въ подземное царство. Въ качествѣ переживанія вѣра въ скорую смерть вступившаго въ маѣ въ бракъ лица держалась въ Италіи въ XVII и XVIII вв. Г. Гедозъ (Gaidoz) въ *засѣд. 16-го мая*, возвращаясь къ этому-же вопросу, отмѣтилъ, что указанное суевѣріе господствовало и въ Румыніи, Вестфаліи, Богеміи, Англіи и Ирландіи и вызывало вмѣшательство церковной власти. *Cagnat*, въ дополненіе къ мнѣнію Le Blant обратилъ вниманіе общества на то, что праздникъ Lemures (духовъ усопшихъ) падалъ именно на май. *Засѣд. 11-го сентября*: *Babelon* сдѣлалъ сообщеніе о находимыхъ, при раскопкахъ въ древ. Карѳагенѣ, изображеній скорпіоновъ—фактъ, имѣющій этнографическій интересъ въ томъ отношеніи, что онъ свидѣ-

Digitized by Google

тельствуетъ о существованіи обычая при постройкѣ домовъ закладывать подобныя изображенія (помѣщаемыя обыкновенно въ сосуды) для предохраненія домовъ отъ скорпіоновъ. Сдѣланныя до настоящаго времени находки относятся къ эпохѣ римскаго владычества въ Африкѣ, но, по мнѣнію референта, едва-ли можетъ быть сомнѣніе, что этотъ обычай восходитъ къ пунической культурѣ Карѳагена: обычай, вѣроятно, занесенъ въ Африку съ востока, гдѣ, въ особенности въ Месопотаміи, обычай закладывать талисманы въ фундаментъ домовъ былъ широко распространенъ.

Н. Х.

**Sitzungsberichte d. Gel. Estnischen Gesellschaft 1893.** (Юрьевъ. 1894).Въ протоколахъ засѣданій эстонскаго уч. Общества за 1893 г. помѣщенъ по обыкновенію довольно значительный матеріалъ по этнографіи края. *D-r Островъ* сообщаетъ о записанномъ имъ въ дер. Зоотага (Везенберг. у.) варіантѣ о смерти сына Калева (стр. 45—46); по другому преданію, враги, настигнувъ героя спящимъ, отрѣзываютъ ему ноги; недалеко отъ Зоотага, въ им. Пагаръ, показываютъ въ лѣсу холмъ, гдѣ былъ погребенъ сынъ Калева. *Рейманъ* сообщаетъ о найденныхъ въ Ревельскомъ гор. архивѣ древнихъ историко-юридическихъ памятникахъ на эстонскомъ яз. отъ XVI в. (стр. 103—122). Дополненіемъ къ этому сообщенію можетъ служить сообщ. *Штильмарка* Ueber einen alten Bauerneid in Livland (стр. 100—101). *Л. Шредеръ* въ замѣткѣ «Bemerkungen über den Gott Târa, Târ, Tôr und die Donnerstag-Heiligung bei den Esten (стр. 57—66) старается примирить два противоположные взгляда на вопросъ о включеніи громового божества Тора (Тара) въ эстонскую миѳологію: въ то время какъ Шегренъ и за нимъ многіе другіе видѣли въ этомъ словѣ заимствованіе эстонцами у скандинавовъ названія бога-громовника, Крейцвальдъ и Н. Андерсонъ считаютъ это слово эстонскимъ (остяцк. tôrym, tûrum, вогульск. tarom, torem—богъ, небо). Л. Шредеръ, признавая, что указанное названіе не имѣетъ ничего общаго со скандинавскимъ Торомъ, полагаетъ, однако, что при столкновеніяхъ эстовъ со скандинавами культъ Тора у послѣднихъ повліялъ на культъ эстонскаго божества, при чемъ вліяніе это выразилось въ посвященіи эстонцами Тору изъ деревьевъ—дуба, а изъ дней недѣли — четверга. — **То же за 1894** (Юрьевъ. 1895). — *K. A. Hermann*: Ueber die Verwandtschaft d. chinesischen mit d. ugrischen Sprachen (стр. 167—180). По мнѣнію автора, является полная возможность утверждать, что «китайскій яз.—лишь наиболѣе сильный и объемистый сучокъ дерева, болѣе или менѣе значительные сучья котораго составляютъ всѣ угро-алтайскіе яз.—и между ними какъ японскій, корейскій, манджурскій, монгольскій, тюркскій, такъ и мадьярскій, черемисскій, мордовскій, лопарскій, финскій и эстонскій». *O. Kallaś*: Einiges über die Setud (стр. 81 — 105) — объ эстахъ-«полувѣрцахъ» Псковской губ. (ок. Печерскаго монастыря). Setud—насмѣшливое прозвище, даваемое полувѣрцамъ эстами-лютеранами; формальное отношеніе къ исполненію православныхъ обрядовъ, весенніе праздники, свадьба, одежда.

Н. Х.

Digitized by Google

**Справочная книжка Самаркандской области на 1894 годъ.** Изд. Самаркандскаго Областного Статист. Комитета. Вып. II. подъ ред. *В. Мирскаго.*

Наши окраины съ ихъ разноплеменнымъ населеніемъ представляютъ глубокій интересъ не только для этнографа, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ нѣкоторыхъ изъ памятныхъ книжекъ или сборниковъ мы и находимъ иногда поучительныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію, дѣлающіяся извѣстными очень небольшому числу лицъ. А между тѣмъ эти матеріалы крайне важны. Такъ, въ вышеуказанной книжкѣ, помимо общихъ свѣдѣній о краѣ, мы находимъ не мало статей и очерковъ, которые представляютъ общій интересъ. Такъ, интересная статья *Л. Симоновой* (Хохряковой): «Чародѣйство, гаданіе и лѣченіе сартянокъ въ Самаркандѣ» знакомитъ съ цѣлымъ классомъ лицъ, занимающихся гаданіемъ и лѣченіемъ, при чемъ они пользуются уваженіемъ и довѣріемъ населенія. Во главѣ самаркандскихъ гадалокъ стоитъ Чаръ-Чиракъ (чародѣйка), посѣщеніе къ которой авторъ подробно описываетъ. Не менѣе интересна статья врача *К. М. Афримовича*: «Ришти», или гвинейскій червь, въ которой авторъ подробно описываетъ исторію его развитія, попаданія въ организмъ человѣка, способъ лѣченія знахарями и т. п. Кромѣ того, сообщаются и статистическія свѣдѣнія о риштѣ за 1889—91 годы, распредѣленіе больныхъ по возрасту, мѣсяцамъ, мѣстожительству. Врачъ *Н. С. Сукачевъ* даетъ небольшой очеркъ эндеміи зоба въ Самаркандской области; *М. Невѣсскій* представилъ списокъ деревьямъ и кустарникамъ, произрастающимъ въ С-й области. *Г. Комаровъ* сообщаетъ «краткія свѣдѣнія о полезныхъ травянистыхъ растеніяхъ, встрѣчающихся дико въ горной странѣ верхняго Зеравшана». *Г. Вирскій* представилъ интересныя свѣдѣнія о пчеловодствѣ въ Самарк. области.

**Д. Н—кій.**

**Адресъ-календарь и памятная книжка Пермской губерніи** на 1895 г.—Не останавливаясь на обычныхъ извѣстіяхъ, помѣщаемыхъ въ подобныхъ памятныхъ книжкахъ, отмѣтимъ лишь приложеніе къ вышеупомянутой книжкѣ Пермской губерніи, озаглавленное: «Сборникъ матеріаловъ для ознакомленія съ Пермской губерніею», вып. VI. Первая статья въ указанномъ приложеніи посвящена извѣстному пермскому земскому общественному дѣятелю Д. Д. Смышляеву, такъ много сдѣлавшему для изученія Пермскаго края. Жаль, что къ статьѣ не приложенъ списокъ трудовъ покойнаго, въ числѣ которыхъ есть немало работъ по этнографіи и археологіи края. Вторая статья—«Выставка древностей Пермскаго края въ Перми 1894 г.», устроенная по иниціативѣ Пермской Ученой Архивной коммиссіи и Уральскаго Общества Любит. Естествознанія. Выставка имѣла успѣхъ, судя по числу посѣтившихъ ее: было болѣе 6 т. человѣкъ въ теченіе двухъ недѣль, и изъ числа ихъ было много крестьянъ. Затѣмъ идетъ небольшая статья о Пермскомъ экономическомъ обществѣ съ указаніемъ на исторію его возникновенія и первоначальную дѣятельность.

Digitized by Google

Интересна статья — «Бѣлая Гора и Бѣлогорскій Свято-Николаевскій православно-миссіонерскій мужской монастырь» (географическо-историческій очеркъ). Самая обширная и интересная статья въ приложеніи — «Очеркъ народнаго *образованія въ Пермской губерніи»*, въ которомъ неизвѣстный авторъ представляетъ историческій ходъ развитія этого дѣла по уѣздамъ до открытія земскихъ учрежденій и положеніе его въ настоящее время.

**Д. Н—кій.**

**Вологодскій иллюстрированный календарь на 1893 и 1894 гг.** — Изд. Гудкова-Бѣлякова. — Въ этомъ изданіи за 1893 г., кромѣ обычныхъ календарныхъ и статистическихъ свѣдѣній, помѣщено нѣсколько статей по исторіи Вологодскаго края и города Вологды: «Начало и распространеніе христіанства въ Волог. губ.», «Хронологическій указатель Вологодскихъ монастырей», «Историческій очеркъ г. Вологды», «Домикъ Петра В. въ Вологдѣ»; кромѣ того, отмѣтимъ: «Топографическій очеркъ Вол. губ.» и «Кустарное производство въ Вол. губ.» за 1894 г.; достойна нѣкотораго вниманія замѣтка *П. Д.*: «Прозвища жителей нѣкоторыхъ городовъ Вологодской губ.», составленная какъ на основаніи личныхъ наблюденій автора, такъ и по книгамъ: Шевырева (поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь въ 1847 г.») и Сахарова («Сказанія русс. народа»). Кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить статью: «Св. Стефанъ Пермскій», съ приложеніемъ составленной имъ пермской азбуки, взятой изъ рукописнаго Номоканона 1510 г. библіотеки гр. А. С. Уварова. Напомнимъ, кстати, что св. Стефанъ Пермскій умеръ въ 1396 г. (26 апр.), и что, слѣдовательно, въ будущемъ году исполняется 500-лѣтіе смерти просвѣтителя зырянъ. — Далѣе слѣдуютъ статьи: «Городъ Устюгъ въ церковномъ отношеніи» (историко-стат. очеркъ) и «Очеркъ Вологодской флоры». Въ книжкѣ напечатанъ между прочимъ и снимокъ съ рукописи 1655 г., заключающей общественный приговоръ жителей г. Вологды относительно Спасо-обыденской церкви въ Вологдѣ.

**Д. У.**

Digitized by Google

## 2. Журналы и Газеты.

**Архангельскія Епарх. Вѣд. 1895.** *Н. А. Васильевъ:* Нѣчто о суевѣріяхъ и предразсудкахъ въ Архангельской епархіи. Новорожденнаго крестятъ не раньше, чѣмъ вымоютъ его въ 3-хъ баняхъ. Въ случаѣ болѣзни ребенка, въ высокой межѣ при полѣ прокапываютъ отверстіе, черезъ которое одна женщина передаетъ ребенка другой нѣсколько разъ (Пинежск. у.); суевѣрія при свадьбѣ, «отпускъ» скота; лѣченіе болѣзни посредствомъ поклоненія вѣтру, лѣсу, водѣ или тому мѣсту, гдѣ кто почувствовалъ себя больнымъ.

**Ateneum.** (Warszawa). **1895. Luty.** Рец. на кн.: Księga przysłów etc., S. Adalberga.—**Marzec.** Рец. на кн.: Kobieta w Polsce, studyum historyczno-obyczajowe, Zygm. Kaczkowskiego, и на кн. Maurycy Straszewski—Dzieje filozofii na wschodzie, Krak. 1894, гдѣ рѣчь идетъ между прочимъ о первобытной индійской общинѣ и ея измѣненіяхъ, объ языкѣ, письменности и обществ. устройствѣ Китая и пр.— **Kwiecień.** *Karol Weylepp*—о земельной собственности въ современн. Польшѣ.—**Maj.** *Aleks. Jabłonowski*,—о торговлѣ на Украинѣ въ XVI в.

**Biblioteka Warszawska. 1895. Marzec.** *B. Łosiński*, Tłum, szkic socyologiczny. I. Większość i mniejszość. (Толпа, соціологич. этюдъ. I. Большинство и меньшинство). Рец. на кн.: Adolf Pawiński.—Polska w XVI w. pod względem geograf.-statystycznym. T. V. — Mazowsze. Warszawa. 1895.—**Kwiecień.** Продолженіе статьи Лозинскаго: «Толпа». II. Tłum zbrodniczy. III. Miasto i wieś (Бродяги и разбойники. Городъ и деревня). Рец. на кн.: Księga przysłów etc. S. Adalberga, Warsz. 1895.

**Варшавскія Университетскія Извѣстія.—I.** *Проф. Ѳ. И. Леонтовичъ.* Національный вопросъ въ древней Россіи (оконч.).

**Вятскія губ В. 1895 2,—4, 8, 10.** Русская народная метафизика по пословицамъ. Попытка на основаніи пословицъ и поговорокъ освѣтить взгляды народа на міръ, человѣка, душу, разумъ, просвѣщеніе. **13.** *Аверкіевъ:* О жертвоприношеніяхъ животныхъ вотяками Пургинской вол., Сарапульск. у. Краткія свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ. **18.** *Я. Якимовъ*: Суевѣрія черемисъ Сарапульскаго у. 1) Чужой скотъ нельзя отнимать у волка, такъ какъ за это волкъ унесетъ у отнявшаго; 2) водяной.

Digitized by Google

**Вѣстникъ Европы 1895.** *Январь.* Рец. на кн.: Описаніе Амурской области (съ картой). Сост. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, подъ ред. П. П. Семенова. Спб. 1894.—Рец. на кн.: Русскіе путешественники-изслѣдователи. Путешествіе по Туркестану Н. Сѣверцева и А. Федченко. Изложено М. А. Лялиной. Спб. 1895.—Рец. на кн. Мастро: Древняя исторія народовъ Востока. Пер. съ 4-го изд. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1895. — *Февраль. А. Н. Пыпинъ.* Водвореніе новыхъ литературныхъ формъ. Первая теорія XVIII в. — Повѣсть, драма, лирика. — Рец. на: Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ. Т. XXV. Иркутск. 1894 и на кн.: Объ открытіи Троицко-Савско-Кяхтинскаго отдѣленія при Амурскомъ отдѣлѣ И. Р. Г. Общ. Иркутскъ, 1894.—Рец. на кн. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. Спб., 1895.—*Мартъ.* Рец. на кн. А. С. Пругавина: Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Изд. 2-е значит. дополнено. Спб. 1895. Нѣсколько главъ этой книги посвящены т. наз. лубочной литературѣ, распространенію среди народа извѣстныхъ излюбленныхъ сюжетовъ въ книгахъ и лубочныхъ картинахъ, офенямъ Владимірской губ., (слободы Мстера, Холуй, Палеха) и т. д.—*Апрѣль. Н. И—въ:* Уѣздъ средняго поволжья. Авторъ даетъ очень разработанную картину экономическаго положенія крестьянъ одного изъ средне-поволжскихъ уѣздовъ.—Рец. на кн. И. Жданова: Русскій былевой эпосъ. Изслѣдованіе и матеріалы. I. — V. Спб. 1895.—Рец. на кн. Діонео: На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири. Спб. 1895.—Рец. на кн. А. Я. Максимова: На далекомъ Востокѣ. Разсказы и были изъ жизни на отдаленной окраинѣ России. Т. II. Спб. 1895.—Рец. на кн.: Les littératures populaires de toutes les nations. T. XXXII. Contes populaires de la vallée du Nil. Paris, Maisonneur, 1895.

**Century. 1895.** Янв. Статья *Florence O'Driscoll*: О наказаніяхъ, употребительныхъ въ Китаѣ.

**Glasnik Zemalskog Muzeja u Bosni i Hercegovini.** Sarajevo, god. VI, 1894. 3[1]). Профессоръ *Емиліанъ Лилекъ*: Древнія вѣрованія изъ Босніи и Герцеговины. (См. «Этн. Об.» кн. XXI, 227 стр.). III. Почитаніе животныхъ. IV. Почитаніе растеній. V. Почитаніе небесныхъ тѣлъ. (Матеріалъ богатый и интересный).—*Д-ръ Чиро Трухелка,* Изъ древнихъ рукописей. I. Наставленія противъ суевѣрій по одному древнему номоканону (ркп. ок. XVII в.). Главы: о чарованіяхъ, о травахъ, о прорицаніи, о волхвованіи и т. п. II. Рукописныя хроники начала XVI вѣка (далѣе нѣкот. новые факты изъ исторіи мѣстнаго края).—Съѣздъ археологовъ и антропологовъ въ Сараевѣ съ 15 по 21 августа 1894 (обзоръ).— 4. Проф. *Емиліанъ Лилекъ:* Древнія вѣрованія изъ Босніи и Герцеговины (оконч.). VI. Жертвоприношеніе и очищеніе. VII. Гаданіе и заговоры (особ. подробно: стр. 632—674).—Смѣсь: X. *Фазлагичъ:* Народныя лѣкарства изъ растеній.—*Sadik Eff. Ugljen*: Оригинальный обычай у мусульманскихъ поселянъ около Прозора. (Женщины, вопреки шеріату, не покрываютъ лица, чего не дѣлаютъ женщины городскія. Для объясненія

[1]) 2-й книги мы не получили.



Digitized by Google

этого приведенъ древній обычай, въ которомъ проглядываютъ черты «тайнаго рабства»).

**Гродненскія Губ. Вѣд. 1894. 98.** Русская народная метафизика (по пословицамъ прод. и окомч. въ №№ 99 и 2, 1895 г. (Изъ «Прав. В.)».— **99.** Свящ. *Левъ Паевскій*: Каменецъ-Литовскъ и его древніе храмы (историч. очеркъ). Продолж. въ №№ 100:—церковно-народные праздники; далѣе слѣдуетъ краткое описаніе нар. обычаевъ при рожденіи дѣтей.— **1895. 1.** Свадебные обряды.—**3.** О нравственности населенія,—нар. медицинѣ, внѣшнемъ бытѣ (изба, надѣлы, занятія, ярмарки), юридич. понятіяхъ, сельскихъ сходахъ.—**5.** Ст. *Е. О.*: М. Свислочь Волковысская (историч. очеркъ); прод. въ №№ 7, 8, 9. — **7.** Сельскіе врачеватели (изъ «Орл. Вѣсти.».—Деревенскіе кабаки (отношеніе къ нимъ народа).—**10.** Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ Богдановича. (Перепечатаніе съ переработкой автора изъ «Научнаго Обозрѣнія»). Продолженіе въ №№ 11, 12, 14, 18, 19 (не оконч.). Статья обильна интересными и еще неизвѣстнымъ изъ печатныхъ источниковъ матеріаломъ; составлена по личнымъ наблюденіямъ автора. Жаль только, что авторъ не всегда указываетъ, къ какой мѣстности относятся его наблюденія. Болѣе интересныя изъ указываемыхъ почитаніе огня, воды, камней, земли (№ 11); почитаніе горъ (большая натяжка), хлѣба, деревьевъ, папоротника, разрывъ травы, змѣй и ужей (№ 12); объ очарованіи, заговорахъ (заговоры отъ укушенія змѣи, вывиховъ, передъ отъѣздомъ въ дальнюю дорогу, противъ нутряныхъ болѣзней, отъ „зъѣду", отъ сглазу (№ 14); о снахъ и сновидѣніяхъ, понятіе о душѣ и поминальные обряды, вупары (№ 18); чуръ, хатникъ, евникъ, лазникъ (№ 19).— **14.** Къ вопросу о Ятвягахъ и Черной Руси,—выдержки и отвѣты на странное письмо нѣкоего Виноградова о „Ятвезіи", помѣщенное въ „Кіев. Словѣ". — „Прощеный день встарину" (московскіе обычаи).— **17.** Туръ въ Сибири (съ выдержками изъ народн. сказаній и былинъ).

**Досугъ и Дѣло. 1895. Мартъ.** *Дьяновъ*: Какъ жили наши прадѣды. Жилыя мѣстности. **Апрѣль.** NN, Охота въ Сибири.

**Духовный Вѣстникъ Грузинскаго Экзархата.** 1895. **6, 7.** Религіозно-нравственное міровоззрѣніе русскаго народа по пословицамъ. *Як. Черединъ*.—**8.** Чествованіе св. Георгія въ Грузіи и Россіи. *Его-же*.

**Журналъ Мин. Нар. Просв. 1894, Августъ.** *Л. А. Сакетти*: О музыкальной художественности древнихъ грековъ.—Рец. на кн. М. К. Любавскаго: Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ.—Ѳ. Леонтовича: Очерки исторіи л.-р. права. Образованіе государственной территоріи.—Совр. Лѣтопись: *А. О—въ*, Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).— **Сентябрь.** *Е. Н. Щепкинъ*: Скандинавскій обрядъ погребенія съ кораблемъ. Рец. на кн. В. Сергѣевича: Русскіе юрид. древности. Т. I, Территорія и населеніе; т. II, Власть. Daremberg et Saglio — Dictionnaire des antiquités grecques et romaines d'après les textes et les monuments, Paris, 1894. Въ отдѣлѣ классич. филол. статья *А. Ѳ. Энмана*: Легенда о римскихъ царяхъ, ея происхожденіе и развитіе (Продолж. въ слѣд.

Digitized by Google

кн. до конца года и въ 1895 г. февр.—апр....).—**Октябрь.** *Д. М. Позднѣевъ:* Замѣтка объ изученіи Китая въ Лондонѣ и Парижѣ. *Г. А. Халатьянцъ:* Начало критическаго изученія исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго.—Рец. на кн.: Joh. Topolovšek—Die Basco-Slavische Spracheinheit, Wien, 1894. Отчетъ Общества Люб. Древней Письменности за 1893 г.—**Ноябрь.** *О. Перiаментъ:* Къ вопросу объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнѣйшему русск. праву.—*А. И. Соболевскій:* Изъ исторіи русск. языка.—*А. С. Хахановъ:* Памятники грузинской отреченной литературы (о Каинѣ, Сетѣ и Ноѣ; хожденіе Богородицы по мукамъ; успеніе Б—цы; эпистолія о Недѣлѣ; гадательныя и лѣчебныя книги).—*В. Ѳ. Миллеръ:* Къ былинамъ о Вольгѣ и Микулѣ.—Рец. на „Пѣсни русск. народа", собр. гг. Истоминымъ, и Дютшемъ, на кн. И. И. Лаппо:—Тверской уѣздъ въ XVI в.; его населеніе и виды земельн. владѣнія.—Отчетъ о 36 присужденіи наградъ гр. Уварова. (о кн. М. Любавскаго: Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Лит.-Русск. государства,—В. Ѳ. Миллера: Экскурсы въ область русск. эпоса, и др.—**Декабрь.** *И. А. Тихомировъ:* Обозрѣніе состава Воскресенскаго лѣтописца.—*Н. В. Волковъ:* Введеніе въ историческое изученіе русскаго языка.—*И. М. Тупиковъ:* Литературная дѣятельность царевича Ивана Ивановича.—*Н. А. Смирновъ:* Изъ литературной исторіи древне-русской образованности XVII столѣтія.—Критика и библіографія: *Л. Н. Майковъ:* Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ.—*А. И. Соболевскій:* Н. Лихачевъ, Библіотека и архивъ московскихъ государей въ XVI столѣтіи. Спб. 1894.—*А. Л. Погодинъ,* W. Schwartz, Nachklänge prähistorischen Voksglaubens in Homer, Berlin, 1894.—**1895. Январь.** *П. В. Владиміровъ:* Введеніе въ исторію русской словесности (I. Общее понятіе о предметѣ и исторія его разработки. Источники и пособія, преимущественно по русской нар. словесности и древне-русской литературѣ. Дѣленіе исторіи русской словесности на періоды. II. Древнѣйшій (до-христіанскій) періодъ въ жизни русск. народа и отраженіе его въ преданіяхъ, языкѣ и въ нар. поэзіи. Язычество и христіанство. III. Русская народная поэзія и ея древнѣйшіе основы)—*С. К. Буличъ:* Дельфійскія музыкальныя надписи. Сообщаются свѣдѣнія о находкѣ въ 1893 г. при раскопкахъ въ Дельфахъ фрагментовъ гимновъ въ честь Аполлона; текстъ вырѣзанъ на камнѣ и сопровождается музыкальными знаками; исторія и результаты изученія указанныхъ памятниковъ, относимыхъ ко II—III вв. до Р. Хр. и приписываемыхъ аѳинскому поэту Клеохару. Въ статьѣ помѣщены текстъ и ноты.—*И. М. Гревсъ:* Очеркъ по исторіи римскаго землевладѣнія во времена имперіи.—Рец. на кн.: P. Lacombe, De l'histoire considérée comme science, Paris, 1894; Новгородскія кабальныя книги 7106 (1597) и 7108 (1599—1600), Спб., 1894; Русская историч. библіотека, т. XII и XIV—Акты Холмогорской и Устюжской епархіи, Спб. 1890 и 1894 (Къ вопросу о крестьянскомъ прикрѣпленіи); E. J. von Tkalac, Jugenderinnerungen aus Kroatien (1749 — 1843). — **Февраль.** *В. М. Владиславлевъ:* Происхожденіе десятины, какъ земельной мѣры. Авторъ вы-



Digitized by Google

сказываетъ взглядъ, что первоначально подъ десятиной подразумѣвалась часть земли, обрабатываемая въ пользу хозяина, именно $^1/_{10}$ часть выти изъ 10 четвертей, употребительной на сѣверѣ, гдѣ, вѣроятно, и зародился обычай считать землю на десятины.—*Д. Н. Кудрявскій*: Рец. на кн. Heinrich Cunow—Die Verwandtichafts-Organisation der Australneger. Stuttg. 1894. — *А. П. Нечаевъ*—о кн. Вилг. Вундта: Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ, въ русск. перев. П. Я. Розенбаха, Спб. 1894.— **Мартъ**. *Вс. Ѳ. Миллеръ:* Замѣтки къ былинамъ (Хотѣнъ Блудовичъ, Ил. Муромецъ и городъ Себежъ).—*А. Н. Гренъ:* Грузинская повѣсть объ Амиранѣ, сынѣ Дареджана, и остатки сказаній о немъ въ картвельской народной литературѣ.—*В. И. Модестовъ:* Фалиски. (Новыя. археол. данныя объ этомъ народѣ.—Рец. на послѣднія изданія Правосл. Миссіонер. Общ. на разговорномъ калмыцкомъ языкѣ, (статья А. Позднѣева), на кн. W. Reichel'a: Ueber Homerische Waffen, Wien, 1894.

**Записки Императорскаго Харьковскаго Университета. 1894. кн. 4.** *Проф. И. В. Нетушиль*: Очеркъ римскихъ государственныхъ древностей.—Библіографія: *Пр-доц. Ляпуновъ*: А. Шахматовъ, Изслѣдованія въ области русской фонетики. Варш. **1893**.—*Пр-доц. Е. К. Рѣдинъ*: Н. П. Собко, Словарь русскихъ художниковъ, ваятелей, живописцевъ, зодчихъ, рисовальщиковъ, граверовъ, литографовъ, медальеровъ, мозаичистовъ, иконописцевъ, литейщиковъ, чеканщиковъ, сканщиковъ и проч. съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Т. I, вып. 1. Спб.

**Иверія. 1895, 60.** Библ.: Переводъ сборника груз. басенъ, извѣстныхъ подъ именемъ: «Книга мудрости и лжи» С. Орбеліани, на англійскій языкъ г-омъ Уордропомъ.—**70.** Христово Воскресеніе въ деревнѣ. *Арбоели.* — Англійскій журналъ о грузин. литературѣ. — **75.** Объ имени «Тамара». *А. Хах—швили.*—**78.** Представленія народа о землетрясеніи и затменіи солнца. *Н. Велисцихели.*

**Изворъ.** Иллюстровано списание за ученици и ученички (въ г. Руссе; ежемѣсячно, кромѣ іюля и авг.). *Юнь* (1894). Езопъ (прод. см. «Э. О.» XXII).—*Сент.* Езопъ (прод.).—*Окт.* Езопъ (окон.).—*1895. Февр. Т. Ц. Т.*: Въ село (Картинки изъ современной жизни).—*Радославъ Козмановъ* (ученикъ): Милкина свадьба (изъ нашей народной жизни). Нѣсколько словъ о швейцарцахъ. Гл. I. (Народн. бытъ).—*Мартъ.* Народные праздники въ Швейцаріи Гл. II. (прод. предыдущаго. По этому же предмету рекомендуется статья д-ра *Д. Т. Стратимирова* въ журн. «Мисъль», годъ III, кн. 1).

**Искра.** Всѣкимѣсечно научно-литературно и общественно списание. (Годъ V, Шуменъ). **Кн. 9.** *Дмитрій Анучинъ*: Търново и Шипка (оконч.). — *З. Кировъ*: Путевыя замѣтки (авторъ останавливается на достопримѣчательностяхъ нѣкоторыхъ мѣстъ Котленскаго округа).

**Кавказъ. 1895, 60.** Въ горахъ Дагестана (путевыя замѣтки и разсказы горцевъ). *Алихановъ-Аварскій.*—**69.** Культура кукурузы на Кавказѣ. *А. Натроева.*—**84.** Періодическія измѣненія ледниковъ (изъ ст. Charles Rabot, помѣщенн. въ «Illustration» (іюль 1894).—**95.** Библ.

Digitized by Google

*Emile Levier*. A travers le Caucase. Neuchatel. *Н. Дингельштетъ*.—**98**. Махкинанъ (Ингушская пѣсня-легенда).—**115**. Овцеводство и его промышленное значеніе въ Закавказьѣ. *А. Натроева.*

**Карсъ. 1895, 3**. О населеніи Карсской области.

**Квали** (еженед. груз. журналъ). **1895, 13**. По поводу собиранія груз. устныхъ произведеній по иниціативѣ писателя кн. Ак. Церетели. **16**. Къ статистикѣ грузин. народа. *А. Хаханашвили*.

**Киргизская степная газета. 1894. 19**. Легенда о происхожденіи кара-киргизъ.—**20**. Сказаніе о происхожденіи степныхъ киргизъ.—**33—35**. Положеніе современной киргизской женщины, по народн. пѣснямъ.—**46**. Грубая благодарность (киргиз. басня). — **47**. О суевѣріяхъ киргизъ: легенды о происхожденіи земли, о явленіяхъ природы и объ эпизоотіяхъ въ связи съ послѣдними.—**48**. Кирг. сказка. — **51**. Лирическія пѣсни киргизъ.—Ханъ и нищій странникъ (восточное сказаніе).—Татары и сарты (краткая характеристика).

**Ковенскія Губ. Вѣд. 1894**. (Прибавл.). **96**. Крѣпкіе напитки у др. индѣйцевъ (изъ «Прав. В.»).— **1895. 7—8**. *Дѣделевъ*: Старообрядцы Яновской вол., Ковенской губ. и уѣзда (Помѣщено интересное описаніе молитвеннаго дома, порядка молитвословій и объ обязанностяхъ наставника яновскихъ старообрядцевъ).—**9**. Литовская княжна (мѣстная литовская легенда). Стихотв. *Бантыша*. Суть легенды: любящая дочь богатаго литвина не соглашается креститься, за что отецъ сажаетъ ее въ подземелье: до сихъ поръ изъ-подъ земли въ ночной тиши раздаются стоны и разносятся надъ Виліей.—**13**. Археологическая находка въ Ново-Александровскомъ у. (монеты XVII в.).

**Костромскія Епарх. Вѣд. 1895. 4**. Село Рылѣево, Галичскаго уѣзда (по церк.-прих. лѣтописи). — **5**. Народная легенда о св. Андреѣ Критскомъ (изъ «Бѣлор. сборн.» Романова, вып. 4; сдѣлано сопоставленіе съ житіемъ святого въ Чет.-Минеяхъ).—**7**. Апокрифическое сказаніе о Іудѣ-предателѣ (Іуда, какъ Эдипъ, убиваетъ своего отца и женится на матери).

**Кубанскія Областн. Вѣд. 1895, 1, 3, 5**. Рождественскія святки (отрывки изъ малорусскаго народнаго календаря).—**30**. Масляница (отрывки изъ малорусскаго нар. календаря).—**39, 40, 42**. Къ вопросу о происхожденіи хоперскихъ казаковъ. *Е. Фелицина*.—**53**. Замѣтки о частномъ землевладѣніи въ связи съ вопросомъ о необходимости введенія частнаго межеванія въ краѣ.—**57, 59**. Прогулка въ горы. *Ю. Бѣлоусова*.—**61, 62, 63**. Очеркъ (археол.) Кубанской обл. и Черноморья. *М. Сысоева*.—**69**. Великій постъ (отрывокъ изъ малорус. народ. календаря). *М. Дикарева*.—**76**. По поводу лекціи г. Сысоева. *Мельникова-Разведникова*.—**77**. Черноморская свадьба. *П. П. Короленка*.—**71, 72**. 32 года изданія «Куб. Обл. Вѣд.». *И. Дмитренка*.—**82**. Съ дороги (Сухумъ, Поти...). *Его же*.—**80**. Штунда.

**Mélusine. 1894. Janvier — Février**. *H. Gaidoz*: Le grand Diable d'argent, patron de la finance. Г-нъ Гэдозъ продолжаетъ издавать матеріалы, касающіеся представленія о дьяволѣ, искушающемъ деньгами лю-

Digitized by Google

**дей всѣхъ сословій и занятій.**—*H. Gaidoz*: La chanson de Petit-Jean.—*Th. Volkov:* La fraternisation. **Продолженіе матеріаловъ, касающ. побратимства у разныхъ народовъ—вопросъ, которому** Mélusine **уже нѣсколько разъ давалъ мѣсто.**—Chansons populaires de la Basse-Bretagne: XXXVII, Perrinaie, par M. Tamizey de *Larroque*; XXXVIII, XXXIX—XL, Chansons vannetaises, par M. F. *Cadic*.—M-lle de *Schoultz-Adaïevsky:* Airs de danse du Morbihan (suite)—*J. Tuchmann*: La Fascination: c) Thérapeutique (suite).—Bibliographie: **рец. на кн.** Alb. Dietrich: NEKVIA. Beiträge zur Erklärung der neuentdeckten Petrusapocalypse, Leipzig. 1893, **и на кн.** Madoc: An Essay on the Discovery of America by Madoc ap Owen Gwynedd in the Twelfth Century. By Thomas Stephens. Edited by Llywarch Reynolds. London, Longmans, 1893.—**Mars—Avril.** *H. Gaidoz*: L'opération d'Esculape. **Прод. матеріаловъ, касающихся легендъ о св. Элоа** (St. Eloi), **покровителѣ кузнецовъ. Чудо святого заключается въ томъ, что онъ подковалъ лошадь не обычнымъ способомъ, но отрѣзавъ ей сначала ногу, а потомъ приставивъ ее уже подкованную на мѣсто.** — *S. Berger*: Les noms des Rois Mages.—*G. Doncieux*: La pénitence de St. Madeleine, chanson catalone.—*H Gaidoz:* Les pieds ou les genoux à rebours.—*J. Tuchmann*. La Fascination: c) Thérapeutique.—*H. Gaidoz:* L'Anthropophagie·—**Въ отд. библіографіи рецензіи на кн.** Kachler, Reinhold: Aufsätze über Märchen u. Volkskunde. Berlin, Weidmann, 1894; **на кн.** Knoop, Otto: Sagen u. Erzählungen aus der Provinz Posen. Posen, Jolowicz, 1893; Journal de la Société Finno-Ougrienne T. XI. Helsingfors, 1893; **на кн.**: Legends of the Micmacs, by the Rev. Silas Tertius Rand. New-York and London, Longmans, Green a. C°. 1894.—**Mai—Juin.** *H. Gaidoz*: 'Le grand Diable d'argent.—J. Couraye du Parc: La procédure du jeûne.—M-lle Schoultz-Adaïevsky: Airs de danse du Morbihan (suite).—*P. Laurent*. Chanson populaires de la Basse Bretagne: XLI Sonnen er gouail.—*H. Gaidoz*: Les pieds ou les genoux à rebours.—*Tuchmann*: La Fascination: c) Thérapeutique (suite).—*H. Gaidoz*: Oblations à la Mer et présages.—*H. Gaidoz*: L'enfant qui parle avant d'être né.—*H. G.* L'Etymologie populaire et le Volk-lore (**о св. Понедѣльникѣ**—St. Lundi, **покровителѣ башмачниковъ**). **Въ отд. библіографіи рец. на слѣд. книги:** 1) P. Regnaud: Les premières formes de la religion et de la tradition dans l'Inde et dans la Grèce. Paris, Leroux, 1894. 2) The first nine Books of the Danish history of Saxo Grammaticus, by Oliver Elton and Fréderic York Powel. London, Nutt, 1894. 3) Volksgeneeskunde in Vlaanderen door A. de Cock. Gent, Vuylsteke, 1894.—**Juillet—Août.** *H. Gaidoz*. Le Cinqcentenaire de Mélusine (7 Août 1894).—*Его же*: Le Fraternisation.—*Его же*: L'Etymologie populaire et le Folk-lore.—*Его же*: St.-Eloi. **Пространная монографія о святомъ: легенда, относящаяся къ нему, вѣрованіе, что онъ покровитель лошадей и кузнецовъ, братство имени его, существов. во Франціи. Въ отдѣлѣ библіографіи рец. на кн.** Old Celtic Romances, translated from the Goelic, by P. W. Joyce, second édit, London,

Digitized by Google

Nutt, 1894; на кн. Alice Gomme: Children's Singing Games.—**Septembre—Octobre.** *G. Doncieux*: La Blanche Biche. Мотивъ пѣсенъ о бѣлой лани: превращеніе въ лань женщины.—*H. Gaidoz*: Le mariage en Mai. Вѣрованіе у различныхъ народовъ, что браки въ маѣ несчастны. *P. Le Blanc*: Un chant de quête du Brivadais.—*Tuchmann*: La Fascination (suite).—*H. G.*: L'Etymologie populaire et le Folk-lore. Въ отд. библіографіи рец. на кн. Comte de Charencey: Le folk-lore dans les deux mondes. Paris, Klinchsieck, 1894.—**Novembre—Décembre.** M-lle *Schoults-Adaïevsky*: Air sde danse du Morbihan.—L'Arc en Ciel.—*F. Cadic* et *Ernault*: Chansons populaires de la Basse-Bretagne.—*H. Gaidoz*: La Voie lactée.—*Его же*: La fraternisation.—*Его же*: L'Etymologie populaire et le Folk-lore.—*P. Boyer*: Sorciers et sorcières tchouktches, traduit du russe (фельетонъ А. Б. въ «Русск. Вѣдом.»).—*Tuchmann*: La Fascination (suite).—L'enfant qui parle avant d'être né.—Рец. на кн. Sophie von Torma: Ethnographische Analogien; на кн.: G. Georgeakis et L. Pineau: Le folk-lore de Lesbos. Paris, Maisonneuve, 1894; на кн: Marjory Wardrop: Georgian folk tales. London, Nutt, 1894; на кн. A. Gomme: Children's Singing Games. Second series. London, Nutt, 1894.

**Минскія Епарх. Вѣд. 1894. 24.** *Богдановскій:* Монастыри Минской епархіи съ древн. времени (продолж. въ №№ 1 и 2, 1895 г.).—**1895, 1.** Замѣтки православнаго бѣлоруcса (есть замѣтки о народн. праздн.).—**3—4.** *Вержболовичъ*: Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (продолж.: 1817—1844 г.).

**Моамбе. 1895. 2, 3, 4.** Педагогическое и культурное значеніе народной поэзіи. *М. Кел—дзе.*—**3.** Волненіе въ горахъ въ 1804 году. *А. Прочели.*—**2—3.** Гогіа, разсказъ изъ крестьянской жизни. *Галдегили.*—**4.** Замѣтки о грузинскомъ языкѣ. *Гр. Кипшидзе.*—Шилда (археологич. описаніе). *Шилдели.*

**Мцхемси. 1895. 5, 6—8.** Плачъ Адама по изгнаніи изъ рая, по рукописи, сохранившейся въ стихахъ (продолж.).—**5—8.** Проектъ преобраз. Грузіи, представленный царевичемъ царю Георгію XII.

**Новгородскія Губ. Вѣд. 1895. 3.** *А. К.* Тихвинскіе чухари. О кайванахъ, населяющихъ сѣв. и восточ. окраины Тихвинскаго у., отъ с. Вонозера до Пелушъ; русскими называются «чухари»; малая распространенность русск. яз. среди чухарей, характеръ, курныя избы, эконом. бытъ, передвиженіе лѣтомъ на «смычкахъ» (двѣ длинныя жерди, которыя припрягаютъ къ лошади, какъ оглобли экипажа; по срединѣ длины этихъ жердей укрѣпляютъ дощечки, на которыхъ помѣщаютъ багажъ путника; послѣдній садится верхомъ на лошадь). Сказительница былинъ крестьянка И. А. Ѳедосова. О пребываніи послѣдней въ Петербургѣ. — **7.** Среди Поозеровъ: способы ловли рыбы на Ильменѣ; суевѣрія.—**11—12.** Масляница; о празднованіи масляницы въ древн. Руси и въ настоящее время въ разн. мѣстностяхъ.—**13.** Прощеный день въ старину (XVII в.). *П. П. Соколовъ:* О значеніи приходовъ въ Новгородской землѣ до XVIII в.—**14—17.** *П. Соколовъ*: О значеніи приходовъ. — **18.** *Кн. Н. Еникѣевъ*:

Digitized by Google

Черезполосность, какъ зло крестьянскаго хозяйства.—*N.*: Явъ-Яжелбицы, этногр. оч.; Яжелбицы — село Валдайскаго у. Преданія, этногр. бытъ Продолж. въ № 19: Клады, др. городище, сказаніе о Литвѣ.

**Новое Обозрѣніе. 1895. 3843, 3844.** Панмонголизмъ. *Ч. Р. Мостовичъ.*—**3850.** Библ.: «Этногр. Обозр.», кн. XXIII. *А. Хах—ва.*—**3855.** О грузинскомъ народномъ пѣніи. *И. Карiаретели.* — **3866, 3874.** Письма изъ Кахетіи (требованія духовенства съ крестьянъ).

**Nuova Antologia.** (Roma, 24 книги въ годъ). Anno XXIX. **1894. I.** Извѣстіе о судьбѣ этнографической коллекціи кап. Кука, привезенной имъ изъ третьяго путешествія съ острова Гаваи и др. (по брошюрѣ проф. Gigliolі въ Римѣ).—Извѣстіе о предпринятомъ фирмою Cambridge University Press изданіи въ нѣсколькихъ томахъ исторіи Будды, «Pali Játaka», съ англійскимъ переводомъ, подъ ред. проф. Cowell. Оригиналъ пали содержатъ первые 5 томовъ. — **II.** *Adolfo Venturi*: Il Presepe. (Иображеніе Рождества Христова въ послѣдовательномъ развитіи и видоизмѣненіи отъ катакомбъ до Корреджіо; затронуты и апокрифическія евангелія). — *Ginglio Adamoli*: A Cuba (путевыя наблюденія надъ жизнью рабочихъ на плантаціяхъ. Оконч. въ кн. III).—*P. Molmenti* e *D. Mantovani*: Le Isole della lagana Veneta (бѣглые наброски съ нѣкоторыми историко-археологич. и этногр. чертами).—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ 2-го тома румынскихъ пѣсенъ, собр. Еленой Вакареско, въ переводѣ Карменъ Сильвы и Альмы Стреттель на англ. яз.): The Bard of the Dimbovitza (Лондонъ).—**V.** *Orazio Marucchi*: Notizia archeologica (по поводу изданія Академіей dei Lincei II и III том. «Monumenti antichi». Эти томы содержатъ преимущественно надписи этрусскія и критскія, изъ которыхъ одна величиною около 15 кв. метровъ содержитъ текстъ критскихъ законовъ, относящихся къ имуществу, наслѣдованію, браку, разводу, рабовладѣнію и пр. Высѣчена на мраморѣ около пятаго вѣка до Р. Х.). Рец. на кн. Gennaro Finamore: «Tradizioni popolari abruzzesi. Palermo. 1894», составляющую XIII т. собранія «Curiosità tradizionali», редактеруемаго Питрé. Д-ръ Финамора извѣстенъ своими этнографическими трудами; его Vocabolario dell'uso abruzzese вышелъ вторымъ изданіемъ съ дополненіями. — **VII.** *Mutius*: Giganti scomparsi. (Останавливаясь на результатахъ изслѣдованій Георга Мюллера, погибшаго на Мадагаскарѣ, авторъ касается исчезнувшихъ гигантовъ фауны, отчасти ставшихъ легендарными).—**IX.** *Mario Menghini*: «La Società nazionale per la studio delle tradizioni popolari». (Говоря о задачахъ названнаго общества, основавшагося въ Римѣ въ 1893 г., и о его журралѣ «Rivista per la tradizioni popolari italiane», авторъ касается современнаго положенія фольклористики въ другихъ странахъ).—Рец. на кн.: 1) Le tradizioni popolari di S. Stefano di Calcinaia (близъ Флоренціи), raccotte da Aless. de Gubernatis, con proemio di Angelo de Gubernatis. Roma. 1894; 2) Le vecchie danze italiane ancora in uso della provincia Bolognese, ricerche di Gospare Ungarelli. Roma. 1894. Сборникъ де-Губернатиса содержитъ народные разсказы, описаніе обычаевъ, повѣрья, нар. медицину, суевѣрн. молитвы, пословицы, загадки, пѣсни. Книга Унгарелли

Digitized by Google

основана отчасти на документахъ XIV — XVI вв. и главнымъ образомъ трактуетъ о XVIII в., между прочимъ на основаніи пьесъ народнаго репертуара. Рец. на кн.: La questione del divorzio e gli israeliti in Italia, del prof. Vittorio Polacco. Padova. 1894. — X. Рец. на кн. Ломброзо: «L'antisemitismo e le scienze moderne». Torino. 1894. Извѣстія о выходѣ въ свѣтъ книгъ: Bernard Lazare: L'antisemitisme, son histoire et ses causes; G. Masperi: Histoire ancienne des peuples de l'Orient; Smith, Dictionary of Mythology, Biography and Geography, нов. изд. подъ ред. G. Marindin; H. Schack-Schackenburg, Aegyptologische Studien, 2 vol. (Leipz.).—XI. Статья *Marucchi* о находкахъ въ римскихъ катакомбахъ.—Въ мелочахъ—извѣстія объ археологич. находкахъ въ разныхъ мѣстахъ Италіи, Сициліи и Сардиніи.—XII. *Filippo Porena*: Le spedizioni geografiche degli antichi Romani.—XIII. *Luigi Robecchi Bricchetti*: I nostri protetti, I Galla. (Общественное положеніе, нравы, обычаи, пѣсни—въ переводѣ).—XV. *Ersilia Caetani Lovatelli:* L'anticho culto di Bona Dea in Roma. (Эту богиню, носившую разныя мѣстныя наименованія, авторъ причисляетъ къ главнѣйшимъ божествамъ древнѣйшей италійской религіи и считаетъ ее принадлежностью культа пастушескаго и земледѣльческаго).—Рец. на кн. Domenico Merlini: Saggio di ricerche sulla satira contro il villano, con appendice di documenti inediti. Torino. 1894. — Извѣстія объ археологическихъ находкахъ въ Италіи.—XVII.—Рец. на Canti popolari serbi, tradotti da Giov. Nicolić. Zara. 1894. — XVIII. *Giov. de Riseis*: Feste Giapponesi. Riccordo di viaggio. (Йокогама, Токіо — тезоименитство микадо и историч. праздникъ Chicù).—XIX. Рец. на кн.: 1) Un miracolo della Madonna, la legenda dello sclavo Dalmasina, ricerche di Leandro Biadene. Bologna. 1893. (Легенда о томъ, какъ Богородица замѣнила собою приверженную ей почитательницу, которую мужъ, для полученія богатства, записалъ на время въ распоряженіе дьяволу. Книжка представляетъ всестороннее изслѣдованіе). 2) La fede nel sopranaturale e la sua efficacia sul progresso della società umana, saggio storico-religioso di Luisa Anzoletti. Milano. 1894. (Этюдъ изъ исторіи религій съ нео-католическимъ оттѣнкомъ).—XXI. *Caterina Pigorini Beri*: I nostri confini: Dagli, Slavi ai Valdesi, замѣтки изъ поѣздки по сѣвернымъ окраинамъ Италіи и наблюденія надъ смѣшеніемъ народностей: итальянцевъ, французовъ и славянъ. Преданіе о чортовомъ мостѣ и пр. Особенное вниманіе удѣлено италіанизированнымъ словинцамъ, при чемъ мимоходомъ характеризуется ихъ костюмъ, пища, обычаи, вѣрованія, языкъ; упоминаются, напр.: powodwe device—водяныя дѣвы, русалки, bele zone—бѣлыя женщины, населяющія фантастич. страны, bozie deklice (dewice?)—божественныя дѣвы, rojence—рожаницы, skrat, skrater въ красной шапочкѣ, гроза дѣтей, покупающій также души людей при жизни, catez—получеловѣкъ, полукозелъ, покровитель пастуховъ, не любящій роговъ divzi (?) moz—лѣсной человѣкъ, любитель дѣвушекъ, tatrman—мѣстный Нептунъ, volkodlaki—упыри, polkonji—нѣчто въ родѣ кентавровъ, pesoglavci—пьющіе христіанскую кровь—память о набѣгахъ турокъ на Фріульскую область, заселенную славянами, tork или torklje—инкубы

Digitized by Google

пряхъ, работающихъ въ среду и субботу, more—вѣдьмы, пролѣзающія въ замочную скважину, bradovike и krivopete—вѣдьмы съ вывороченными назадъ ногами, пятками впередъ, и разные другіе духи: duhovi, strahovi, movje и пр. (Оконч. въ кн. XXIII. При заглавіи указана относящаяся литература, преимущественно итальянская). Рец. на кн.: 1) Le Folk-lore de Lesbos, par G. Georgeakis et Léon Pineau. Paris. 1894. (Пино раньше уже издалъ Contes populaires du Poitou и Folk-lore du Poitou). 2) Proverbi toscani, specialmente lucchesi, raccolti dal prof. Ildefonso Nieri. Lucca. 1894. Это дополненное изданіе прежняго труда: Modi proverbiali toscani (1893); еще раньше (1889 и 1891) Ньери издалъ Racconti popolari lucchesi. Собранію пословицъ предшествуетъ изслѣдованіе о нихъ. Кстати будетъ напомнить старые сборники итальянскихъ пословицъ Giusti и Capponi. Firenze. 1853.—**XXII.** *Luigi Robecchi Bricchetti*: I nostri protetti: gli Harrarini e i commerci coll' Harrar. (Авторъ относитъ племя Harrar вмѣстѣ съ описанными имъ раньше Galla и Somali къ одной эѳіопской вѣтви. Попутныя наблюденія надъ разными сторонами быта, легенда о шейкѣ Абадирѣ и пр.). Рец. на кн.: 1) Usi nuziali nel centro della Sardegna, descritti da Francesco Poggi. Sassari. 1894. 2) Antonio Veneziano nella tradizione popolare siciliana, discorso di Giuseppe Pitré. Palermo. 1894. (А. Венеціано, народный итал. поэтъ XVI в., рисуется въ народномъ воображеніи, почти наравнѣ съ Виргиліемъ, съ нѣкоторыми миѳическими чертами.—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ (Paris, Larousse) вторымъ изданіемъ книги: La Russie géographique, ethnologique, historique, religieuse, littéraire, artistique, scientifique, pittoresque etc., составленной при участіи многихъ сотрудниковъ, съ 200 гравюр. и этнографической картой въ краскахъ.—**XXIII.** Dagli, Slavi ai Valdesi (см. кн. XXI). Рец. на кн.: 1) Chants des bédouins de Tripoli et de la Tunisie, trad. d'après le recueil du dr. H. Stumme par Adrien Wagnon. Paris. 1894. 2) Una reduzione tosco-veneto-lombarda della legenda versificata di S-ta Caterina d'Alessandria, a cura di Rodolfo Renier. Roma. 1894.—Археологическія извѣстія. Извѣщеніе о выходѣ въ свѣтъ (Лондонъ, Heinemann) книги Henry Lavage-Landor: Corea; its customs and people, съ рис.—**XXIV.** Рец. на кн.: 1) Canti popolari calabresi, raccolti dagli Ufficiali ed Allunni del Convitto Nazionale «Tommaso Campanella» di Reggio di Calabria. Siena. 1894; 2) Les divinités de la Victoire en Grèce et en Italie, d'après les textes et les monuments figurés par André Baudrillart. Paris. 1894.—Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ кн. d-r Waddel'a о Буддизмѣ въ Тибетѣ (Лондонъ, Allen) и предпринимаемой издателемъ Giun et C° (Pensylvania) серіи по исторіи религій: The religion of India, by E. W. Hopkins; The religions of Babylonia and Assyria, by Morris Jastrow; The religion of the ancient Teutons, by P. D. Chantepie.— Anno XXX. **1895, I.** *Gino Monaldi*: I canti popolari e la loro influenza sull'opera teatrale. (Общія замѣчанія, историческія справки, примѣръ Беллини).—*Luigi Bobecchi Bricchetti*: I nostri protetti—Abissini e Somali. (Общая характеристика, семейный и юридч. бытъ, поэзія, пѣвцы gabbajá, вѣро-

Digitized by Google

ванія, религіозныя общины, занятія). Рец. на кн.: Il Natale nel Cavanese», pubblicato e commentato da Cost. Nigra e Delf. Orsi: Torino. 1894. (Книга трактуетъ о рождественской народной драмѣ)—I—II. *Carlo de Stefani.* La lotta dei popoli nella penisola Balcanica. (Борба народностей на Балкан. полуостровѣ).

**Пермскія Губ. Вѣд. 1895. 2.** Изъ Кунгурскаго уѣзда (нѣсколько данныхъ о кустарномъ сапожномъ промыслѣ).—3. Находки въ Гватемалѣ (оружіе).—12. По Чердынскому уѣзду (бытовой очеркъ, окончаніе).—13. Черемисы Пермской губ. (извлеченіе изъ доклада Д. П. Никольскаго въ Географ. О—вѣ въ СПб.).—14. А. Васнецовъ: «Пѣсни сѣв.-восточной Россіи» (рецензія).—19. Пермскіе кустари.—62. *Дмитріевъ:* «Ураза» въ башкирской деревнѣ (магометанскій постъ).—65. Въ глуши (бытовой очеркъ Чердынскаго уѣзда).—66. Камско-Волжскій край и Черноморье.—78. Первое посѣщеніе Россіи китайцами (историч. очеркъ). —85—86. Корейская королева (Изъ «New-York-Herald»).—89. Древнѣйшая библіотека въ мірѣ (археолог. находки въ Ниневіи).—95. *Дмитріевъ:* По башкирскимъ деревнямъ. «Байрамъ».

**Пермскія Епарх. Вѣд. 1895. 4.** Краткая исторія происхожденія австрійскаго священства.—7. Свящ. *Холмогоровъ:* Георгій Конисскій, арх. бѣлорусскій (по случаю 100-лѣтія кончины).

**Просвјета,** Лист за цркву, школу и поуку. На Цетиньу. **Год. II. (1894). Св. XI.** *Симо С. Теричь:* Злая жена. Хозяинъ и поденщикъ (народ. разсказы).—*С. Баньац:* Загадки (изъ Боснійской Краины: 57—85).—*Херцег-Нови* (сообщ. В. Радојевичь): Сербскія народныя поговорки и разныя изреченія (оконч.).—*Гавра В. Гојковичь:* Женскія народныя пѣсни (изъ Славоніи).—**Св. XII.** *С. Баньац:* Загадки (изъ Босн. Краины).—*Симо С. Теричь:* Народныя пословицы.—*Его же:* Отрывки эпич. пѣсенъ.—*Гојковичь:* Женскія пѣсни.—**Год. III (1895). Св. I** (ноябрь 1894 г.).—*Н. П. Анджеличь:* Царь и зол. яблоня (народн.).—*Ил. Н. Златичанин:* Юнацкія пѣсни.—*Гојковичь:* Женск. нар. пѣсни (изъ Славоніи).

**Русская Мысль. 1894. Декабрь.** *В. И. Семевскій:* Рабочіе на сибирск. золотыхъ промыслахъ въ 60-хъ гг. (оконч.).—*А. А. Исаевъ:* Замѣтки о нѣмецкихъ колоніяхъ въ Россіи.—*И. Д—овъ:* Психологія «преступной» толпы.—*Л. А. Кирилловъ:* Японія, ея государственный, общественн. и экономич. строй (оконч., см. окт.).—*В. Д. Соколовъ:* Москва—Самаркандъ (оконч.).—Рец. на кн.: Etude ethnographique et juridique sur la famille et le mariage arméniens, par. Ad. Mégavorian, Lausanne, 1894.—**1895. Январь.** *В. И. Семевскій:* Нѣсколько словъ въ память Николая Михайловича Ядринцева.—Рец. на кн. Э. Реклю: Земля и люди. Т. XII и XIII. СПб. 1893.—Рец. на кн.: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ и инородцевъ Зап. Сибири. Вып. XXI.—Рец. на кн.: Главнѣйшія данныя поземельной статистики по изслѣдованію 1887 г.—Рец. на кн.: Волости и населенныя мѣста 1893 г.—**Февраль.** Рец. на кн. В. В.: Артель въ кустарномъ промыслѣ. СПб. 1895.—Рец. на брош. С. Ф. Руднева: Промыслы крестъ-

Digitized by Google

янъ въ Европейской Россіи.—**Мартъ**. *Л. С. Личковъ*: „Гдѣ правда"? (Къ вопросу о „поѣздкахъ" для изслѣдованія Сибири). По поводу доклада проф. Гарничъ-Гаранцкаго: Изъ поѣздки по Восточн. Сибири, чит. въ Вольно-Эконом. Общ. въ 1893 г.—Рец. на кн. Масперо: Древняя исторія народовъ Востока, перев. съ 4-го изд. Изд. К. Солдатенкова. М. 1895.—Рец. на: „Алтайскій Сборникъ". Изд. Общ. любителей изслѣдованія Алтая. Томскъ. 1895.—Рец. на кн. А. Краснова: По островамъ далекаго Востока. Путевые очерки. Изд. ред. „Недѣли". СПб. 1895.—**Апрѣль**. Рец. на кн. Вацлава Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. Спб. 1895.

**Русское Богатство. 1895. Январь**. *Л. Закъ*: Историческій матеріализмъ (По поводу кн. Фр. Энгельсъ: Происхожденіе семьи, частной собственности и государства. СПб. 1894).—**Февраль**. *Н. А. Карышевъ*: Народно-хозяйственные наброски. XVII. Крестьянское землевладѣніе и община въ Херсонской губ.—Рец. на кн. В. Сѣрошевскаго (Сирко): Якутскіе разсказы. СПб. 1894.—**Мартъ**. *Н. М. Соколовскій*: Въ одномъ изъ захолустьевъ (очерки и наблюденія).—*Н. Карышевъ*: Народно-хозяйственные наброски. XVIII. Земледѣльческія орудія и пришлые рабочіе на Сѣв. Кавказѣ.—Рец. на кн. В. В.: Артель въ кустарномъ промыслѣ. СПб. 1894.

**Самарскія Губ. Вѣд. 1895. 12—13**. Верблюдоводство въ Тургайской области.—**26—28**. Древности, найденныя въ Самарской губ. и хранящіяся въ Сам. Публ. Музеѣ.

**Саратовскія Губ. Вѣд. 1895. 4**. Преданіе объ основаніи Мордовскаго села Донгузлей, Невѣркинской вол., Кузнецкаго уѣзда.—**7**. С. Колояръ, Волынскаго уѣзда (бытовой очеркъ).—**8**. С. Мокрое, Петровскаго уѣзда (толкованіе названій нѣкоторыхъ мѣстныхъ урочищъ.—**16, 21, 28**. *Минхъ*: Историко-географическій словарь Саратовской губ. (нѣмецкая колонія Щербаковка, село Жирное и Авиловъ поселокъ).—**19**. *Минхъ*. Археологическая находка—ископаемый быкъ (bos prim., туръ); найденъ черепъ въ с. Лохъ, Сарат. уѣзда.

**Сибирскій Листокъ. 1894. 44**. Н. М. Ядринцевъ (некрологъ).—**45**. Н. М. Астыревъ (некрологъ).—На крайнемъ сѣверовостокѣ Сибири (отчетъ поруч. *Олсуфьева* о командировкѣ въ Колымскій край).—**46**. Н. М. Ядринцевъ —По поводу статьи Осипова о поземельномъ устройствѣ сибирскихъ крестьянъ.—**47—48**. Еще нѣсколько словъ о Н. М. Ядринцевѣ.—**49**. Объ экспедиціи докт. Нансена (изъ Приамур. Вѣд.).—**50**. *К. Ш.*: Послѣдніе дни жизни Ядринцева.—**52**. Изъ якутской жизни (о мѣстныхъ скопцахъ по поводу статей гг. Діонео и Дагора).—**56**. Экспедиція барона Толя на Новосибирскіе острова.—**56—58**. *Карымскій, П.*: Ангарскія письма. VIII. (Кашина шивера. Глухая и Брянская шиверы. Селеніе Чадобецъ. Мурскій порогъ). — **59 и 57**. Замѣтка о статьѣ г. Чудновскаго: Очерки народ. юрид. быта Алтайскаго горнаго округа (Рус. Бог. 1894, 7—9).—**61**. *Проф. Якобій*: О причинахъ вымиранія инородцевъ.—**62—64**. *Швецовъ, С.*: Формы крестьянскаго землевладѣнія на Алтаѣ.—**74**. Командорскіе острова. Лекція г. *Гребницкаго*.—**75—77**. —*въ*: Одинъ изъ вопросовъ экономической жизни Обдорска.—**79**. Русскія селенія въ Семи-

Digitized by Google

рѣченской области (изъ «Степного Края»).—**84**. Объ экспедиціи Виггинса (изъ «Енис. Листка»).—**85—86**. *Г—въ, А.*: Очерки рыболовства въ нѣкоторыхъ округахъ Тобольской губ.—**87**. *Зарницынъ*: Замѣтка о статьѣ В. Семевскаго: «Рабочіе золотыхъ пріискахъ въ 60-хъ годахъ».—**88**. Положеніе населенія южной части Акмолинской области (о статьѣ Ю. Шмидта въ Зап. Сиб. Отд. И. Г. О., XVII, 2). — **90**. Жатаки (обѣднѣвшіе киргизы, изъ «Кирг. Газ.»)—**93**. *Штильке, В.*: Изъ жизни алтайской деревни.—**95**. Переселенія на Алтай въ 1893 г.—**96**. *Т. С. Л.*: Приамурскій край (по книгѣ г. Грумъ-Гржимайло).—Алтайскій сборникъ, вып. I. (рец.).—**98**. Забайкальское казачье войско (статист. данныя).

**Смоленскій Вѣстникъ. 1895. 13.** *Деревенскій житель*: Одиннадцатый. (Разсказъ старика: сапожникъ отъ бѣдности рѣшается похитить у покойницы кольцо съ руки, чѣмъ ее и оживляетъ.)—**15, 17**. *Деревенскій житель*: Дневникъ сельскаго обывателя.—**18**. Изъ народной метеорологіи («Сынъ Отеч.»). — **36**. По сѣверо-западному краю (Раскольники сѣв.-зап. края).—**42**. Радоница.—Смѣсь: Пасхальные обычаи и пѣсни въ Орловской губ. (дѣти—«лалынщики», выпрашивающія съѣстного).—**48**. Юхновскій уѣздъ (Волшебн. фонарь въ деревнѣ: чтеніе по зоологіи вызвало интересныя замѣчанія).

**Смоленскія Губ. Вѣд. 1895. 1, 2**. Святки на Руси (рождеств., перепеч. изъ «Прав. В.»).—**7**. Прощеный день въ старину (изъ «Прав. В.»).

**Сѣверный Вѣстникъ. 1895. Январь.** *А. Исаевъ:* Переселенческое дѣло съ начала 80-хъ годовъ.—Рец. на кн. П. Шейна: Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверо-западнаго края, т. II.— **Февраль**. *Л. Павловъ*: Яблоко раздора (очеркъ Кореи).—Рец. на кн. «Путешествіе по Туркестану Н. Сѣверцева и А. Федченко». Изложено М. Ляляиной. Спб. 1894. — Рец. на кн. «По средней Азіи», записки художника Л. Е. Дмитріева-Кавказскаго. Спб. 1894.—**Апрѣль**. *А. Исаевъ*: Памяти Н. М. Ядринцева, друга переселенцевъ.—*В. Стасовъ*: Мои воспоминанія объ Александрѣ Викторовнѣ Потаниной. — Въ отдѣлѣ: «Провинціальная печать» (Л. Прозорова)—замѣтки о крестьянскихъ артеляхъ Херсонской губерніи и о сектѣ «бѣлоризцы» въ Симбирскѣ.

**Тобольскія Губ. Вѣд. 1894. 22**. Киргизскія легенды о происхожденіи киргизъ. Алтай-пастухъ.—О богатомъ корунебаѣ.—Собачка и кошка (киргизская басня, перепечатана изъ «Кирг. Газ».). — **23**. Кара-Джигитъ (кирг. сказка, заимствов. изъ «Киргизской Степной Газеты», куда сообщена Войцеховичемъ).—**29**. Параша (изъ сибирскихъ сказокъ). *Ив. Устюжанина*.—**32**. Карагольская долина и водопадъ «Шинъ» (изъ экскурсій по Алтаю). *А. М. Головачева*. Описаніе природы долины; жители Алтая, ихъ жертвоприношенія, молитвы; жилище алтайца.— **33**. Старикъ Шіязъ (киргизская сказка, изъ «Кирг. Газеты», указывающая на борьбу человѣка съ природою).—**36**. Гиляки (по сахалинскимъ записямъ). *А. И. Угрюмова* (мѣстность, которую они занимаютъ, число ихъ, общественный и домашній бытъ, семья и взаимныя отношенія, школа въ селѣ Михайловскомъ для гиляковъ). — **52**. Черемисы. Этнографическій очеркъ *А. И. Угрюмова* (территорія, занимаемая ими, наружный видъ ихъ, религія и обряды).

Digitized by Google

**Трудъ. 1895. Январь.** Въ отдѣлѣ «За границей» (*М. Орлова*) — краткая замѣтка: «Практическая медицина у камбоджійцевъ». — **Февраль.** *Е. П. Ковалевскій*: Садъ боговъ. Пайкъ-Пикъ и Маншту. Гл. III.— Легенда индѣйцевъ о Великомъ Духѣ и о возникновеніи горы Пайкъ-Пикъ. — *К. Марьме*: Мертвецъ (ирландская сказка).—*С. И Уманецъ*: Японскій театръ. Очеркъ.—Въ отд. «За границей»—краткая замѣтка о конакахъ — жителяхъ Ново-Гебродскихъ острововъ (изъ La Science Illustrée) и о положеніи могометанскихъ женщинъ (изъ Ninetecuth Century). — **Мартъ.** Въ отд. «За границей»—замѣтка о религіозныхъ вѣрованіяхъ манчжуровъ (изъ Science Illustrée)—**Апрѣль.** Въ отд. «За границей»—замѣтка: изъ области камбоджійскихъ суевѣрій (изъ Revue Scientifique).

**Туркестанскія Вѣд. 1894. 62, 64.** Очерки быта каракиргизовъ, *Е. Ковалева.* Обрядъ похоронъ.—**67.** Библіогр. замѣтка: «Обзоръ 10-лѣтней дѣятельности амбулаторной лѣчебницы для туземныхъ женщинъ и дѣтей въ Ташкентѣ 1883—94 г. Составленъ женщинами врачами: А. Пославской и Е. Мандельштамъ». Изданіе Сыръ-Дарьинскаго Области. Стат. Ком. Ташкентъ. 1894 г. — **66, 67, 70, 71.** Извлеченіе *Тарновскаго* изъ доклада: Kafiristan, by G. S. Roberston, The Geographical Journal, September. 1894 г. Границы, природа, обычаи, религіозные обряды, наружность кафира, характеръ, домашній бытъ.—**72.** Изученіе кустарныхъ промысловъ Туркест. края. Докладъ дѣйствительнаго члена Т. О. И. Р. Т. О. К. М. *Оберучева*, читанный въ общемъ собраніи членовъ отдѣла 1 сент. 1894 г.—**77.** Библіогр. замѣтки *Дыкошина* объ «Этногр. очеркѣ киргизъ Перовскаго и Казалинскаго уѣздовъ. Соч. воспит. IV кл. Туркест. учительской семинаріи Худобая Кустанаева».

**Университетскія извѣстія.** Кіевъ. **1894. 11.** *Проф. Т. Д. Флоринскій*: Лекціи по славянскому языкознанію. II. Сербохорватскій языкъ.— *Б. студ. І. Малиновскій*: Ученіе о преступленіи по Литовскому статуту.— **12.** *Н. Максимейко*: Источники уголовныхъ законовъ Литовскаго статута.—*Проф. Т. Д. Флоринскій*: Новѣйшіе труды по изученію южнославянской старины и народности: 1. Изслѣдованія акад. Ст. Новаковича. 2. Новые историческіе матеріалы изъ архивовъ Далмаціи. 3. Новые матеріалы для исторіи Босніи. 4. Посмертный трудъ акад. Фр. Рачкаго. 5. Новая находка въ области древней глаголицы. 6. Новоизданный памятникъ хорватской глаголической литературы. 7. Два труда по исторіи сербской церкви. — **1895. 1.** *Проф. П. В. Голубовскій*: Исторія Смоленской земли до начала XV в.—**2.** *То же* (прод.).—*И. Козловскій*: Сильвестръ Медвѣдевъ.

**Уфимскія Губ. Вѣд. 1895. 7.** *Никоновъ*: Описаніе селеній Ново-спасской волости Мензелин. уѣзда.—**8—9.** Праздникъ Рождества встарину. — **15, 16, 28, 29, 37, 40—42, 60—62, 64, 66, 69, 78, 79.** *Свящ. Барсовъ*: Первые насельцы и первые насадители христіанства и гражданственности въ Уфимско-Оренбургскомъ краѣ.—**19.** Свѣдѣнія объ олонецкой сказительницѣ Ѳедосовой.—**20.** Олонецкій сказитель В. П. Щеголенокъ (изъ «Прав. В».).—**21, 36.** Замѣтка наблюдателя (геогр. очеркъ

Digitized by Google

г. Троицка). — **55.** Индійская легенда о происхожденіи мужчины. — **60.** Древнерусское мартовское новолѣтіе.—**62.** Замѣчательная доисторическая находка (француз. археологами Піэттъ и Делапартери въ департаментѣ Ландъ найдено 5 обломковъ человѣч. фигуръ изъ слоновой кости съ чертами монгольскаго типа).—**70.** С.-западный берегъ Гренландіи (замѣтка о путешествіи Эдвина Ассерупа).—**73.** Распредѣленіе человѣчества по религіямъ (изъ «Церк. Вѣстн.»).—**76.** Сословіе «сошей» въ Японіи (изъ «Прав. В.»).—**80.** Объ этнографической коллекціи, характеризующей бытъ орочонъ, въ Хабаровскомъ музеѣ.—**86.** Отпечатки рукъ (восточный обычай употреблять, вмѣсто печатей, отпечатки пальцевъ, вымазанныхъ сажей).

**Уфимскія Епар. Вѣд. 1895. I, 2, 5.** Свѣдѣнія изъ народной медицины.

**Херсонскія Епар. Вѣд. 1985. I.** Моленіе о почившемъ Императорѣ Александрѣ III у коптовъ-ортодоксовъ въ Луксорѣ.—**3.** О сектѣ штундистовъ.

**Школски Вјесник.** Стручни лист земальске владе за Босну и Херцеговину. **1894. VIII.** На стр. 433 небольшая замѣтка по изслѣдованію *М. Халанскаго*: Южно-славянскія сказанія о кралевичѣ Маркѣ въ связи съ произведеніями русскаго былевого эпоса.—**IX.** *Иванъ Зовко*: Изъ народной педагогіи. (Чтобы дѣти не умирали.—Противъ дѣтскаго плача).— *Јован Пржуљ*: Дѣтскія игры: «Зец», «Ромадане-Конадане», «Слијепи миш», «Зора», «Касалисице», «Цвијетье», «Бибер», «Животиньа».—Антропологическо-археологическій кангрессъ въ Сараевѣ (съ 15 по 22 авг. 94.).— **X.** *Петар Радаковичъ*: Дѣтскія игры: «Каше», «Синова», «Бостана», «Лопова», «Творавих кобила».—**XI.** *Его же*: Дѣтскія игры: «Анджаиса», «Ербеpечке», «Сватова», «Шанац», «Зечева и керова», «Мéте», «Ќâца».— **XII.** *Его же*: Дѣтскія игры: «Краткијех конаца», «Рога», «Шапта лапта», «Поште».—**1895. I.** *Видосава пл. Продановичъ*: Дѣтскія игры: «Бројанье јабука», «Муха», «Птичији пазар».—**II.** *Иванъ Кларичъ*: На колѣняхъ (пѣсни, которыя поетъ старшій ребенку, тряся его на колѣняхъ, №№ 1—8).

---

## Новости этнографической литературы.

**Архивъ** юго-зап. Россіи, издав. коммиссіею для разбора древн. актовъ, состоящей при кіевск., подольск. и волынск. генералъ-губернаторѣ. Ч. 8-я. Матеріалы для исторіи мѣстнаго управленія въ связи съ теоріею сословной организаціи. Акты барскаго староства XVII—XVIII вв. Кіевъ. 1894. 8°. 274+497 стр. 630 экз. Ц. 2 р.

**Барсуковъ**, Александръ: Свѣдѣнія объ Юхотской волости (Углич. у. Яросл. г.) и ея прежнихъ владѣльцахъ князьяхъ Юхотскихъ и Мстиславскихъ. Съ прилож. статьи объ юхотскихъ сокольихъ помытчикахъ. Изд. гр. С. Д. Шереметева. СПб. 1894. 8°. 78 стр.

**Виклеръ-фонъ, П.**: Русская геральдика. Вып. 3-й (326 рис.) Спб. 1894. 4°. 3+съ 113 по 176 стр. 1.200 экз. Ц. 3 р. (см. предыдущ. книги «Э. Обозр.»).

**Витковскій, В.**: За океанъ. Путевыя замѣтки. СПб. 8°. VIII+558 стр. 2.000 экз. Ц. 3 р. 50 к.

**Вундтъ Вильг.**, проф.: Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ. Пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра П. Я. Розенбаха. Съ 45 рис. СПб. 1894. 8°. X+465 стр. 2.010 экз. Ц. 5 р.

**Голубевъ, А. А.**: Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. (Изъ „Чт. въ Имп. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. Унив."). М. 1894. 8°. 23 стр. 150 экз.

**Голубовскій, П. В.**: Исторія Смоленской земли до начала XV ст. Кіевъ. 1895. 4°. 334 стр. Съ картой. (Изъ «Университ. Извѣстій» 1895 г.).

**Гротъ, Я. К.**: Нѣсколько данныхъ къ его біографіи и характеристикѣ. (Автобіографія.—Мысли и замѣтки 40-хъ гг.—Стихотворенія.—Мысли, посвящ. въ Бозѣ почившему Государю Наслѣднику Николаю Александровичу.—Послѣдніе дни жизни Грота). Съ прилож. портрета, юбилейныхъ документовъ 1882 и 1892 гг. и библіогр. списка его сочиненій, переводовъ и изданій. Съ предисл. Наталіи Гротъ. СПб. 1895. 8°. 238 стр. Ц. 1 р.

**Даневскій, В.**, проф.: Сравнительное обозрѣніе нѣкоторыхъ формъ народнаго суда. (Судъ шеффеновъ, сословныхъ представителей и присяжныхъ). Москва. 1894. 8°. 47 стр. (Изъ «Русск. Мысли»).

**Дивишекъ, М. Ѳ.**: О символическомъ значеніи Асклепія на основаніи Бизіенскихъ монетъ. Кіевъ. 1894. 8°. 98 стр. Съ рисунками. (На основаніи аттрибутовъ Асклепія на монетахъ, помѣщенныхъ А. Саллетанъ въ брош.: «Asklepios und Hygieia—die sogenannten Anathemata

für heroisierte Todte» разсматривается значеніе этого божества, уясняется связь его съ другими подобными, и основные элементы миѳа объ Асклепіи на почвѣ индо-европейскихъ сказаній. Къ основнымъ символамъ этого миѳа относятся: конь, змѣя, собака и пѣтухъ, которые и разбираются отдѣльно послѣ общаго вступленія о символахъ въ миѳологіи вообще. Авторъ—чистый миѳологъ и представляетъ Асклепія исключительно, какъ божество огня, молніи и свѣта вообще. *Н. Я* ).

**Дювернуа, А.**: Матеріалы для словаря древне-русскаго языка. М. 1894. 8° 234 стр. 600 экз.

**Езерскій, Н.**: Кустарная промышленность и ея значеніе въ народномъ хозяйствѣ. М. 1894. 8°. 124 стр. Ц. 75 коп.

**Записки** Приамурскаго Отдѣла И. Русс. Географич. Общества. Т. I, вып. 1. Нѣкоторыя данныя о положеніи рыболовства въ Приамурскомъ краѣ. Обработалъ *Н. А. Крюковъ*, агрономъ при приамурскомъ ген.-губернаторѣ. СПб. 1894. 8°. IV+87 стр. (Въ приложеніи: «Положеніе о Приамурскомъ Отдѣлѣ И. Р. Г. Общ.» 6 стр.).

**Зерцаловъ, А. Н.**: Объѣзжіе головы и полицейскія дѣла въ Москвѣ въ концѣ XVII в. (Изъ «Чт. въ И. О. И. и Д. Р. при Моск. Унив.»). М. 1894. 8°. 60 стр. 100 экз.

**Истоминъ, В. А.** Главнѣйшія особенности языка и слога комедіи В. В. Капниста «Ябеда» и романической поэмы И. Ѳ. Богдановича «Душенька». Оттискъ изъ «Русс. Филол. Вѣстн.». Варшава. 1894. 8°, 52 стр. (Отмѣчены, между прочимъ народныя мѣстныя и старусскія слова, формы и выраженія и художественные образы въ языкѣ этихъ писателей конца прошлаго вѣка, изъ которыхъ одинъ, Богдановичъ, какъ извѣстно, между прочимъ составилъ значительное собраніе народныхъ пословицъ и перефразировалъ ихъ въ стихотворную форму).

**Катановъ, Н. Ѳ.** Мусульманскія легенды. Текстъ и переводы. (Прилож. къ LXXV тому «Зап. Имп. Ак. Н. № 3). 8°. 44 стр. 200 экз. Ц. 40 коп.

**Катановъ, Н. Ѳ.** О погребальныхъ обрядахъ у тюркскихъ племенъ центральной и восточной Азіи. Казань. 1894. 8°. 34 стр. 100 экз.

**Кирпичниковъ, А.** Сужденіе дьявола противъ рода человѣческаго. (Памятникъ древней письменности CV.). Спб. 1894. 8°. стр. VI+съ 203 по 400. 510 экз.

**Корелинъ, М. С.**, Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Вып. II. Средневѣковыя церковныя готика и ея историческія основы. Съ 22 рис. въ текстѣ. М. 8°. 60+2 стр. 2.000 экз. Ц. 30 к.

**Крановъ, А. Н.**, По островамъ далекаго Востока. Путевые очерки. Спб. 1895. 8°, 443 стр., ц. 2 р.

**Красовскій, М. А.**, Русскіе въ Якутской области въ XVII в. (Изъ Казан. «Извѣтій Общ. Археол., Ист. и Этногр.. 1894, т. XII). Казань. 1895. 8°, 34 стр.

**Лайдынь, А.**, Русско-латышскій словарь ко 2-му выпуску «Русская рѣчь» М. Вольнера. Рига. 1894. 8. 55 стр. 5.000.

Digitized by Google

## ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Съ февраля текущаго года начало свое существованіе новое этнографическое общество во Львовѣ—Towarzystwo ludoznawcze, имѣющее цѣлью, во-первыхъ, научное изученіе польской народности и ея сосѣдей, а во-вторыхъ—обнародованіе и популяризацію добываемыхъ въ этой области свѣдѣній. Общество имѣетъ слѣдующія секціи: 1) археологическую, 2) антропологическую, 3) географическую, 4) лингвистическую, 5) литературную, 6) музыкальную, 7) промышленную и 8) соціологическую. Помимо центральнаго органа, общество имѣетъ въ виду устраивать въ разныхъ городахъ свои отдѣлы и сосредоточивать свою дѣятельность особенно на такихъ мѣстностяхъ, которыя мало затронуты научными изслѣдованіями. Въ числѣ важнѣйшихъ задачъ общество ставитъ себѣ, между прочимъ, опредѣленіе этнографическихъ границъ народности и территоріальнаго размѣщенія различныхъ говоровъ. Съ самаго почти начала своего существованія общество уже издаетъ свой ежемѣсячный журналъ „*Lud*", подъ редакціей д-ра *Ант. Калины*. Въ журналѣ имѣютъ быть помѣщаемы какъ матеріалы, такъ и изслѣдованія, при чемъ редакція имѣетъ въ виду болѣе широкую публику и потому заявляетъ, что „постарается теоретическую часть сдѣлать возможно болѣе доступной для всей публики" и будетъ „избѣгать научнаго балласта и академическихъ трактатовъ". Важное значеніе редакція имѣетъ въ виду придать библіографическому и критическому отдѣлу журнала, и этимъ изданіе, главнымъ образомъ, будетъ отличаться отъ извѣстной серіи этнографическихъ трудовъ Оскара Кольберга подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ память чего журналъ и получилъ свое названіе, являясь какъ бы продолженіемъ этой серіи. Кромѣ того, въ журналѣ помѣщаются разныя справочныя свѣдѣнія, вопросы, программы, отчеты о засѣданіяхъ общества, хроника и т. п. Вышли уже два выпуска Lud'a, по 2 печатн. листа каждый (апрѣль и май). Съ содержаніемъ ихъ мы познакомимъ въ слѣдующей книжкѣ.

Въ Бреславлѣ образовалось этнографическое общество—„Schlesische Gesellschaft für Volkskunde", благодаря стараніямъ нѣсколькихъ лицъ, каковы: Fr. Vogt, W. Nehring, Holz, Jiriczek, Volz, Wagner.

Въ Вюрцбургѣ, въ Баваріи также открыло свою дѣятельность новоучрежденное этнографическое общество — „Verein für Bayerische Volkskunde und Mundartenforschung". Предсѣдатель *O. Bremer*. Общество издало пока свое воззваніе и программу для собиранія народныхъ преданій.

Въ Греноблѣ основалось новое антропологическо-этнографическое общество—„Société Dauphinoise d'Ethnologie et d'Anthro-

Digitized by Google

pologie", которое также разослало свой циркуляръ, составленный секретаремъ г. Bordier, съ подробнымъ изложеніемъ значенія общества и его научныхъ задачъ.

На 66 съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, состоявшемся въ концѣ прошлаго года въ Вѣнѣ, были сдѣланы, между прочимъ, нѣкоторые доклады, касающіеся не только общей, но и русской этнографіи. Отмѣтимъ, во-первыхъ, сообщеніе H. Leder'a о старинныхъ кладбищахъ въ Сибири, R. von Erckert'a—о пяти главныхъ вѣтвяхъ кавказскаго племени, затѣмъ: V. Haardt'a — къ этнографія Балкан. полуостр., А. Маковскаго—о дилювіальномъ человѣкѣ и пр.

Текущимъ лѣтомъ нѣкоторые изъ членовъ Этнографическаго Отдѣла отправились въ поѣздки съ научною цѣлью, а именно: М. В. Довнаръ-Запольскій — въ Гродненскую губ., В. К. Поржезинскій—въ Ковенскую губ., М. Н. Сперанскій—въ Курскую губ., А. С. Хахановъ—въ Тифлисскую и Кутаисскую губ., Н. Н. Харузинъ—на Алтай, А. И. Яцимирскій—въ Бессарабію и Румынію.

Коммиссія по собиранію русск. народныхъ пѣсенъ при Имп. Русск. Геогр. Общ., продолжая начатыя ею занятія, командировала для этой цѣли спеціалистовъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, на Высочайше дарованныя средства.

На этихъ дняхъ въ газетахъ появилось прискорбное извѣстіе о смерти Мих. Петр. Драгоманова, скончавшагося въ Софіи на 54 году жизни. Некрологъ его будетъ въ слѣдующей книжкѣ.

---

Digitized by Google

# Изданія Этнографическаго Отдѣла.

## А) «Труды Этнографическаго Отдѣла».

Р. К.

Т. IV. Статьи *П. В. Шейна, Е. В. Барсова, В. Ѳ. Миллера, Ф. Д. Нефедова* и др. Сѣверный край, Бѣлоруссія, Поволжье и пр. (Вѣрованія, обряды, семейные обычаи, обычное право, путевыя наблюденія и пр.) . . . 2 —

Т. V. *П. С. Ефименко*: Матеріалы по описанію русскаго населенія Архангельской губ.

*Вып. 1.* Внѣшняя обстановка, пища, одежда; нравы, вѣрованія, обряды, врачеваніе; расколъ . . . 2 50

*Вып. 2.* Народное творчество (былины и пр.), языкъ . . . 3 50

Т. VI. *Ѳ. Я. Трейландъ*: Матеріалы по описанію латышскаго племени. (Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и пр.; тексты съ русскимъ переводомъ) . . . 3 50

Т. VII. Статьи *Е. И Якушкина, А. С. Пругавина, Д. И. Иловайскаго, Нила Попова, В. Ѳ. Миллера, Ѳ. Е Корша, Д. Н. Анучина, Д. Я. Самоквасова, Н. М. Ядринцева, Макс. М. Ковалевскаго, В. М. Михайловскаго, Н. А. Янчука* и др. (Споры о народности гунновъ, обычное право, сектанство, кавказскія легенды и вѣрованія, свадьба у сѣдлецкихъ малоруссовъ, гиляки, черневые татары и пр.) . . . 2 —

Т. VIII. Статьи *В. Ѳ. Миллера, М. М. Ковалевскаго, Е. А. Покровскаго, Н. Л. Гондатти.* Некр. гр. Уварова, Костомарова, Дюверн уа; юридическ. бытъ кавказскихъ инородцевъ; вѣрованія остяковъ; народн. игры. Прилож.: *Программа для собиранія свѣдній по этнографіи—Н. А. Янчука, по обычному праву—М. Н. Харузина* . . . 2 —

Т. IX. Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія. Вып. I. Статьи *В. Ѳ. Миллера, Н. Н. Харузина, П. М. Богаевскаго, Н. А. Янчука, В. В. Кандинскаго* и др. (Юридическій бытъ, семейные обычаи, народн. космогонія, музыка; очерки Бѣлоруссіи, Олонецкой, Вятск., Тамб., Казан. губ. и др.). 2 —

Т, X. *Н. Н. Харузинъ*: Русскіе лопари. (Очерки прошлаго и современнаго быта). Съ рис. и картой. . . . 3 50

Т. XI. Сборникъ свѣдѣній для изуч. быта крестьянскаго населенія. Вып. II. *Н. А. Иваницкій*: Вологодскій край. *Ю. Н. Мельгуновъ и М. Куклинъ*: Вологодскія пѣсни (съ нотами). . . . 2 —

*Вып.* III. *В. П. Тихоновъ*: Матеріалы для изуч. обычнаго права крестьянъ Вятской губ. *В. П. Племянниковъ*: Указатель къ „Трудамъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ" (рѣшенія вол. судовъ) . . . 2 —

Т. XII. *В. М. Михайловскій*: Шаманство.(Сравнительно-этнографическіе очерки) . . . 1 50

Т. XIII. *И. А. Житецкій*: Астраханскіе калмыки. Съ рис . . . 1 25

## Б) „Алтайскіе инородцы".

Статьи и изслѣдованія *В. И. Вербицкаго* . . . 2 —

## В) „Русскія былины старой и новой записи".

Новый сборникъ, подъ ред. *Н. С. Тихонравова* и *В. Ѳ. Миллера* . . . 2 50

## Г) „Этнографическое Обозрѣніе".

За 1890—94 гг. по 5 р. за годъ.

---

Оставшуюся въ небольшомъ количествѣ брошюру **Евг. Ляцкаго: „Олонецкій сказитель Ив. Троф. Рябининъ и его былины"**, съ портретомъ сказителя, его напѣвами и текстами былинъ и стиховъ, можно получать черезъ редакцію „Этногр. Обозрѣнія". Ц. 40 к. съ перес. (**Москва**, Политехнич. музей)

Digitized by Google